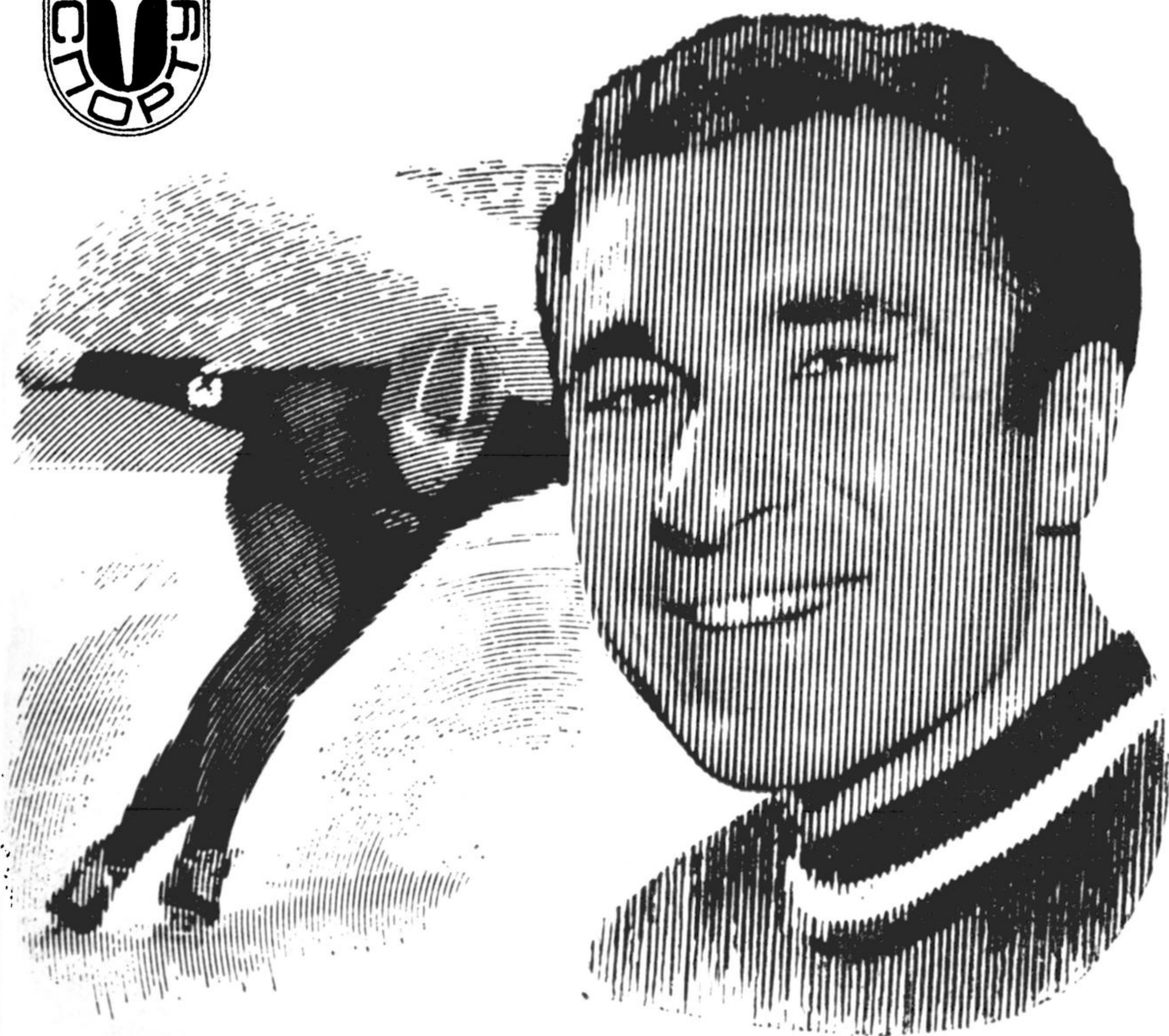

ВЕРИШЬ

Или-или

Когда серебряные трубы
возвещают победу,
они зовут на пьедестал
не только победителя,
они славят СПОРТ:
разум и силу,
мужество и волю,
верность, отвагу и честь;
они славят ЛЮДЕЙ,
отдавших сердца спорту,
зовущих своими делами,
своим примером
на жизненный подвиг.

ВЕРИШИМ

Или-или

Москва
«Физкультура и спорт»
1976

**7А4.3
Г82**

**Литературная запись
А. Ю С И Н А**

**Г82   Гришин Е. Р.
Или-или. М., «Физкультура и спорт», 1976.
224 с. с илл. (Сердца, отданные спорту)**

Четырехкратный олимпийский чемпион по скоростному бегу на коньках, заслуженный мастер спорта, ныне тренер Евгений Гришин рассказывает о своем пути в спорте, о своих товарищах по сборной страны и о тех, кто пришел на смену ветеранам. В книге показано, как формируется, выковывается характер настоящего спортсмена, как закаляется воля. Анализируя причины успехов и неудач, автор высказывает свои мысли о путях развития советского конькобежного спорта.

Г $\frac{60902-019}{009(01)-76}$ 15—76

7А8.4

© Издательство «Физкультура и спорт», 1976 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выбегая на финишную прямую, он всегда искал глазами циферблат хронометра: «Что покажет табло?» И я не ошибусь, если скажу, что главным соперником Евгения Гришина на протяжении 22 лет выступлений в большом спорте был... секундомер.

За два десятилетия сменилось несколько поколений спринтеров, а Гришин оставался Гришиным. Яростным, непокорным, не укладывающимся ни в какие рамки и градации возрастов. Закаленный в огнях сражений четырех олимпиад, ветеран с душой вечно юной, страждущей, ненасытной.

В активе Гришина 12 мировых достижений. Из шести дистанций, на которых фиксируются рекорды мира, Гришин отличился на четырех. Первый свой мировой рекорд он установил в 1952 году, последний — в 1963-м.

Первым в мире Гришин разменял казавшиеся недостижимыми 40 секунд в коротком спринте. Первым он выбежал из 2 минут 10 секунд на полуторке. Никто до него не улучшал мировых рекордов в дни напряженных олимпийских стартов. А Гришин в своем первом же олимпийском забеге на льду озера Мизурина в 1956 году сумел финишировать с новым рекордом земного шара. Со времен Олимпиады 1932 года, то есть с тех пор, как скороходы разделились на спринтеров и стайеров, никто из конькобежцев не выигрывал на олимпиадах 500 и 1500 метров. А Гришин перечеркнул и эту традицию. Так сказать, взял и отменил. Сначала он сделал это в 1956 году в Кортина д'Ампеццо, а через четыре года в Скво-Вэлли повторил свое достижение.

И еще — Гришин был самым молодым заслуженным мастером спорта. До него ни одному спортсмену нашей страны в 19 лет не присваивали такого высокого звания ни в одном виде спорта. Гришин рассматривал это звание как аванс, который всю жизнь необходимо отрабатывать.

В одном из своих журнальных выступлений Евгений Гришин писал: «Ты — олимпиец! А это значит, главная твоя заповедь: «Меня победить нельзя». Ты — олимпиец! Ничто не должно смутить тебя и вывести из равновесия. Ты — олимпиец! И должен быть готовым к любой неожиданности, к любому повороту событий. Ты — олимпиец! Не отступай же!

От тебя, и только от тебя самого, зависит, сумеешь ли ты вписать золотыми буквами свою строчку в историю олимпийского движения, свою фамилию в победную симфонию советского спорта. Это трудно сделать! Но настоящие спортсмены всегда шли к своим победам, преодолевая трудности, многим жертвуя. И народ всегда воздавал им должное. За мужество, за дерзание, за подвиг!»

Помню победу Гришина на чемпионате мира в Москве в 1962 году. На любимой своей дистанции 500 метров он показал блестящий для московского льда результат. А когда его поздравляли с успехом и спрашивали: «Было очень трудно?» — он как-то слегка виновато улыбался: «Нет! Нет! Это совсем нетрудно... Но не скажу, что легко... А если в такой мороз Лужники собирают сто тысяч болельщиков, нужно и можно бежать быстрее... В следующий раз постараюсь...»

Нам, летчикам, как, наверное, никому другому, понятно стремление Гришина к новым скоростям. Отличительная черта людей дерзающих — никогда ничего не делать наполовину. Летать — значит быстрее и выше. Вызваться на помощь — значит помочь. Никогда не останавливаться на достигнутом.

После четвертой олимпийской победы Гришина спросили: «Чем вас поразила Америка? Что вам понравилось у нас?» И Женья ответил удивительно точно и образно: «Понравился красный флаг на голубом американском небе. Очень красиво...»

Это и в самом деле красиво — красный флаг в голубом небе. Флаг — это ведь не только символ. Это — часть каждого из нас, пламень нашей души. Пароль дерзких и бесстрашных. Вспоминаю красный флаг, который бился на мачте в ледовом лагере челюскинцев. Когда наш самолет «АНТ-4» совершил посадку на крохотном аэродромчике, меня бросились целовать, качать. Шапки и рукавицы полетели вверх. «Да здравствует красная авиация!» — кричали челюскинцы и размахивали красными флагами. А потом слышались величественные звуки «Интернационала».

Об всем этом напомнила мне гришинская книга. Книга мужественного и неповторимого спортсмена.

Читая «Или-или», невольно отметил про себя: а ведь у нас с автором много сходного! Мне было 25 лет, когда я получил Золотую Звезду Героя Советского Союза, на которой выбита цифра «1». Гришину было 25 лет, когда он подарил нашему спорту золотую медаль на олимпиаде — первую в истории наших коньков.

Поколение Гришина, можно сказать, прорубало просеку среди горных олимпийских круч. Первопроходцы не имели представления о ходе борьбы на олимпиадах. Им первым было дано узнать на вкус и на цвет: «Так вот ты какая, Олимпиада!» Евгений Гришин, как подобает истинному спортсмену, был четок в своих поступках: «Пришел. Увидел. Победил!» Он все познал в спорте. Познал и выстоял. И понял философию жизненной борьбы, и постиг мудрость спорта: «Меня победить нельзя!» Впрочем, я начинаю пересказывать книгу «Или-или», а это в мою задачу вовсе не входит.

Анатолий Ляпидевский,
Герой Советского Союза

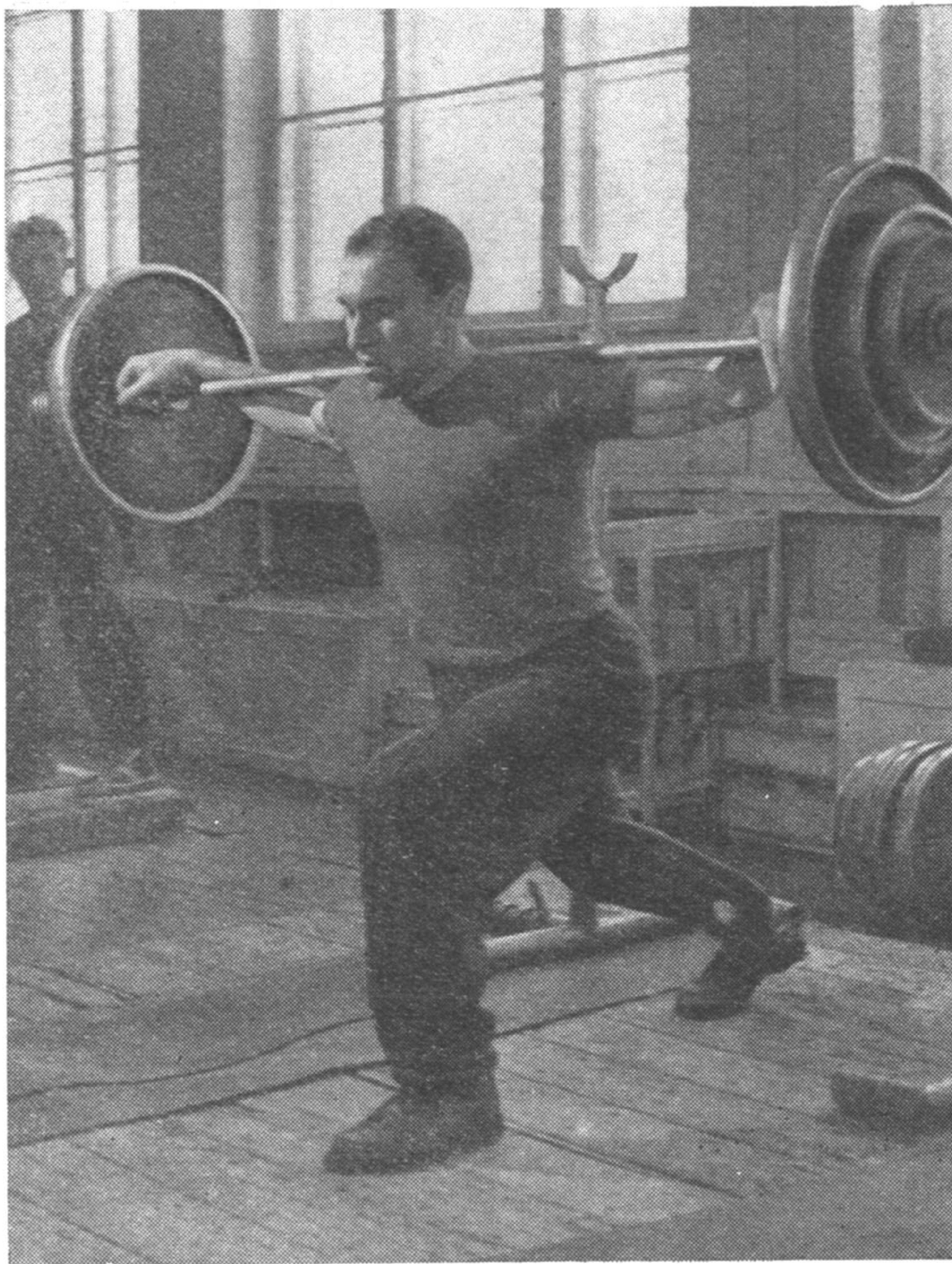

И конькобежец...

...и лезкоатлет...

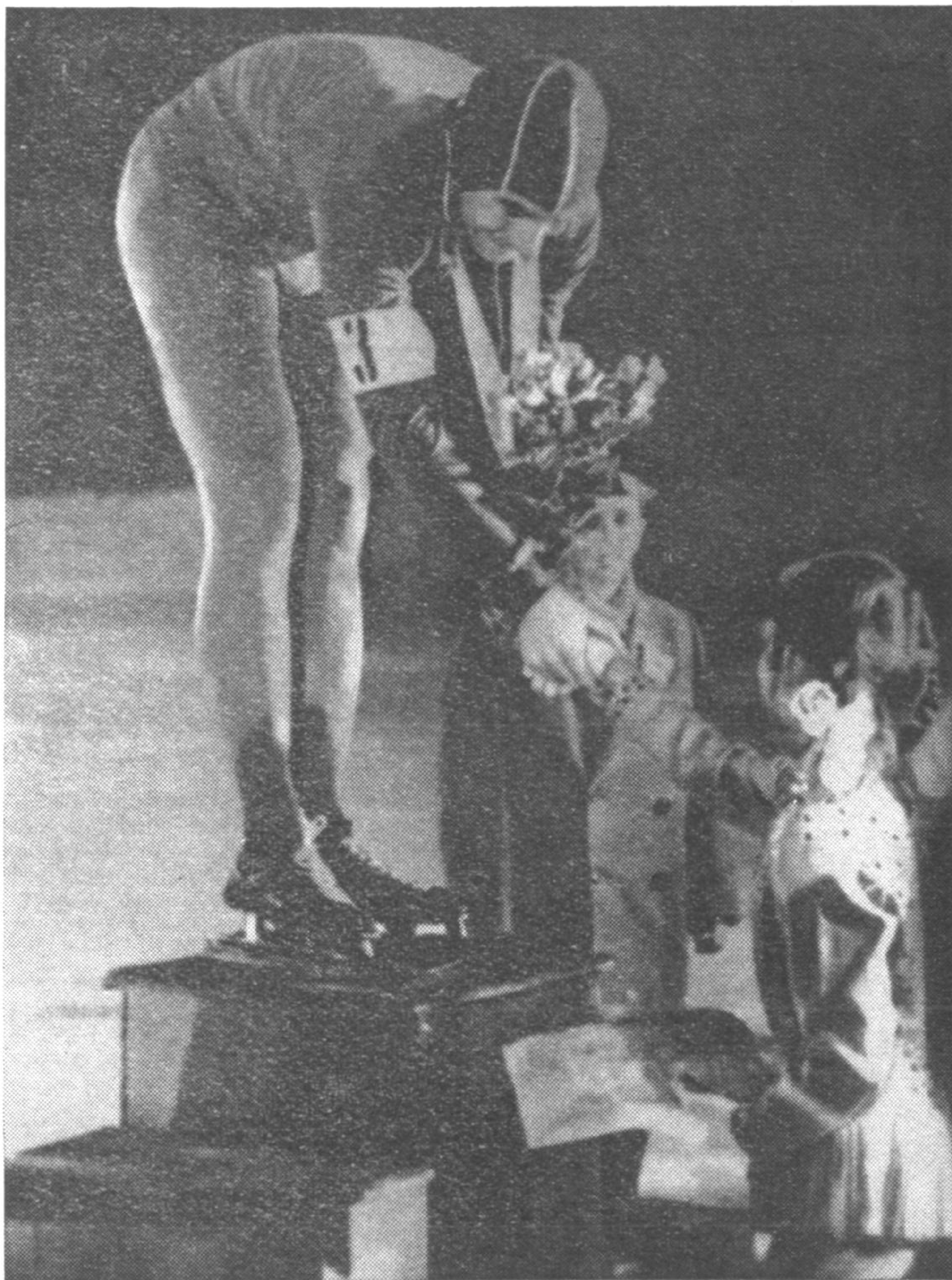

... и штангист

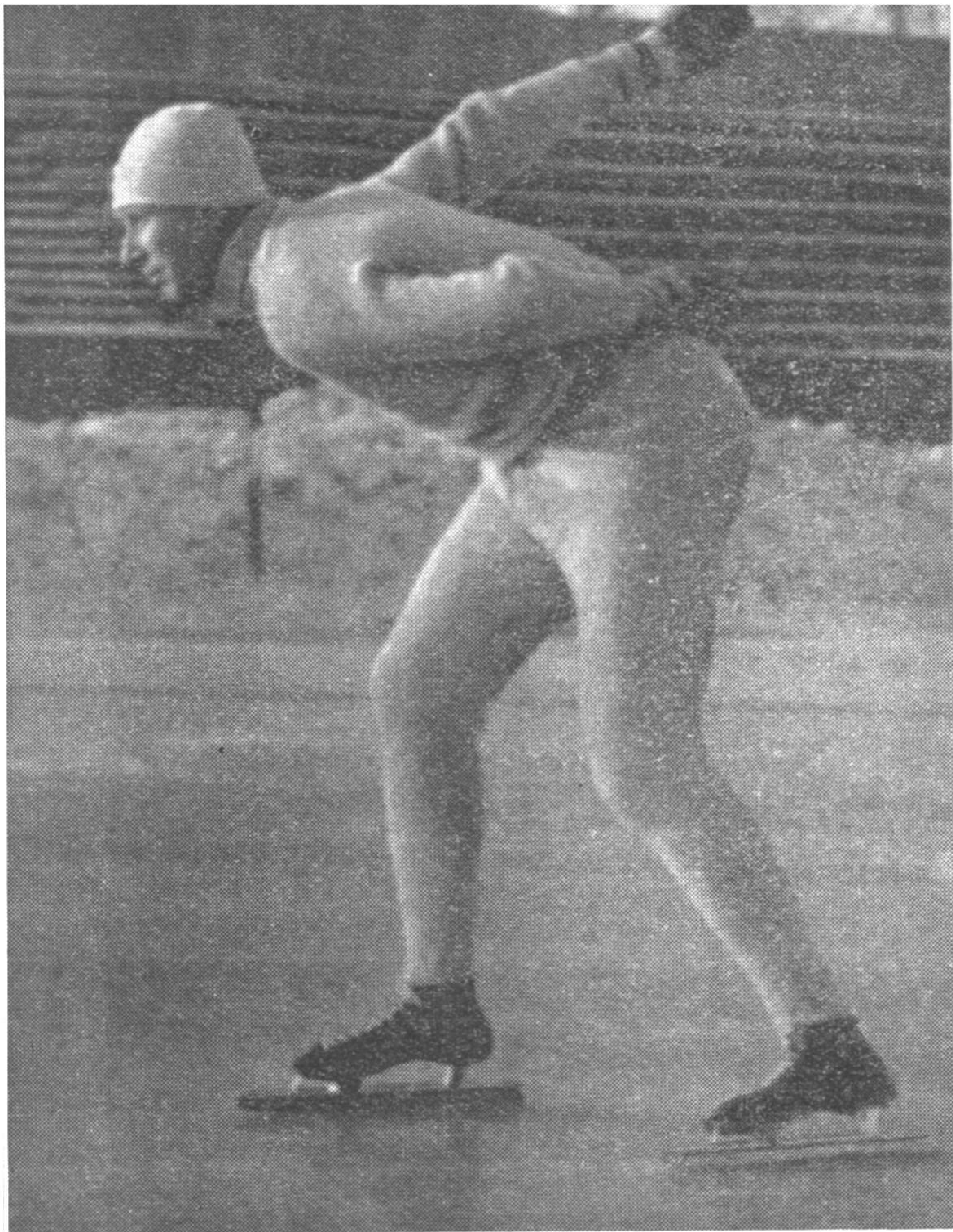

Один из двадцати чемпионатов СССР.

Еще одна награда

Константин Константинович Кудрявцев

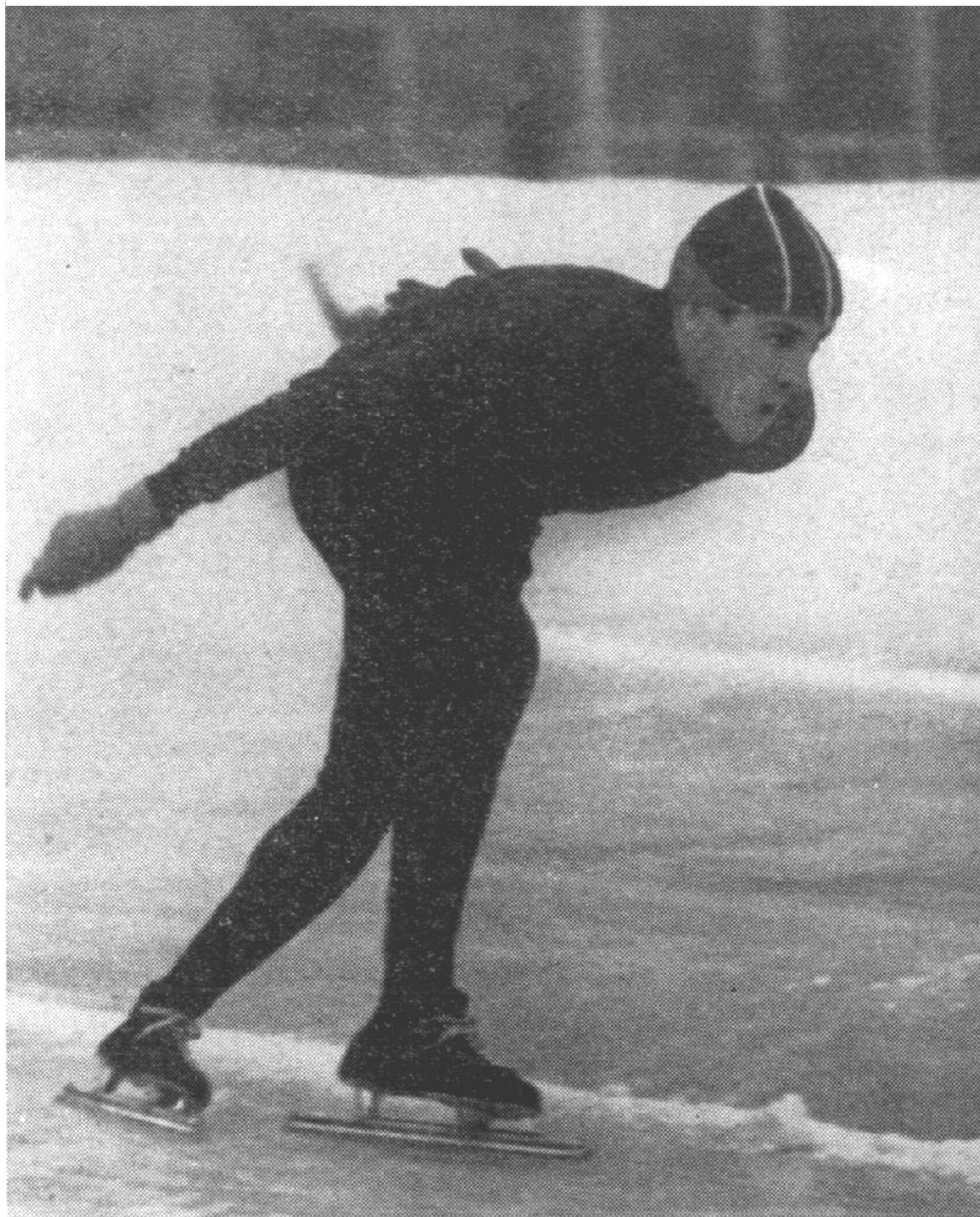

Автографы, автографы, автографы...

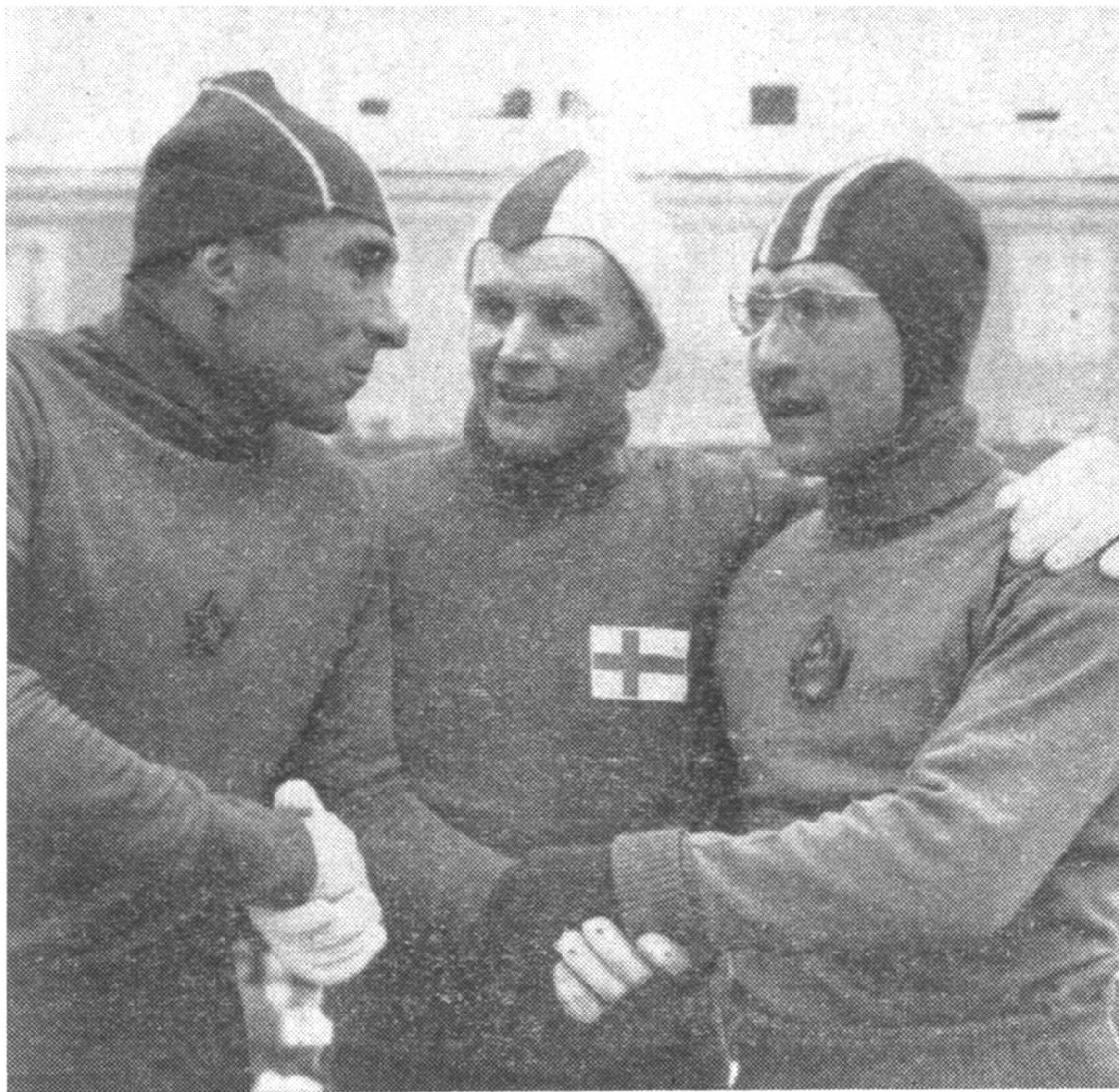

Олег Гончаренко

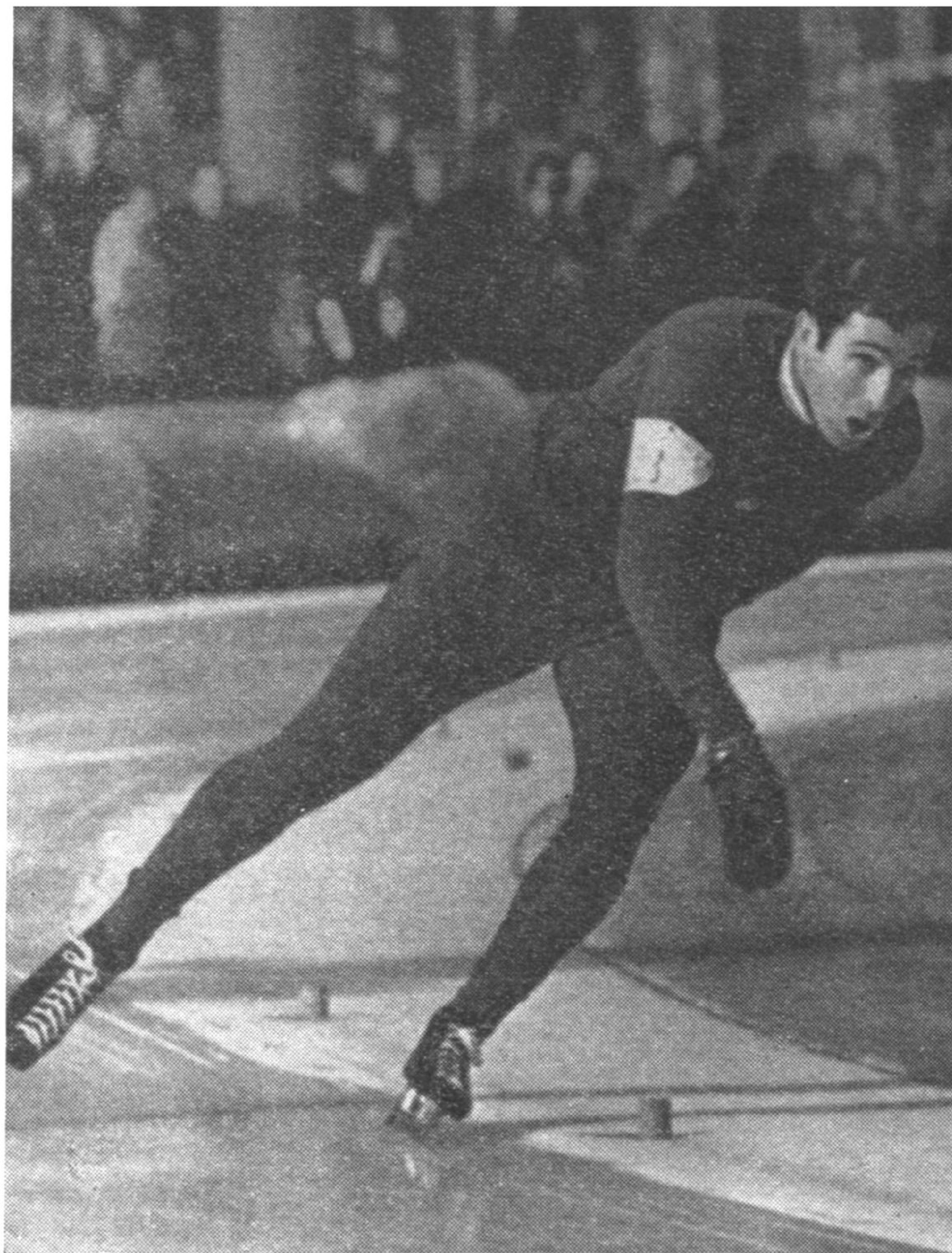

Рафаил Грач

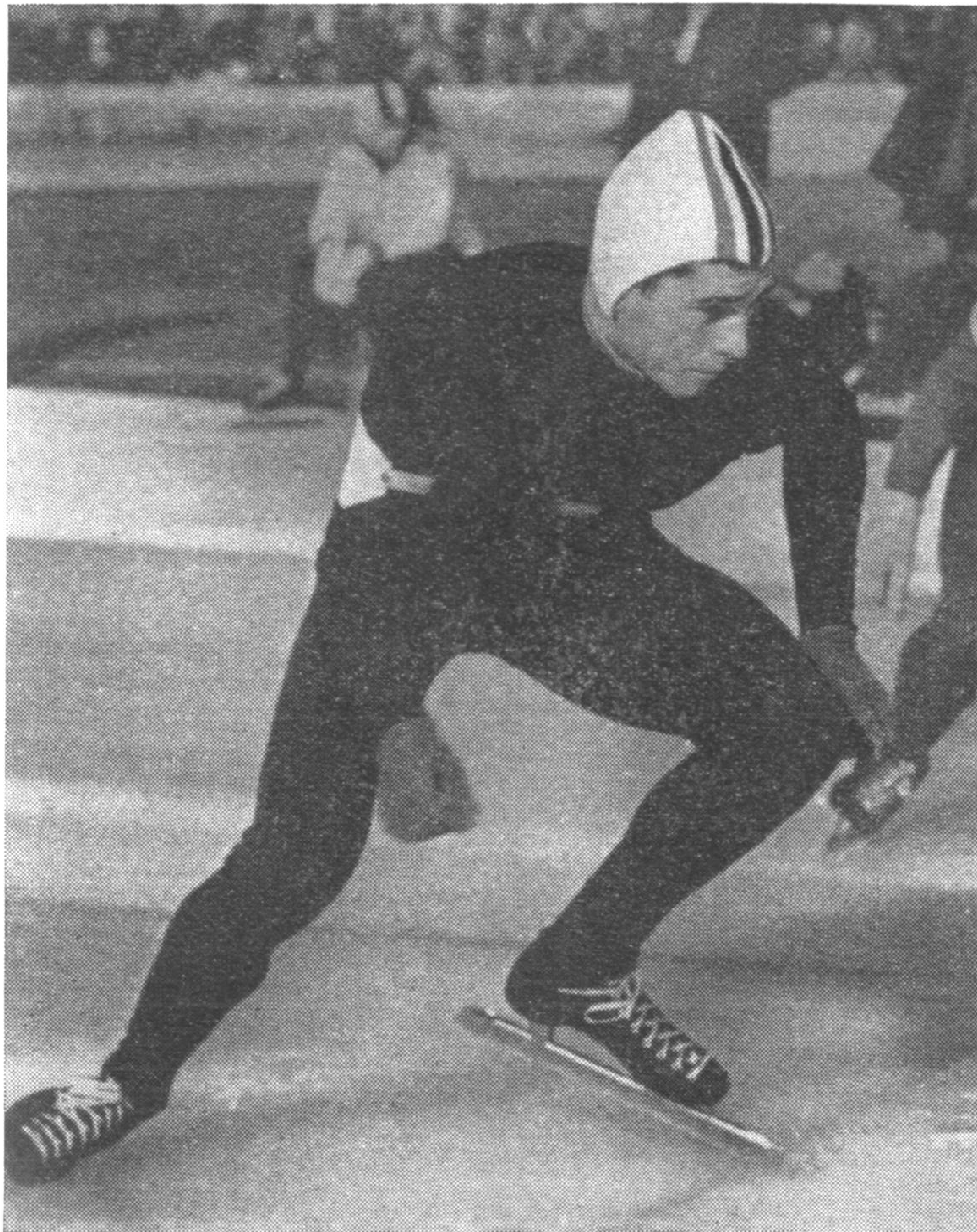

С Юханнесеном и Стениным

Ричард Макдермотт

Эрхард Келлер

Лео Линковеси

Сборная СССР. Спринтеры и многоборцы...

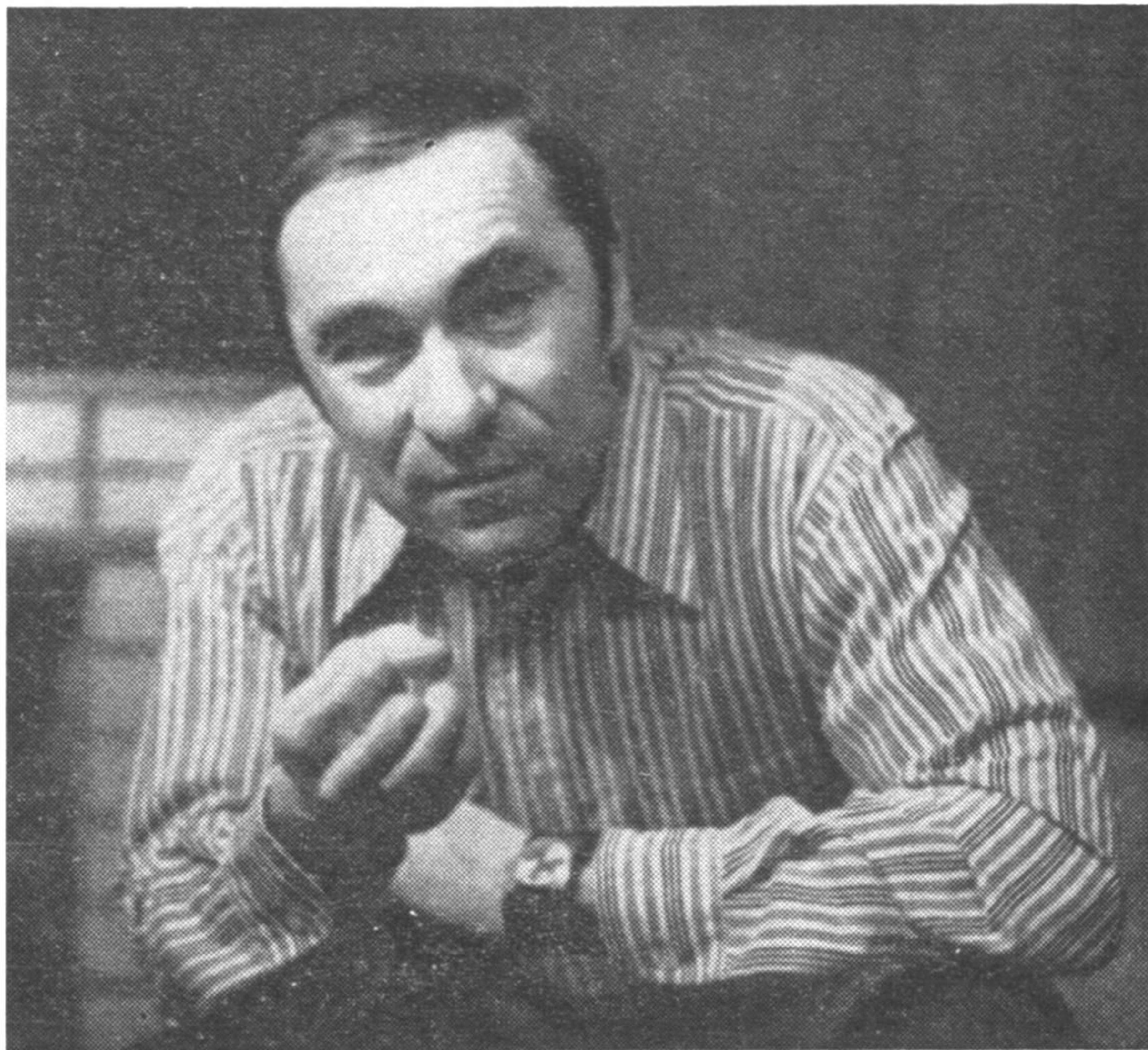

С Аленкой

В феврале 1975 года на первенстве мира в Гетеборге весь пьедестал был наш, советский. Слева направо: Валерий Муратов, Александр Сафронов, Евгений Куликов

Хотите верьте, хотите нет, а я бы мог выбежать из 37...

ОТ АВТОРА

Семь лет назад, уходя из спорта, я написал книгу «500 метров», изложил в ней факты своей биографии. Над книгой работал сразу же после Олимпиады в Гренобле, еще не остыв от борьбы. Книга получилась, естественно, полемичной. Недавно перечитал ее и задумался: «А во всем ли был прав я, спортсмен Гришин? Под всем ли в той книге может подписаться сегодня Гришин-тренер?» Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. И если я показывал 39,5 секунды, то сколько бы лет ни прошло, они так и останутся — 39,5... Факты остаются фактами. Но вот некоторые оценки людей, событий... Меня смущает, что я скороговоркой кого-то обидел, был субъективен в рассказе о некоторых первенствах, неточен в психологическом анализе. Поэтому-то решил снова взяться за перо. Факты вроде бы остались те же, но книга, на мой взгляд, получилась совсем другой. Жизнь не просто отредактировала биографию — она заставила меня еще раз переосмыслить свершенное, дописав к тем 37 моим годам еще 8... трудных тренерских лет.

«Или-или» — это не повествование о моей жизни, а монолог о спринтерском беге. И главный герой этой книги — поколение молодых спринтеров, которое смело идет на штурм олимпийского пьедестала.

или разрозненные мысли, часто непричесанные, иногда — крик души, редко — спокойное повествование, это букет фактов, букет из нескольких незабудок

Говорят, что муза истории у древних греков называлась Клио. Клио — слишком красивое слово. Я предпочитаю поскромнее, — например, Незабудка.

Помните эти цветы — сине-голубые? Очень нежные и очень простые. Возьмешь один цветок — и не можешь оторваться, и не в силах понять, в чем красота-то. Синее с голубым... Ну и что? А почему па сердце нежность от голубого? Возьмешь второй цветок, третий... А представьте себе мысленно целый букет незабудок...

Незабудка, сколько раз ты приходишь ко мне! Обоженная морозом память не дает жить спокойно, размеренно и чинно. Казалось бы, что проще: служба и дом! Тренерская работа, домашние заботы. Аленка уже учится в седьмом классе, хорошо знает английский, жена написала диссертацию, у брата, который не намного старше меня, растет внук, и дед в нем души не чает. Когда же я успоко-

юсь? Разлягусь на шкуре белого медведя, включу камин — тепло успокаивает нервы, проверю уроки у Алены, сыграю в «подкидного» с мамой? А пужна ли она, такая тихая, такая безоблачная жизнь? Клио, подсказки! Выручай, Незабудка!

Незабудка-1

В 1962 году в Лужниках Виктор Косичкин стал абсолютным чемпионом мира по конькам. Никогда не доводилось мне видеть зрелища более торжественного, чем чествование Виктора на главном стадионе нашей страны. По дорожке ехал венок. Он был таким большим, что за темно-зелеными листьями исчезал Косичкин. Горели тысячи ламп прожекторов. Бегали «киношники». Фейерверк метался над стадионом. Гудела стотысячная толпа, презревшая мороз в 27 градусов.

Я подбежал к операторам киностудии «Мосфильм»:

— На какую пленку снимаете?

— На черно-белую, — отвечали они.

— А почему же не на цветную? — сокрушался я.

— На будущий год снимем! — заверили те. — Косичкин — это гарантия побед на целых десять лет. Не согласны?

Следующий год не принес нам лавровых венков. И еще один год прошел. И еще десять, а советские скороходы-мужчины по-прежнему возвращаются с чемпионатов мира без лавровых венков...

Незабудка-2

4 февраля 1973 года, 17 часов 40 минут по норвежскому времени... Внезапно погасли огни на шести мачтах искусственного катка «Валле Ховин» в Осло. На стадионе воцарилась темнота. А в это время по ледовому кругу ехали два чемпиона мира по спринту —

американка Шейла Янг и советский спортсмен Валерий Муратов. Когда свет погас, оба чемпиона остановились от неожиданности. Но почти моментально вспыхнули прожекторы, — казалось, вся Норвегия, занимающая первое место в мире по количеству энергии, вырабатываемой на душу населения, направила русло электрической реки на «Валле Ховин». Вспыхнул неповторимый красочный фейерверк — салют в честь победителей.

Как долго мы ждали этого дня! И как были счастливы! Все мы, кто был на льду, обнимались, целовались, поздравляли друг друга, а младший брат Муратова, Юрий, который здесь, в Норвегии, справил свое двадцатилетие, хитро подмигнул старшим товарищам: «Ну что? Лед тронулся, господа?»

Между первой и второй незабудками был путь в четыре тысячи дней. Ожидания, сомнения, разочарования. Два лавровых венка, разделенные одиннадцатью годами, конечно, отличаются друг от друга. Косичкинский сплетен из чистого лавра, муратовский изготовлен в химической лаборатории. Первый добыт в борьбе на классических дистанциях, второй завоеван в спринтерском многоборье. Успех Косичкина был последним, завершающим славное десятилетие побед советской школы скоростного бега на коньках. Триумф Муратова представляется мне первой ласточкой грядущих побед, той ласточкой, которая на своих крыльях приносит весну.

Незабудка-3

Лед на стадионе «Динамо» словно стеклянный, за него трудно цепляться. Скороходы Скандинавии не могли его освоить и шли к нам за советами.

В 1955 году, когда чемпионат мира проходил в Москве, наша сборная была представлена Олегом

Гончаренко, Борисом Шилковым, Дмитрием Сакуненко и Евгением Гришиным — настоящими гвардейцами, которых и в идеальных условиях нелегко было победить, а одолеть их на привычном для русского человека морозе представлялось немыслимым. Скандинавы загрузили. Вице-президент Международного Союза конькобежцев шведский генерал Свен Лофтман горько сетовал:

— Скандинавов может спасти только нечаянно разразившийся дождь...

Это была такая милая шутка, что все улыбнулись.

Но каково же было всеобщее удивление, когда в день старта пошел дождь! На параде все мы стояли в ледяном панцире.

Лед стал вязким. Наш сильнейший многоборец Олег Гончаренко, могучий, массивный, зарывался в лед. А легкие скандинавские скороходы свободно катались по сморщенному льду. Чемпионом мира стал швед Эрикссон. Три наших спортсмена заняли последующие места. Но итоги чемпионата были расценены как крупнейшее поражение! Так все привыкли к нашим победам, что любое призовое место кроме первого считалось досадной неудачей.

Со стадиона мы выходили через черный ход. Было стыдно попадаться на глаза москвичам. Домой я пришел очень поздно. Мама, разумеется, не спала.

— Какое вы имели право проиграть в Москве? — спросила она.

Долго я утешал ее — объяснял неудачу плохой погодой. Она соглашалась и тут же спрашивала:

— А для них, для шведов, погода была другой?

— Но они же легче нас...

Так мы и не смогли понять друг друга.

Шли годы. Победы и поражения чередовались. Каждый четный год лавровый венок доставался нашим конькобежцам, каждый нечетный — скандинавам.

За всю историю участия советских конькобежцев в первенствах мира лишь четыре скорохода были увенчаны лавровыми венками: Олег Гончаренко (трижды), Борис Шилков, Борис Стенин и Виктор Косичкин. Причины поражения находились всегда.

Точнее — изыскивались: погода в стране если уж плохая, то по всей территории от Балтийского моря до Тихого океана; если ветер на дистанции дует, то он дует лишь в те минуты, когда на дорожке паши скороходы...

Восемнадцать лет назад моя мама раз и навсегда отрезала для меня подобный путь объяснения неудач:

— А для них, для шведов, погода была другой? — спросила она.

Незабудка-4

«Наверное, не очень вовремя пишу о коньках: на улице жара, лето хоть и запоздалое, но берет свое... А про коньки я не могу не думать. Провициальной жительнице, мне трудно судить о большом спорте, но складывается впечатление, что советские скороходы отстают от скандинавских на многие годы — лет на пять, не меньше.

Для меня это отставание почти личная трагедия. Обидно, что наши регулярно проигрывают с 1962 года. И еще очень жаль, что эти первенства мало транслируются по телевидению.

Когда у матери несколько детей, а один из них болен, мать всегда больше внимания уделяет именно слабому. Так и в спорте. Коньки — это восемь комплектов медалей. Мы кричим: «Футбол!», «Хоккей!» Не спорю, хорошие виды спорта, но в пересчете на медали — одна медаль всего. А как мы их пропагандируем? Неужели коньки хуже?.. Было время, когда они принесли нам столько славы! Читаешь иные книги, и душа радуется: какие были богатыры в нашей сборной! Гончаренко, Косичкин. Как нам повезло, что во главе сборной стоял Кудрявцев!..

Почему вы молчите, Евгений Романович? Напишите о коньках!

Я верю, что наши неудачи — временные. Будут и у нас чемпионы, будут! Вот построили искусственный каток — уста-

новим на нем официальный мировой рекорд (установим — не сомневайтесь!), и снова молодежь пойдет в конькобежные секции...»

Прекрасно понимаю монолог девушки из далекой бухты Ложных Вестей (признаюсь, что до того момента, как получил это письмо, и не подозревал, что есть такая бухта и около сопок удивительный поселок, удивительный потому, что живет в нем девушка Лариса, которая не может кататься на коньках, ибо льда в бухте достаточно, но морозы таковы, что больше двух минут тренироваться нельзя; и вот живет рядом с морем девушка и жадно ловит каждую телепередачу о коньках и каждую строчку в газете или книге). И как, наверное, приятно было ей узнать, что весной 1975 года мировые рекорды вновь вернулись в нашу страну...

Незабудка-5

Позади четверть века большого спорта... До сих пор вижу последнюю дистанцию, последние 500 метров. И как отчеканил их, помню. И как повесил коньки на гвоздь, а потом отдал их Муратову, в котором увидел своего наследника.

«В уходе Гришина нет никакой трагедии», — читал потом газетные отчеты и возмущался. Умом понимал: действительно, никакой трагедии нет — нельзя же всю жизнь бегать на коньках, как невозможно балерине всю жизнь танцевать Джульетту! А вот сердце... Оно не соглашалось: «Неужели последний бег — самый трудный бег?» Что ли не было Кортина д'Ампеццо, не существовало Скво-Вэлли, никогда не тупился конек в Инсбруке и неужели забыт отчаянный взрыв в Гренобле, когда единственный из мужчин-сорокоходов, тридцатисемилетний, я принес команде три зачетных очка?.. Разве не было ничего, кроме этого чисто символического бега на матче с норвежцами в 1968 году?..

Какая может быть трагедия в том, что Гришин никогда больше не выйдет на лед? Никакой. Не выйду — и все! Другие побегут — побьют рекорд. И результаты забудут. Ничего не поделаешь — жизнь! Если бы вдруг всего этого не стало, если бы чемпионы и рекордсмены встречали свои сорок лет на стадионе, да еще в расцвете сил, — наверное, спорт бы кончился...

Все это правильно, но, уходя из спорта, мне оставалось неясным одно: как прожить без быстрого льда?

Перед последним своим стартом я бодрился, старался внушить себе: нет ничего страшного, ты столько раз бегал по этому катку. Пусть рядом стартуют ребята, родившиеся в тот год, когда ты уже бегал за сборную страны. Пусть они моложе тебя на пятнадцать лет. Пусть их выручает где-то молодость, где-то азарт, но тебя-то обязан выручить опыт...

Забег я выиграл. А потом диктор объявил: «Он уходит... Спасибо и... прощай». Я поднимался на какой-то пьедестал почета, и мне говорили хорошие слова: «Он был... Мы запомним... Герои остаются в строю...» Глаголы произносили в прошедшем времени, а мне было не очень много лет — 37... Я стоял и пытался улыбнуться. И меня раздирала такая несусветная тоска — тоска от воспоминаний, от сознания того, что уже никогда не повторится ни одна минута жизни, никогда уже не будет выстрела стартера за спиной.

Незабудка-6

Вспоминается молодой человек 29 лет, который имел четыре золотые олимпийские медали и раздумывал: «Уйти или не уйти?» — некий Гамлет с тульским акцентом. Было это в 1960 году. Я не знал, что еще восемь лет предстоит вариться в большом спорте. 2800 дней держать себя в рамках жесточайшего режима... Ничего этого я еще не знал...

«Ты молодец, Женя, — сказал я себе. — Вот так и надо. В тебя не особенно верили, а ты доказал, что в 29 лет настоящего спринтера рано списывать «на пенсию». А теперь самое время уйти. Уйти непобежденным! Жизнь идет вперед — ты можешь и выигрывать и проигрывать. Но там, где кому-то будет счастьем второе место, тебе засчитают самое обидное поражение! Неужели ты надеешься, что будешь вечно выигрывать?»

— Ты просто фанатик! — говорили мне в 64-м. — Прекрасно, что ты любишь коньки, но еще прекрасней, если бы ты полюбил жизнь и не ограничивал себя режимом, не сдерживал бы свои страсти и желания, дал бы волю чувствам.

— А если не послушаюсь!

— Ну что ж, советы даются для того, чтобы потом попрекать советами...

Уйти или не уйти? — вот в чем вопрос.

Смешно! Я не читал «Гамлета». Не пытался понимать его. И вдруг — «уйти или не уйти?»

Меня не собьют с пути десятки самых поучительных примеров. Если решил, — не уйду. Обязательно выступлю в Инсбруке — поборюсь за медаль. Не получится — постараюсь продержаться до Гренобля. Не уступлю своего места в сборной, пока не появится человек, который побьет мой рекорд, пока не проиграю ему в единоборстве...

И сегодня, в 76-м, я могу сказать одно, что уйти — это самое легкое...

Запомните раз и навсегда те, кто спешит уйти из спорта. Уйти и не завершить своих планов, не доказать своих концепций — значит не быть настоящим спортсменом. Значит, никогда не любить спорт самоабвенно и преданно, а любить лишь себя в этом спорте.

Я не ушел непобедимым. Посчитал это слабостью.

Ушел развенчанным...

Ошибся ли я тогда?..

или попытка нарисовать портреты тех двух замечательных людей, которые бескорыстно помогали мне на каждом шагу, без кого столь долгий путь в спорте не был бы возможен

Яков Иванович

На десятом году занятий спортом, завоевав две золотые олимпийские медали и получив две медали Международного союза конькобежцев за мировые рекорды, я получил телеграмму: «Ждем на родине. Туляки». Упаковав медали, я отправился в путь. На торжественном вечере в Туле сидел в президиуме рядом с Яковом Ивановичем Яковлевым. Первый учитель влюбленно смотрел на меня, иногда проводил рукой по пиджаку и спрашивал шепотом:

— Римский костюм?

— Ага! — говорю. — Из ГУМа.

Скромнейший, дорогой мой человек, Яков Иванович! Уже семь лет, как я не тренировался у вас. Но знали бы вы, как часто вспоминал я Тулу, наши занятия в Кремле! И вас, такого терпеливого, корректного, не по-спортивному мягкого. Иногда старался

припомнить: какой у вас голос? Не мог. Вы никогда на нас не кричали. А сколько вы знали! И что поразительно — откуда знания? В институте ведь не учились?.. Большим спортсменом не были?..

Каким я пришел к вам, Яков Иванович? Помните? 1946 год. Я умел стартовать на коньках великолепно, разумеется для своего возраста. На первых двухстах метрах разгонялся так, как никто. Правда, потом сил у меня не хватало — был я после войны длинный и худющий, — почти просвечивался. По моим костям можно было изучать анатомию. Яков Иванович работал со мной над заключительной трехсотметровой. Он советовал:

— Никогда не бросай коньки. Врачи нашли у тебя шумы в сердце... Кто их знает, в сердце не влезешь... Пока ничего не сказывается, но все может случиться. Будь больше на воздухе. Бегай короткие отрезки. В коньках движения плавные. В основном ориентируйся на спринт. Но не забывай и об остальных дистанциях. Особенно о полуторке. У тебя сейчас везде ровные результаты. Правда, быстроты тебе природа дала больше, чем выносливости. Но если с сердцем все будет нормально, разовьем и выносливость!..

И развивали... Помните, как наша тульская конькобежная секция стала знаменита на всю страну? Это когда на первенстве России никому не знакомый скороход из неконькобежной Тулы Евгений Гришин сумел установить с первой же попытки рекорд Советского Союза для юношей — 47,6 секунды. Сенсация для всех специалистов.

После финиша долго не объявляли моего результата. Забегали секундометристы, что-то уточняли... К судейской будке подошел высокий мужчина, он размахивал руками, был возбужден.

А я же, не подозревая, что установил всесоюзный рекорд, продолжал спокойно кататься по льду, пока не услышал:

— Молодой человек, зайдите к главному судье!

Ко мне обратился тот самый высокий мужчина, который разговаривал с секундометристами. Позже я узнал, что это был известный конькобежец и тренер Евгений Лечфорд. Он был насторожен.

— Сколько вам лет, молодой человек?

— Я уж лучше покажу метрики. Специально захватил, — засмеялся я.

— Ну что ж, покажите!

Метрики были просмотрены со всей аккуратностью и щепетильностью Евгения Иосифовича Лечфорда. Наконец он заулыбался:

— Поздравляю... Рекорд ваш! Знаете, молодой человек... — и он стал давать мне десятки советов, которые я старался запомнить и, разумеется, не запомнил, потому что их было очень много.

Выйдя из кабинета Лечфорда, я собрал свой рюкзачок, надел шапку и пошел с катка. А вдогонку летело:

— Новый всесоюзный рекорд установил Евгений Гришин...

Утром в гостинице меня ждала телеграмма: поздравляли с успехом. И подпись: «ЦЕКАМОЛ». Яковлев долго вертел телеграмму, стараясь разобраться в слове «ЦЕКАМОЛ». Наконец понял:

— Центральный комитет комсомола...

Долго мое выступление на первенстве РСФСР было предметом обсуждения. Получалась странная вещь — многие годы ученики Лечфорда не знали себе равных, это была сильная школа скороходов, которая могла гордиться своими традициями. И вдруг все перемешалось! Какой-то мальчишка обыграл всех и умчался назад в свою Тулу!..

Спорам о тульских скороходах, наверное, не суждено было кончиться, если бы в Туле существовали такие же условия для тренировок, как в Горьком. Но в секции Яковлева не было элементарного — льда, раздевалки...

Только сам Яков Иванович, неисправимый энтузиаст, да небольшая группа его учеников. Конькобежцам в Туле уделялось мало внимания — это же не велосипед! А Тула, сами понимаете, жила и жива будет велосипедом.

Еще один эпизод тех лет остался в памяти. В Туле я пробежал пятисотку с мировым рекордом для взрослых. Но мне не столько запомнилось это, сколько находчивость моего учителя. Неожиданно Яковлев предстал передо мной в новом качестве. А было так: у меня затупились коньки. (На тульском катке, когда ветер дул со стороны оружейного завода, кататься было нельзя: лед делался похожим на наждачную бумагу и покрывался копотью, и коньки мгновенно становились тупыми.) Камней для точки у нас с собой не было. Я пал духом.

Тренер Яковлев посмотрел лезвия, покачал головой:

— Снимай! Иди в город. Отвлекись, читай афиши...

Коньки скоро будут готовы!

Прихожу через пять минут.

— Поточены прекрасно! — и подает коньки. — Но ты не пробуй их, не смотри. Договорились?

Надел коньки. Вышел на лед. Пробежал. Яковлев улыбается:

— Как держали?

— Отлично!

— Снимай! Не смотри на них! Сейчас еще раз подточу.

Подточил.

Закончил я и вторую дистанцию. Но тут уже посмотрел на коньки: ужас! Да ведь он их точил крупным камнем, карборундом, которым драят коньки на стадионах для массового катания!..

Летом 1947 года учащихся граверной школы, где я учился, послали на работу в колхоз. Яков Иванович сказал на прощание:

— Больше работай, не гнушайся трудом. Ворочай сено, копай ямы, учись держать косу... Тебе надо нарастить верх — плечи.

В колхозе мы жили в сарае. Петухи по утрам будили нас. Когда лил дождь, крыша сарая напоминала решетку — с потолка капало, словно в душевой.

После работы в колхозе я поехал в Ригу — там сильнейшие конькобежцы страны собрались на летний сбор. В Риге я впервые узнал, что такое вкусно есть. Раньше я ел только картошку в мундире и манную кашу, сваренную на воде. А здесь можно было выпить... две чашки компота, съесть настоящий кусок мяса!..

За лето поправился на восемь килограммов. И для меня это обернулось трагедией. При моей быстроте связки привыкли к определенным нагрузкам, а здесь лишних восемь килограммов! Начались травмы — бесконечные и мучительные. Колена, голеностопа. Растяжения и разрывы.

Весь следующий сезон бежалось плохо. Проигрывал все, что можно было проиграть.

В 1948 году меня вызвали на первенство РСФСР, которое разыгрывалось в Москве на стадионе Юных пионеров. Свободные часы я проводил на катке «Динамо», где сильнейшие скороходы страны готовились к первенству мира. Надо было учиться у них — техника моя была далека от совершенства.

В конце зимы в Свердловске на тренировках неожиданно пришел ход. На первенстве ВЦСПС я стал чемпионом. До мастерских секунд мне оставалось совсем немного.

Летом увлекся легкой атлетикой. Стометровку бегал за 11,1. По тем временам это был второй результат в стране среди юношей. От всесоюзного рекорда Левана Сападзе меня отделяли ничтожные доли секунды. Я уже подумывал: а не собрать ли мне коллекцию значков мастеров спорта по нескольким видам — конькам, велоси-

педу, легкой атлетике, лыжам, боксу, прыжкам с трамплина?..

Как давно это было!

Кончался 1949 год. Я учился быть спортсменом.

Чувствовал, что не хватает знаний. Часто я терялся, когда разговор шел о литературе. За чтением моим никто не следил. Систематического образования не было. Все в жизни давалось невероятным трудом. Только постепенно приходило свое видение мира и свое понимание труда спортсмена. Конечно, это были еще скороговорки, лохмотья, клочки, кусочки, и потому я старался оставаться в тени.

Как-то известный тренер по велосипеду Леонид Шелешнев предложил переехать в Москву.

— Все удобства создадим... Классным можешь стать спортсменом, — говорил Леонид Михайлович.

А мне не хотелось уезжать из Тулы. Решил посоветоваться с Яковом Ивановичем.

— Вот видишь, и спортсменом стал большим! И знаешь, как, что, чего. А маленького своего вопроса решить не можешь. Как говорят, легче узнать закон движения звезд на небе, чем понять закон движения воды в ручейке, — сказал Яковлев.

— А что вы посоветуете? — Мне важно было знать мнение тренера. Как он скажет, так я и сделаю.

— Ничем помочь не могу. Я отдал тебе все свои знания. Здесь и мне предлагали переехать в Москву, чтобы я тренировал тебя, — пришлось отказаться. Иди один, Женья! В жизни не потеряешься. А мне стыдно держаться за твою юбку. Спасибо, что посоветовался!

Что мне еще сказать о первом своем трепере Якове Ивановиче? Я не встречал в жизни человека, который бы отличался такой требовательностью к себе и который бы так недооценивал себя.

«Я отдал тебе все свои знания» — редко какой тренер признается в этом...

За сорок лет подобные слова я слышал еще только от одного педагога — Кудрявцева, второго и последнего моего тренера.

Константиныч

Познакомились мы близко в 1949 году. Жребий свел в одну пару рекордсмена СССР среди взрослых, чемпиона мира Константина Кудрявцева и рекордсмена страны среди юношей Евгения Гришина.

Разумеется, я очень робел. А он смерил меня равнодушным взглядом и спросил:

— Откуда у тебя такие коньки?

Я даже опешил — при чем здесь коньки? Взглянул на ноги — коньки как коньки. Взял у Толи Тетеркина, чтобы пробежать на соревнованиях. Надо же, Кудрявцева заинтересовали лишь коньки! Я разозлился: он во мне даже копыкобежца не замечает! Ну, я ему покажу!

Правда, в те годы показывать было нечего. Скорее, он мне мог показать многое...

Кудрявцев обыграл меня чисто психологически. Когда судья Михаил Иванович Семенов сказал: «На старт!» — я подъехал к линии. Жду Кудрявцева — он еще и пальто не снимал. У меня разошлись нервы, не могу сдержаться. Снова последовала команда Семенова: «На старт!» Подъезжаю к линии, готовлюсь. А Кудрявцева все еще нет — сидит ботинки шнурует. Я уже совсем вышел из себя. Последовала третья команда: «На старт!»

«Ну, теперь-то я тебя проучу», — решил я, подъезжая к линии.

Пока же я стоял и думал, как мне его проучить, стартер выстрелил... Кудрявцев сразу оторвался на два метра. Это при моем-то старте проиграть два метра! Начиная бешеный разгон, вхожу в поворот рядом с

Кудрявцевым. Чувствую, зря я так рванул, можно было достать соперника и на финише...

Борьба шла до последнего шага — победа Кудрявцева измерялась всего одной десятой секунды. Но все равно это была победа. Победа ветерана. Бег с Кудрявцевым все поставил на свои места — меня признали, в Гришина поверили.

Для меня же поединок с Кудрявцевым стоил очень многих сил. С того поединка я сказал себе: «Хватит! Детство кончилось. Хиханьки кончились, хаханьки позади, а впереди жизнь без снисхождения. Бой, напряжение... Ты уже стал взрослым, и тебе не дадут ни малейшего послабления!»

После финиша ко мне подъехал знаменитый Николай Иванович Петров, очень своеобразный конькобежец.

— Прежде чем выиграть, надо стать... хитрецом! — сказал он.

— Предпочитаю открытый бой.

— Ну-ну... А совет старика Петрова забывать не следует...

Будь я поопытней, понял бы, что Кудрявцев не нарушал правил. Он долго снимал пальто, потому что был ветерок. А зачем рваться в бой против ветра? Он только приготовился к старту — новый порыв ветра. И снова Кудрявцев нашел способ затянуть время — шнурки поправил. Мне самому лучше было бы бежать в безветрие. Но я был молод, и поведение Кудрявцева вывело меня из равновесия.

Позднее, уже став «старым волком», я много раз пользовался приемами опытных конькобежцев — выжидал хорошую погоду, безветрие. Чуть стихнет пурга — на минуту, — я уже мчусь по льду. Ведь мне-то и нужно всего сорок с небольшим секунд!.. А молодые спринтеры, приходящие в сборную, понимали эту хитрость по-своему:

— Бойтся нас Романыч, вот и химичит...

Нет, что ни говорите, а спортивная хитрость очень нужна!

Сейчас, уже уйдя из спорта, иногда спрашиваю себя:

«А не потому ли в твоей жизни случались победы, что перед ними были трудные годы поражений? То Кудрявцев не давал тебе пробиться к медали, то как привязанный ты шесть лет ходил за Сергеевым и не был чемпионом страны.

Наверное, случайные и досадные неудачи привели тебя к мысли, что у спортсмена должен быть только один соперник — секундомер! А что касается противника на дорожке, то не надо ориентироваться на его бег. Вы можете увлечься борьбой друг с другом и упустить третьего... Нет, он бежит сам по себе. Ты — сам по себе. На то у вас и разные дорожки»... Ведь в том случае с Кудрявцевым, не погонись за рекордсменом страны на первой сотке, я бы мог спокойно выиграть. Но... А сам Кудрявцев, увлекшись поединком со мной, забыл, что есть еще Сергеев, что его не надо сбрасывать со счетов... Кудрявцев забыл об этом и упустил победу...

...В феврале 1975 года на первенстве мира в Гётеборге весь пьедестал был наш, советский. А через месяц все строчки в таблице мировых достижений были заполнены фамилиями Сафронова, Муратова, Куликова. Но до этих дней оставалось еще четверть века. Уверен, что эти успехи не пришли бы, если бы не был построен в нашей стране высокогорный каток.

Главным инициатором идеи возведения катка был Константин Константинович Кудрявцев. Летом он изъездил горы Казахстана и Киргизии и неподалеку от Алма-Аты, в урочище Медео, нашел площадку для строительства самого современного высокогорного катка. Он договорился о строительстве:

— Когда площадка будет сделана, пришлите телеграмму. Сразу же вылечу в Алма-Ату. Постараюсь подобрать группу сильнейших скороходов страны, чтобы

первые же старты принесли всесоюзные или мировые рекорды.

Так и условились..

Осенью 1950 года в Медео вместе с Кудрявцевым прилетели Пискунов, Пискарев, Мамонов и я.

В Алма-Ате сразу же отправились на поиски стоянки автобуса на Медео, но никто не знал, где эта стоянка. Пошли пешком с чемоданами по грязи. Через несколько часов по тропинке добрались до Медео. На площадке стоял один лишь бульдозер. И кругом ни души.

— Думаю, что нам надо дожидаться здесь льда, — сказал Кудрявцев. — Как видно, придется на время стать прорабами и разнорабочими. Каток — дело общее. А?

Шли дни. Кудрявцев пропадал в кабинетах людей ответственных и старался сдвинуть строительство с мертвой точки. А мы бегали по урочищу, делали силовую гимнастику, метали камни. Тренировались много, ибо ничего другого пока делать не могли. Особенно большие объемы выполнял Пискарев — у него все время была чернота под глазами. И, честно говоря, мне было страшно на него смотреть. Когда он брал меня с собой в горы, я не мог выполнить и половину той работы, которую Алексей совершал с улыбкой.

Наконец появились какие-то тени на катке — назывались они различными специалистами, приезжали на машинах, ходили с умным видом, что-то записывали в блокноты.

Мы же установили между собой четкий график дежурства на катке и стали добровольными прорабами — старались в меру своих способностей хоть чем-то помочь. Пригодились руки Геннадия Петровича Пискунова — он был рабочим Горьковского автозавода и знал несколько специальностей.

Пока мы дежурили на катке, работал бульдозер, копошились рабочие. Стоило нам отлучиться, шум на

площадке смолкал, устраивался перерыв, после которого нужно было чуть ли не с ищайками разыскивать строителей.

Раза три или четыре за эти дни мы получали газеты. В одной из них сообщалось, что на лед Свердловска вышли сильнейшие скороходы страны. Наши основные соперники уже катались на льду, а мы вынуждены были тренироваться в горах и ходить «с кнутом» за рабочими. А дни уходили, и мы давали своим противникам слишком большую фору, отказываясь от ледовых тренировок. Правда, мы понимали, что выполняем трудное и очень серьезное задание — строительство высокогорного катка, что без этого катка наши конькобежцы никогда не почувствуют вкус скорости. И не смогут заявить о себе на весь мир высшими достижениями.

Все это было правильно. И все же, почему мы должны расплачиваться за всех?

В нашем до поры до времени дружном коллективе начались разногласия.

Дискуссия кончилась тем, что нас осталось трое: Пискунов, Кудрявцев и Гришин.

Почему мы все-таки остались в Медео? Сказать трудно. Кудрявцеву нельзя было уезжать, ибо идея создать Медео принадлежала ему и только ему. Он должен был даже отказаться от своего дальнейшего пребывания в спорте, от звания сильнейшего спринтера страны, но добиться возведения катка!

Но зачем нужно было рисковать Пискунову? Человеку уже под сорок, каждый день на свете появлялся новый скороход, который непрочь был отнять у Пискунова лавры сильнейшего стайера страны. Каждый день появлялся новый скороход, а Пискунов продолжал дежурства в Медео. Что руководило им?

Позднее я понял — чувство ответственности за судьбу конькобежного спорта в стране! Чувство любви к

конькам. И бескорыстному труженику было все равно, кто установит рекорд мира — он ли, Пискунов, или какой-нибудь Иванов, Петров...

Ну, а я не мог уехать от Кудрявцева. Остался в Медвежье с одной лишь целью — довести дело до конца.

Где-то Кудрявцев нашел замерзшие озера, и мы, в легких пальтишках, на грузовиках, добирались к этим озерам на тренировку. Ход у всех был хороший. Пискунов и Кудрявцев с радостью вкатывали меня — делились всем, что сами умели. Так и жили мы.

Добились смещения с должности главного инженера, который так спланировал каток, что с одной стороны пришлось насыпать грунт высотой с телеграфный столб. Инженер строил на глазок, забыв, что возводит каток в горах.

Вскоре удалось получить современную технику, и через две недели каток был готов.

До приезда сильнейших скороходов страны мы тренировались на городском катке. Было солнце, безветрие — настоящая сказка. На открытии сезона на трехсотметровой дорожке я пробежал 500 метров за 43,2. А пять километров выиграл у самого Пискунова.

На полуторке на 0,1 не достал до рекорда Советского Союза, самого старого рекорда, принадлежавшего Анатолию Капчинскому и установленного еще до войны.

— Слава богу, что ты не улучшил рекорд! — признался Кудрявцев. — С меня бы голову сняли за то, что я плохо организовал соревнования. Ты, Жень, в следующем старте на высокогорье обязательно побьешь рекорд страны.

Вот ведь как бывает в жизни — не выходил на хороший лед, плохо вкатывался, а в первом же старте, без напряжения повторил рекорд СССР! Теперь моему вдохновенному порыву не было предела. С нетерпением стал ждать соревнований:

«Если уж на городском катке я бегу так, то ли еще совершу в Медео!»

Но моим мечтам о рекорде не суждено было сбыться: меня вызвали в столицу, чтобы сразу же отправить на зимние Студенческие игры в Бухарест.

Признаюсь — поездка за границу обрадовала меня: был горд за доверие.

Но жалко было покидать Медео, которому отдаю столько сил и времени. Оставлять самый быстрый в мире лед кому-то другому, жертвовать рекордами... Интуиция меня не подвела. Пока мы соревновались в Румынии, в Медео сначала Валентин Чайкин, а затем Константин Кудрявцев улучшили рекорд СССР.

Но самого большого успеха в Медео добился Прошин. Он показал нечто фантастическое: упав на пяти-сотке, превысил всесоюзный рекорд в многоборье... Вот каким был лед Медео!

Как мы, кто поехал в Румынию, отнеслись к рекордам Медео? Если честно, — радовались сдержанно. Ведь все сильнейшие, кроме Прошина и Кудрявцева, оказались вдали от хорошего льда!..

Когда в Москве мы встретились с Кудрявцевым и Прошиным, первое, что они сказали, было:

— Представляем, что бы вы смогли сделать на таком льду!

Других слов от них и нельзя было ожидать, а ведь оба были в то время в расцвете своего неповторимого таланта!

Много лет спустя, увидев кинограмму своего бега, Прошин грустно признается:

— Я бегал, как Олег Попов! — И сказал он это о необыкновенно волевом и темповом беге, на который невозможно было в те годы смотреть без восхищения.

Что же касается Кудрявцева, то его скромность как спортсмена вообще не укладывается у меня в сознании. Он смог еще до войны на московском льду про-

бежать 500 метров за 42 секунды (а мировой рекорд норвежца Энгнестангена — 41,8 — был установлен в идеальных условиях высокогорного Давоса).

Таким был спортсмен Кудрявцев. Вот что скажет он о себе через пятнадцать лет:

— Как мы раньше бегали? Разве это был спорт? С сегодняшним и сравнить нельзя... И что без толку наши старики хвалятся и кряхтят: «А вот мы бывало... Да, были люди в наше время»... Неправда! Ничего раньше не было! Все будет потом! А мы — лишь строчки в газетах... В запылившихся подшивках...

Однажды нам пришлось жить вместе в номере одной сибирской гостиницы. Там было так скучно и холодно, что единственной радостью казалось услышать радио. Мы пропускали через себя оперы и оперетки, песни и литературные композиции.

Всякий раз Кудрявцев спрашивал: «А какую еще оперу Россини написал, знаешь?», «Кто написал оперу «Фауст»? А «Мефистофеля»?», «Сколько увертюр к опере «Фиделио»?»

Что я мог ответить Кудрявцеву? К тому времени я всего один-единственный раз был в опере — на «Евгении Онегине» в Большом. Отводил разговор о музыке — пробовал сам задавать встречные вопросы по живописи и графике... Кудрявцев не в пример мне с удовольствием поддерживал разговор.

После недели заточения в захолустной гостинице мы прилетели в Москву. Я прошел по книжным магазинам столицы и чуть ли не на всю зарплату купил книг по истории музыки. Больше того, начал собирать пластинки с записями лучших опер.

Однажды Кудрявцев устроил состязание с членами сборной: «кто больше знает английских слов?» Вначале это носило шуточный характер, но потом все увлеклись английским, и тренер поставил вопрос о педагоге по английскому языку для сборной Советского Союза.

— Вы часто бываете за границей, — говорил он нам, — надо самим читать газеты, а не слушать переводчика. Переводчик может не уловить нюансов, если речь идет о методике коньков, а мы-то их сразу поймем...

Когда мы строили Медео, Кудрявцев брал балалайку и исполнял русские песни. А однажды, сказав «ох!», он начал играть на балалайке... Брамса. Он сидел в центре комнаты на табурете и вдохновенно играл Брамса.

Еще несколько минут назад я готов был доказывать Кудрявцеву бесцельность нашего ожидания, но Брамс, сыгранный на балалайке, сказал мне больше всего о том смятении в душе тренера, которое таилось за его добродушием и спокойствием.

Вообще же новозмутимостью Кудрявцева я восхищался всю жизнь. Оба мы — спринтеры. Казалось бы, и характеры должны быть похожи, но все получалось как раз наоборот. Я непримирим к любым недостаткам. Кудрявцев же часто сдерживал меня:

— Ты правильно делаешь, что протестуешь. Но тебе это дается легче: ты сразу выплескиваешь, с чем не согласен. Ты не думаешь о последствиях. А у меня наоборот. Я сначала подумаю о последствиях, а потом уже говорю. Сказать правду — трудно. Но еще труднее — подумать и все равно сказать правду!

Сколько раз в жизни мне приходилось убеждаться в справедливости слов Кудрявцева!

Кудрявцев всю жизнь вызывал у меня двойственное чувство — восхищения и раздражения. Оба эти чувства работали, как я сейчас понимаю, на победу. Представьте себе, что мог чувствовать молодой человек, который хочет стать чемпионом страны и на которого мало внимания обращает его тренер. Был период в моей жизни, когда я хотел бросить Кудрявцева и перейти к Аниканову. И перешел бы, но случайно встретился на

улице с Кудрявцевым. Было жаркое лето, а Константиныч вспомнил про коньки. Он мне зимой-то про коньки мало что говорил.

— Ты чего не слушаешь? — спросил он.

— А что слушать, мне не нравятся коньки. Как вспомню эти трико... Не мужской вид спорта коньки! Как балет. Другое дело — велосипед! Ноги намертво пристегнуты к педалям, руки держат руль. Настоящее единоборство. Ты — человек, мужчина, король! Никаких разделяющих дорожек, соперники — рядом, и тысячи тактических вариантов! Находи лучший и побеждай!

Кудрявцев вместо того, чтобы возмутиться и защищать коньки, сказал неожиданно просто:

— Я сегодня сам себе кино показывал. Видел твой бег. Очень много технических ошибок. Следовательно, резервы для роста есть.

Он всегда поступал так — неожиданно попадался в минуту раздумья, говорил несколько слов, и все сомнения забывались.

Стоило ему сказать мне о плохой технике, как я взорвался: «Это у меня-то плохая техника? Я тебе еще докажу!» Но вместе со злостью пришла теплота: Кудрявцев интересовался мною, он готов работать!..

Прошло полгода. Я держу экзамен на первенстве мира, на своем первом чемпионате мира, и Кудрявцев равнодушен ко мне. Что он за человек?!

В тот день я проиграл и Олегу Гончаренко, и Борису Шилкову — занял третье место в многоборье. Когда четыре дистанции остались позади, валил все грехи на тренера. Наверное, это было несправедливо. Кудрявцева можно было понять. Он не верил в меня как многоборца и все симпатии отдал Олегу. В процессе дуэли Гончаренко с Шилковым. Кудрявцев совершенно забыл, что он — старший тренер сборной СССР, что любая из побед советских спортсменов будет его по-

бедой. Он жил только мечтой о триумфе Гончаренко — слишком много сил он отдал Олегу...

И когда я занял третье место, Кудрявцев словно проснулся: посмотрел на меня с удивлением и сказал: — Неожиданно это...

И с этого дня в корне изменился. Мы стали неразлучны. Он уже никогда не говорил: «Вот тебе план на неделю. Сделай то-то... А потом увидимся — обсудим...»

Он всегда был со мной — садился в лодку, бегал кроссы. Это был уже совершенно другой человек. Непонятный человек. Загадочный. Горячо любимый.

Часто я вспоминаю, как Юрий Сергеев не стал чемпионом мира и олимпиады только потому, что он бегал без конкурентов. Но ведь и у меня был период, когда я не знал равных! Но побеждал. Почему? Главный ответ — у меня был великий тренер, этот странный тренер Кудрявцев. Он все время будоражил, что-то исправлял и находил-таки новое. Я за двадцать два года не услышал от него: «Сегодня ты пробежал хорошо!» В Кортина д'Ампеццо, когда я выиграл две золотые медали, он поздравил и сказал: «Но бег был очень плохой».

Бег был очень плохой! И я снова лез и лез. Бил и бил рекорды. Мне хотелось услышать похвалу тренера. А он не хвалил — «Ты не сделал того-то», говорил он после того, как я пробежал с новым мировым рекордом. «Это уже слишком!» — огрызался я. «Ты должен был выбежать из тридцати девяти», — спокойно возражал Константин Константинович.

Он был всегда убедителен. Если говорил: «Надо попытаться сделать по-другому», — ученик делал. Кудрявцев все время строил какие-то планы, искал. Много, конечно, в его исканиях было ошибок. Но именно в этих ошибках и была сила жизнеутверждения! Я знаю десятки тренеров, которые за всю жизнь не сделали ни одной ошибки — довольствовались достигнутым. Они боялись:

«Зачем рисковать?». Их самолюбие не бунтовало от сознания, что они середнячки. А дальновидный Кудрявцев не боялся искать.

Когда я думаю о Кудрявцеве, мне всегда становится не по себе от одной мысли: а ведь величайший тренер так и не узнал меня до конца! Он не поверил мне. И как-то активно не доверял!

Перед Олимпиадой 1960 года я и Константиныч решили усиленно заниматься штангой. Мы старались не расставаться с металлом вплоть до первых стартов. Перед каждым занятием спорили: Кудрявцев признавал тренировку со средними весами, я доказывал, что приятнее и полезнее работать с весами максимальными. В этом споре был прав я, ибо любой спортсмен знает, что ему нужно, и верит в то, что он создает. Я вообще всегда верил в то, что делаю.

А вот если ты сомпеваешься в том, что делаешь, можно перетаскать тонны штанги — ничего не получится... В том далеком 1960 году, когда мы спорили о месте штанги в тренировке спринтера, я проиграл Рафаилу Грачу три старта подряд. Была сила, появилась мощь. Я ощущал ее каждым мускулом своего тела, но разучился чувствовать коньки. В чем дело? Я начал грешить на штангу:

— Ошиблись мы... У меня толчок плохой... наката нет... формируюсь отвратительно... Затянули мы подготовку со штангой. Она сейчас неуместна...

Кудрявцев выслушал это и неожиданно предложил:

— Мы будем продолжать заниматься штангой. А вот вкатывание начнем сначала.

— Как так? — не понимал я.

— А так, — говорил Кудрявцев. — Ты теперь уже не молод. Нынче как будет? Один старт ты выиграешь, а два проиграешь! Тебе уже 29 лет, ты уже не тот.

Он произносил страшные и несправедливые слова. Как можно было перед олимпиадой говорить такое свое-

му ученику?! Хорошо, что у меня характер яростный и непримиримый.

Сейчас я думаю: а может быть, он нарочно, зная мой заводной характер, говорил эти обидные слова? Кто знает? Константиныч лишь один. Но он молчит. Приписывать себе заслуги тончайшего психолога он не собирается, тем более задним числом. Отрицать своих ошибок не пытается — слишком горд для этого. И молчит, молчит!

Перед Олимпиадой в Долине Индианок тренеры сборной, поспорив о возможных победителях, запечатали в конвертах свои прогнозы. После Олимпиады конверты были вскрыты, и я с удивлением узнал, что Кудрявцев отдавал предпочтение на 500 и 1500 метров другим. Не верил он в меня все-таки!

1960 года, который завершился для меня двумя золотыми олимпийскими медалями и мировым рекордом, был все-таки очень путаным...

На одном ответственном соревновании я бежал со Львом Зайцевым. В тот год Лева снискал себе заслуженную популярность, он бежал очень стабильно и никому не проигрывал в паре. Какой бы ни был сильный спринтер, попадая в один забег с Зайцевым, он смирялся с поражением еще до выстрела стартера. Не бегал Лева лишь со мной. Я с волнением ждал, когда мы попадем в одну пару. И побаивался! Ибо у нас было одно и то же сильное оружие — последние 300 метров.

Как-то на прикидке я узнал, что стартую вместе со Львом. Расстроился. Вхожу в раздевалку. Света нет. Я привалился к стене, усталый. «Ну надо же, когда нет хода, мне попадается на пути Зайцев! Я не могу найти себя, а здесь такое испытание!» — подумалось мне тогда.

Очень боялся проиграть. Стою и стараюсь успокоиться.

Вдруг слышу в темноте голос Левы Зайцева:

— Ну надо же! Кого угодно мог обыграть в забеге, но мне Гришина подсунули...

Я чуть не вскрикнул от неожиданности, — оказывается, Лев боится меня!..

Я вышел на старт приподнятый, улыбающийся. В паре не только опередил Льва, но и повторил свой мировой рекорд. Таким образом, восстановился не только физически, но и психически. А что, как не душевное равновесие и уверенность в себе, нужно олимпийцу в канун старта!

Этой победой мне хотелось доказать Кудрявцеву, что его напоминания о возрасте — ошибка и ничто другое.

Но Кудрявцев посмотрел на свой секундомер и, убедившись, что мировой рекорд и в самом деле повторен, буркнул:

— Но легкости все же не было!

Я разозлился. Хотел сказать что-то резкое, но неожиданно Константиныч потеплел:

— Ну не будем... Ты — прав...

Сразу куда-то исчезла злость. И на смену раздражению пришло чувство признательности.

Кудрявцев непрерывно мыслил и решал десятки проблем, над разгадкой которых бились целые научные лаборатории. Он великолепно решал сложное, а иногда был близоруким в самых простых вещах. Иногда субъективное восприятие события брало в нем верх и он становился возмутительно беспринципным!

В 1963 году решался вопрос о поездке на чемпионат мира в Японию. Я только что установил мировой рекорд, который продержался пять лет. И вдруг Кудрявцев заявляет:

— Ты, возможно, не поедешь.

Но меня взяли в команду. Как рекордсмен мира и чемпион мира всех предыдущих лет (когда я участвовал, конечно), я имел полное право быть членом сбор-

ной СССР. Когда мы прилетели в Японию, Константиныч снова засомневался:

— Кого ставить: Гришина или Косичкина?

По всем законам логики, нужно было не выпускать на лед Виктора: Косичкин оказался явно не в форме. На одном из соревнований в Хаконе он, выступая в паре с Пером-Иваром Му, проиграл ему... 300 метров. Плюс ко всему — Виктор был абсолютным чемпионом мира прошлого года и вряд ли стоило выходить ему на лед, чтобы собирать горький урожай. Третья причина — распределение сил в коньках к 1963 году сложилось так, что мы могли рассчитывать лишь на одну золотую медаль — в спринте. И эту медаль должен был принести команде я.

Кудрявцев же не слушал голоса рассудка, он пробовал себя в роли администратора. Вызвал меня и объявил:

— Ты не побежишь.

— А почему не побегу?

Кудрявцев на мгновение отступил, чтобы сразу же перейти в атаку:

— Если бы ты был тренером сборной страны, кого бы ты поставил?

— Всех, кроме Косичкина. Просто сберег бы имя Виктора и не дал ему опозориться, — ответил я.

— Нет, все-таки побежит Косичкин.

— Кого же тогда не поставите? — спросил я.

— Скорее всего, Гришина!

— Гришина?! — Я не поверил своим ушам.

— А что? Возьмем и не поставим, — уже твердо сказал он.

— Это как же так? По какому праву?

— Ты меня о правах не спрашивай, — обиделся Кудрявцев. — Моли бога, что тебя оставили в команде.

— Моя медаль будет единственным золотом. И еще, Константиныч... Ты знаешь, я последний раз выступаю

на первенстве мира. Очень хочется побить мировой рекорд!

— Рекордами не бросайся, — пробасил Кудрявцев. — Сейчас можешь и дистанцию не выиграть.

— Как не выиграю? Спорим!

— Спорим! Как тульские купцы спорили? На ящик коньяку, что ли?

— Спорим на ящик коньяку!

Ударили по рукам.

Через три дня я стал чемпионом мира. Последним советским чемпионом мира в спринте...

Вот я пишу о Кудрявцеве, еще раз вспоминаю и анализирую наши с ним взаимоотношения и говорю себе: «Без Кудрявцева я вряд ли стал бы Гришиным. Всем лучшим в себе я обязан ему. Даже вечное недовольство Константиныча помогало мне, ибо не давало успокоиться. Не будь Кудрявцева рядом, я мог бы остановиться на полпути, как Сергеев...»

Мы делили вместе победы, вместе получали высшие правительственные награды. Но в тяжелые годы вместе делили горечь поражений. Ошибался я — ответ вместе со мной держал и Кудрявцев.

В последние годы моих выступлений все в один голос заявляли мне:

— Брось его! Зачем тебе тренер, когда ты сам профессор?

Я отвергал подобные предложения.

А Кудрявцев продолжал оставаться прежним воинствующим искателем. Всю свою квартиру он превратил в конькобежный музей — везде киноаппараты, фотопленки, учебники, станки, камни. Он весь в мыслях о коньках. Встретит кого-нибудь из спортсменов на улице — и сразу же:

— Я тут одну деталь обнаружил, давай покажу. И показывает! А человек шел куда-то в гости,

спешил, одет был в парадный костюм, и его-то Константиныч заставлял потеть, пока не внушал своей идеи.

Он всечасно экспериментировал. Когда мне было уже тридцать пять лет и я собирался со дня на день оставить спорт, он вдруг предложил переучиваться, овладевать новой какой-то, очень рациональной техникой. И я стал переучиваться... Я в него верил. Спортсмен обязательно должен верить в тренера. Это лишь неопытным атлетам кажется, что они могут обойтись без воспитателя. Проходит обычно год-второй — и спортсмен, работающий без тренера, скисает и сходит с арены.

В 1966 году я заметил, что Кудрявцев весь горит от ожидания — нового Гончаренко, Гришина, Косичкина... Почти все советские чемпионы мира и олимпиад были учениками именно Кудрявцева. Он взял в сборную страну перворазрядницу Халиду Щеголееву — и в тот же год она стала чемпионкой мира. Он пригласил в сборную перворазрядницу Ингу Артамонову — и она через три месяца установила мировой рекорд в многоборье.

А Селихова? Сколько лет она считалась перспективной, была призером различных соревнований, но на большую высоту не поднималась! Стоило Константинычу начать тренировать ее — и она стала двукратной чемпионкой мира.

Кто-то скажет:

— Хорошо было ему, он имел выбор, он был старшим тренером сборной страны и мог комплектовать себе любую группу!

Не стану возражать, а обращаю внимание лишь на одно обстоятельство: и после Кудрявцева были старшие тренеры сборной СССР, но кто из их питомцев завоевал на первенстве мира хотя бы бронзовую медаль на одной из четырех дистанций?

Кто?

Летом 1966 года мне предложили быть тренером сборной страны по спринту. Я согласился с условием, что разрешат и самому принимать участие в соревнованиях.

Когда я стал тренером. Кудрявцев пожал мне руку и произнес глухим своим баском:

— Как можно тренировать тренера?

Он перестал заниматься со мной. Никто уже не кричал на меня, никто не ворчал и не делал замечаний, никто не заставлял переучиваться. Все было спокойно. Все было возмутительно спокойно. Я привык к вечным поискам и сомнениям — а на каждом шагу встречался с устоявшимися догмами... И я стал тосковать. Мне очень не хватало Константиныча — тренера, человека, ворчуна и маловера. Может быть, мне не хватало хорошего окрика, кнута... Я очень тосковал по Кудрявцеву. А он изредка косо поглядывал на мой бег и уже не ворчал, а говорил комплименты.

...Я слышал это, и комок горечи стоял в горле. Я понимал, что мы оба стареем.

Безнадежно. Уверенно. Быстро.

Уже почти десять лет и с того дня пролетело. Давно уже стал я тренером. И почти всегда в работе с учениками я сверял свои поступки «по Кудрявцеву»: а как бы поступил он, что бы сказал, почему он молчит в те моменты, когда я кричу как резаный? Одним спринтерским темпераментом здесь не объяснишь...

Помню, мы улетали в Саппоро, на Олимпиаду, где я впервые выступал в роли тренера.

— О чем мечтаешь? — спросил Константин Константинович.

— Чтобы Валерка стал чемпионом... Будь моя воля — отказался бы от всех своих наград ради одной медали Муратова.

— И был бы более счастлив, чем когда выступал сам? — уточнил Кудрявцев.

— Когда Жуковский дарил юному Пушкину свой портрет, он написал: «Победителю ученику от побежденного учителя». Это не только слова. Это жизнь и, если угодно, суть спорта. Учитель живет в ученике, весь опыт тренера переходит к ученику! Константиныч, ведь ты сам меня учил этому.

— Не надо из скромного тренера делать Макаренко, — пробурчал Кудрявцев. — Но если ты говоришь это искренне, я удовлетворен.

Удовлетворен!

Первый раз в жизни слышал от него такие слова. Что делается!..

или рассказ о четырех олимпиадах в моей жизни, воспоминания о гренобльском феврале, обещавшем лед и скорость, но подарившем дождь со снегом и скромное четвертое место

Олимпиады! Моя взлетевшая и улетевшая юность! О вас эти строки. О зимах и о белом снеге, о высоких горах и голубом льде... Бубут еще зимы. И будут они улыбаться каким-то другим спортсменам, а для меня зима 1968 года была последней. В большом спорте последней... Она кончилась, и я спрашиваю (всех спрашиваю): «Что делается с птицами, которые не улетели на юг осенью? Они что, замерзают? Они выживают, да?»

Сижу в раздевалке и краем уха слышу:

— Все фавориты расписались в своей беспомощности. Где Судзуки? Где хваленый Блечфорд? А Гришин все только о нем и говорит: «Американец Блечфорд!» Где наш Лепешкин? Подумать только, многоборец Томассен выигрывает серебро, а спринтеры не попадают в первую десятку!.. Почему?

Меня волнует этот разговор, но нет сил вмешаться и сказать ребятам только одно слово: «Олимпиада!»

Олимпиада! Вот он пароль, ответ на вопрос, почему все спринтеры, которые имели в активе 39 секунд с небольшим, не могли показать в Гренобле приличных результатов. Олимпиада!

Ее ждешь четыре года — и сгораешь от нетерпения. Перенапрягаешься! Не рассчитываешь своих сил! Потому что, хоть ты и в четвертый раз участвуешь в олимпиадах и за тобой закрепилось прозвище «Дед», даже ты не можешь предугадать всего того, что может случиться на олимпийских играх.

...Лежу на раскладушке. Входит Муратов. Он не знает, куда деться от стыда. Еще бы, считался фаворитом, обещал завоевать медаль — и занял 18-е место! Валерий вызывает во мне двойственное чувство: я не люблю выскочек, тех, кому все в жизни дается легко, кто выплывает на поверхность волей случая. Муратов мне представлялся таким. Его ввели в сборную очень рано — особых заслуг за ним не числилось. Были ребята и способнее его... Но присмотревшись к нему, я изменил мнение: он умел трудиться, и то, что мне казалось надменностью, было на самом деле скромностью и стеснительностью, прикрытой мальчишеской бравадой... Самоуверенность часто сменялась у него растерянностью. Парень был безусловно интересный, и не случайно именно он отобрал у меня золотую медаль на чемпионате страны 1968 года... И вот сейчас, вспоминая свой беспомощный бег на катке в парке Мистраля, Муратов снимает коньки, трет перчатками глаза, чтобы не расплакаться, и говорит по-детски наивно:

— Так вот ты какая, олимпиада!

Сказал и тяжело вздохнул, словно сбросил с плеч груз нескольких лет... А что же было говорить мне? И как мне вздыхать? Я ведь прошел через горнила Кортина, Скво-Вэлли, Инсбрука и Гренобля... Четыре олимпиады, каждая из которых отнимала по четыре года жизни!

Ну и характер у вас, олимпийские игры! Не случайно вы приходите только в високосные годы. То есть в те годы, которые принято считать несчастливыми... Впрочем, почему несчастливыми? Две олимпиады подарили мне высшую радость, а еще две... Но обо всем по порядку.

*Альпы Итальянские. Озеро Мизурина.
Год 1956-й*

Отшумел високосный год — год 1956-й!

Каким он был?

На одной из пресс-конференций меня спросили:

— Сбылись ли ваши мечты в этом году?

— Не все.

— Как это понять?

— Я установил два мировых рекорда, завоевал две золотые медали на Олимпиаде, выиграл первенство Европы — это достаточно вроде бы. Но у меня есть все основания думать о короне чемпиона мира. Если удовлетворюсь достигнутым, меня надо будет выводить из сборной и ставить жирную точку.

— Какие основания есть у вас для оптимизма?

— Во-первых, техника моего бега несовершенна. На Олимпиаде, если бы не этот корявый шаг, рекорд мира вышел бы из 40 секунд. А что касается стайерских дистанций, то здесь можно и нужно научиться терпеть. Стать чуть-чуть выше себя... Здесь главное — отрешиться от своего «я», подняться над ним. Тогда человека трудно остановить.

Вечером я пытался представить себе весь год... События Олимпиады отступили назад, волнения позабылись, и кажется сейчас необъяснимым одно — и что волноваться было, когда все получилось так, как должно быть?..

Перед Олимпиадой было решено принять участие в репетиции Игр на льду Давоса. Американцы и норвежцы выступили инициаторами проведения малых олимпийских игр — в день по дистанции.

На одном из соревнований я должен был стартовать в паре с Ествангом — молодым Альфом Ествангом, олимпийской надеждой Норвегии. За день до старта в номер заглянул мой хороший товарищ, боевой друг Рональд Ос.

— Пойдем... Смеяться будешь...

Он позвал меня в свой номер, где жил вместе с Ествангом.

Альф точил коньки.

— Он их уже три часа точит. Бойтся! — сказал Ос.

— Правильно делает. Острый конек решает все! — улыбнулся я, а выходя из комнаты, подумал: «Еще один опасный соперник выходит из игры. Он еще не проиграл, но уже думает о поражении».

В день старта, когда я думал только о мировом рекорде, вдруг полил дождь. Ни о каких хороших секундах не могло быть и речи. Тренер посоветовал в забеге с Ествангом обратить внимание на последние 100 метров. Провел забег не напрягаясь. До мирового рекорда осталось лишь 0,3. Это очень мало, если сделать скидку на дождь. Что же будет, когда лед снова станет скользким, когда появится солнце? Что же будет?

Но эти мысли самые опасные для спортсмена. Как прекрасно, что уже в следующей паре Рафаил Грач смог улучшить мое время на 0,1 секунды! Теперь нельзя было расслабляться.

Почему мне хотелось установить мировой рекорд именно в Давосе? Ответ прост — по завещанию какого-то миллионера всем конькобежцам, которые на льду Давоса побьют мировой рекорд, вручают золотой эдельвейс с брильянтом. Для конькобежцев награда столь же желанная, как и статуэтка Оскара Матиссена, которая вруча-

ется лучшему скороходу года. До нашего приезда на высокогорный каток лишь три спортсмена — норвежец Андерсен и голландцы Брукман и Хьюскес — получали такие награды. Очень хотелось и нам привезти домой эдельвейс. Но за двумя зайцами гнаться — ни одного не поймать. Нужно было решаться — или эдельвейс, или Олимпиада. И Кудрявцев настоял, чтобы все спринтеры уехали в Италию бегать на жестком естественном льду озера и обязательно до начала Олимпиады один-два раза стартовать.

А Юра Михайлов решил остаться в Давосе.

Когда мы приехали в Кортина д'Ампеццо, первым известием для нас было, что Юрий Михайлов улучшил мировой рекорд Гришина...

— На сколько? — спросил я у тренера сборной Аниканова.

— На семь десятых! — ответил он.

— Это не результат. Нужно бежать из тридцати девяти секунд. Посмотрите, в Кортине обязательно сделаю это! — сказал я.

Льдина озера Мизурина была громадная. И плавала! Почему знаменитые скандинавские ледовары, которым организаторы Олимпиады доверили подготовку льда, решили проводить состязания на плавающей льдине? Постепенно наращивая ледяной слой, шлифуя его и выравнивая, они боялись, что сжатие льдов на озере может разрушить поверхность катка. Поэтому и окружили каток водным рвом. Озеро окружали розовые вершины Доломитовых Альп.

22 января 1956 года начались состязания спринтеров. Во второй паре я принял старт с Юрием Сергеевым. Настроение было не очень радостное: не хотелось бежать в паре с обладателем мирового рекорда. Я даже поскандалил с Аникановым:

— Зачем ставить двух советских в один забег? Ведь уже набегались со своими!

— Ты молод еще учить меня! — ответил Аниканов.

Мне хотелось бежать по большой дорожке — срабатать в спину Сергееву. И перед тем, как выбрать дорожку, подошел к Сергееву и говорю:

— Ну, Юр, кто сейчас выберет большую дорожку, тот побьет мировой рекорд!

— Умоляю — помолчи! — Сергеев изменился в лице.

— А что я сделал?

— Ты нарушил мою настройку. Я всегда молчу перед стартом!

К этому забегу Юра готовился так, как никогда. Ясно, что тот, кто выиграет сегодня, победит и на официальных соревнованиях, получит золотую медаль.

Как назло, мне досталась малая дорожка. Расстраиваться было некогда.

Сто метров мы шли конек в конек. На втором повороте я не видел Юрия и не мог сориентироваться — он бежал за моей спиной.

Я ждал, что вот-вот Юра появится в поле моего зрения. Но его не было. И только когда я сделал последний шаг на вираже, он появился. Из поворота мы выбежали конек в конек. Решали последние 100 метров. Меня выручила выносливость. Я опередил Сергеева на 0,2 секунды. Теперь мне принадлежал мировой рекорд на самой короткой дистанции.

Итак, мировой рекорд! До Олимпиады оставалась одна лишь ночь. Нервная ночь, которая предшествовала первому старту советских конькобежцев на олимпиадах. Ночь эта — самая длинная в году...

Руководители команды, поселив меня в одном номере с Борисом Цыбиным, преследовали две цели: медлительный, неразговорчивый Цыбин должен был успокоить меня; я, наоборот, — зажечь неторопливого Бориса. Нас такое соседство вполне устраивало.

Комната наша помещалась на втором этаже. В четыре часа ночи ветер распахнул ставни. Створки их стуча-

ли по переплетам рамы. Я проснулся, Холод, шум... А завтра старт! Какое там завтра — сегодня!

Ставни стучали. Я ворочался, но выбираться из-под одеяла не хотелось: боялся, что холод развеет сон. «Что же Борик-то не встанет? Неужели не поймет, что мне завтра бежать? Спит сном праведника», — думал я про себя.

Так с четырех утра я не мог сомкнуть глаз. А когда поднялся, увидел, что Борик не спит.

— Чего не спишь? — спрашиваю.

— Да вот ставня стучит!

— А чего же ты ее не закрыл?

— Боялся тебя разбудить. Ведь сегодня старт!

— А я не спал с четырех! — пришлось признаться и мне.

— Не волнуйся, сейчас зарядочку сделаем. Все будет отлично!

К десяти утра ветер стих. Вспыхнуло солнышко. На душе было прекрасно. Солнце и быстрый лед — самое-самое мое! Я люблю скользкий лед! А волноваться без толку нечего — стартую в первой паре, с тихоходным англичанином. Ориентироваться надо лишь на мировой рекорд — бить его! Только это может гарантировать победу.

Мне даже повезло, что я в первой паре. Пробегу — и волнуйся сколько угодно! А соперники пусть гадают, переживают, сопоставляют... Ведь им еще стартовать! Если установлю мировой рекорд, это тем более выведет их из равновесия. А мне останется одно — смотреть и ждать...

В забеге я повторил мировой рекорд — 40,2.

Юра Михайлов после 300 метров шел вровень с финном Юхани Ярвиненом и... упал.

А потом... По радио объявили, что Гришин показал 41,2 — судья-информатор ошибся на одну секунду. На табло же цифры были поставлены верно — 40,2.

И Грач, выходя на лед, даже не посмотрел на табло. Рафаил был введен в заблуждение судьей-информатором. Он был уверен в себе. Если Рафаил имел личный рекорд 40,8, то превзойти результат 41,2 не составляло для него особого труда.

Грач пробежал прекрасно. Он промчался пятисотметровку за 40,8. Ему казалось, этого достаточно для победы, и он, воздев руки к небу, закричал:

— Все! Я — первый! Я — чемпион!

А потом он посмотрел на табло, и радость его померкла...

На пьедестале почета мы стояли в таком порядке: Гришин, Грач и Естванг. Первый пьедестал почета и первая золотая медаль помнятся всю жизнь. И помнится, к сожалению, корявый свой бег... Как жаль, что в самом решающем старте не смог пробежать красиво! И даже то обстоятельство, что до меня ни один спортсмен не побеждал на олимпиаде с новым мировым рекордом, не было успокоением.

Через день я установил новый мировой рекорд на полуторке. Юра Михайлов повторил мой результат, и нам обоим были вручены золотые медали. Итак, начало Олимпиады было отличным!

Скороходы жили далеко от города — в селении Трекоче. Вечерами бродили по улицам селения. Над нами, глазастые и задиристые, висели синие звезды. Почему-то они казались синими. Я читал карту неба и гадал, какая же моя звезда. Когда она потухнет? И вспомнилось, что звезды могут умирать, но еще сотни лет их свет идет на землю... Словом, настроение было философское.

Что это, везение, случай? Или матушка-природа постаралась?

Газеты величали меня «дьяволом», «королем», «звездой», «Джесси Оуэнсом на льду». Они утверждали: «Это на двадцать лет!» И я откладывал газеты — ведь впереди оставалась целая жизнь!

Целая жизнь — и очень трудное первенство мира в Осло.

На «Бишлет» я приехал дважды олимпийским чемпионом и мировым рекордсменом. Теперь с меня был особый спрос, но...

Спринт, на который я возлагал столько надежд, который я любил больше всего на свете, этот спринт практически вывел меня из борьбы в многоборье...

Ужасно болит нога. В паху горит... Это все так глупо... Олимпийский чемпион проигрывает свою коронную дистанцию на первенстве мира. Не сразу я сообразил, что порвал мышцы в области паха.

Из-за этой травмы уступил 0,1 Юре Михайлову.

Но не только это волновало меня. Как бежать остальные дистанции? С такой болью? Трудно оторвать ногу ото льда. Что же делать?

Я с тревогой смотрел на доктора. От его диагноза зависило все — или меня снимут с первенства мира, или нужно будет, преодолевая боль, «корячиться» на трех дистанциях. Плохо и то, и другое. Отвратительно, если снимут: ненавистна мне роль наблюдателя... Но, с другой стороны, я стал несколько дней назад олимпийским чемпионом вовсе не для того, чтобы расписываться в своем бессилии! У меня пропадет сезон — ведь еще не разыграны чемпионаты мира, Европы и СССР...

Доктор смотрел на меня. В глазах тоска. Оба мы думали об одном — будущее! Что после?

«Будущее!» — мы так и не сказали этого слова. Я прикинулся простачком. А доктор, наверное, отметил: «Ну и хорошо, что не понял!»

Стараюсь разобраться, что же произошло. Пятисотку начал прилично, но на первых шагах что-то оборвалось. Нога стала непослушной, перестала чувствовать конек. Следующий шаг — боль, в глазах мутно. Но — бежал, бежал! Бежал, словно в горячке, не чувствуя ни ритма, ни темпа, не ощущая конька. Финиш слабый.

Когда подъехал к Кудрявцеву, тренер спросил напрямик:

— Потянул мышцу?

— И сильно!

— Придется сниматься.

Это было резонно. Мы приехали на «Бишлет» в очень сильном составе. В прекрасной форме Олег Гончаренко, Роберт Меркулов заметно прибавил после Олимпиады, Борис Шилков выглядел солидно... Они — многоборцы. С их именами связаны надежды нашей сборной на лавровый венок. А Юра Михайлов и я — мы многоборцы со спринтерским уклоном. Оттого, что я не стану продолжать соревнования, сборная не пострадает. Но пострадаю я! Ибо мне необходимо доказать, что я — не просто спринтер, что на меня можно положиться и в многоборье.

И нате вам — травма!

Только тренер знал, как велик был у меня наступательный порыв после Олимпиады. Я мечтал только об абсолютной победе... На льдине Мизурина успел нака-
тать десятки километров, заставляя себя терпеть на стайерских дистанциях. Никогда не был в такой надежной форме.

А в итоге — труды насмарку. Неверный шаг — травма... Вместо соискателя золотой медали — зритель!

Я шел по катку одинокий, потерянный и нес, мне казалось, на своих плечах весь небосвод.

Заявив судьям о своей травме, пошел искать Кудрявцева. Он сидел в раздевалке и улыбался своим мыслям. Он был рад, что Гончаренко так замечательно выступил в паре с Эрикссоном. Меня он даже не заметил поначалу. Только сказал:

— На первенстве Европы мы еще больше упрочим свои позиции. Ведь они считали, что мы можем бегать только на высоте: в Медео, в Давосе, в Кортина, что, мол, мы непобедимы лишь там, а на равнине нас нельзя при-

нимать всерьез... Но Олесь — молодец! Как он сработал ему в спину! И не снимая рук ушел, ушел! Умница!

Я тоже был рад за Олега:

— К первенству Европы отойду... Если я закрою две дистанции, а Олесь еще две, и мы разыграем между собой лавровый венок...

— Да, это будет прекрасно, — поддержал меня Кудрявцев. — Но вот ты зря собираешься на чемпионат в Хельсинки. Мы же договорились: первенство мира — отборочное состязание к Европе. Последний многоборец команды уедет в Москву, а на смену прилетит сильнейший из запаса. Правильно?

— Что говорить — правильно! — хмуро согласился я. — Но ведь не нарочно же потянул ногу!

— А кто виноват? Уговор дороже денег. Ты неудачно выступил — какие могут быть оправдания? Собирайся в Москву! Ты хотя и мой ученик, но для меня все равно — что ты, что Толя Кайдалов из Ижевска. Он ведь не хуже тебя?

— Лучше, лучше меня!.. Но я-то всю жизнь мечтал о лавровом венке, а не о первенстве ЖЭК!

— У тебя все впереди! — примирительно сказал тренер.

— У меня ничего не будет впереди, если я не выступлю на Европе. Я сумею за себя постоять.

— Ты что, собираешься бежать? — удивился Кудрявцев.

— А вы как думаете? Может быть, никогда в жизни я не выступлю больше на первенстве Европы. А если на следующий год сломаю ногу, то никогда не выиграю лаврового венка! Можно ли рисковать этим?

— Ну, а врач-то? Врач-то что говорит? — спросил Кудрявцев.

Я ничего не ответил и пошел к судьям:

— Заявите меня в последнюю пару, — а у самого голос дрожит.

— О'кэй! — кивнули судьи.

Вышел на лед, разминаюсь. Пробую забыть о боли.

Где там! Забыть о ней невозможно. Она не утихает ни на минуту. Стоит ли рисковать? Зачем такое нечеловеческое напряжение? Подумаешь, не выиграл сегодня — победишь после... Ради чего мучить себя? — недоумевал во мне жалостливый человек.

Бежал все пять километров словно в тумане. Как финишировал — не помню. Только вижу: ко мне идут. Ничего не соображаю, а Кудрявцев показывает секундомер и говорит:

— Второе место после двух дистанций!

А мне это абсолютно безразлично.

Ночью ворочался на кровати, пытался отвлечься. Вспоминалась мама — седые волосы и глаза, полные укора:

— Женя, лучше тебе не бегать, если ты хочешь, чтобы я была жива. Каждый твой проигрыш отнимает у меня год жизни. Ты там ночью не можешь уснуть, в Осло или Саппоро, а я сижу у окна в Москве, и ночь кажется нескончаемой.

А темнота охватила половину мира жадными руками...

Утром меня даже пришлось будить:

— Вставай, проспичь венки! — пошутил Олег Гончаренко.

Полуторка!.. Скоростная дистанция... Как бежать ее, если ты почти инвалид? Как бы не разорвать мышцы... На полуторке надо не просто терпеть — надо бежать быстро! А как? Боже мой...

Я сумел занять второе место, лишь мгновение уступив Борису Шилкову.

Теперь мои шансы на победу в многоборье резко возросли. По сумме трех дистанций я шел на первом месте. Но Константиныч по-прежнему не придавал этому факту большого значения:

— Все же у Олега больше возможностей, — бурчал он. — А мы должны думать о команде.

— Согласен! Но помогите мне подсчитать очки, график составить!

Кудрявцев взглянул на часы и ахнул:

— Галушка сейчас бежит. Извини, Женя! Займись с Димкой!

Все рассмеялись. На Кудрявцева нельзя было обижаться.

Дима Сакуненко помог составить график. Мы решили ориентироваться на третье место!

У нас не доставало смелости замахиваться на большее. Как в эту минуту не хватало нам могучей уверенности Кудрявцева, его слов:

— Оставь, дорогой. Никакой травмы нет. Ты что? Только победа!

Гончаренко пробежал блестяще, и его уже объявили чемпионом мира. Он передавал в Москву приветы, беседуя с корреспондентом Всесоюзного радио.

В это время я вышел на дорожку. Задача моя была сложная: чтобы закрепиться на третьем месте, необходимо пробежать дистанцию на 23 секунды лучше своего личного рекорда. Не будь травмы, вопроса бы не было.

В паре со мной стартовал Кеес Брукман. Очень сильный стайер, абсолютный чемпион Европы 1953 года, призер чемпионатов мира и олимпиад именно на десятке.

Больная нога, конечно, мешала мне. А Брукман тем временем стремительно уходил, с каждым шагом увеличивая преимущество; уже после половины дистанции его фигура маячила в 200 метрах впереди. Полкруга преимущества. Но я не обращал внимания — у меня был свой график!

Бежал с вдохновением. Расслабленно. Ничего не существовало на земле кроме нескончаемых кругов марафона. Вдруг в поле зрения попал силуэт Брукмана. Что

такое? Неужто целый круг отыграл у меня Корнелиус?

Но нет, это мне удалось сократить разрыв до 60 метров. Осталось всего четыре круга. Что-то объявили по радио. Я не понял. Около биржи спросил:

— Что объявляют?

Тренеры развели руками:

— Не понимаем норвежского... Но бежишь по графику!

Весь стадион встал. Норвежцы скандировали мое имя. Наконец я финиширую — есть бронзовая медаль в многоборье! Впереди Шилкова, Эрикссона, впереди железных многоборцев! Ура!

После забега узнал, что объявил диктор:

— Если Гришин выдержит темп, он станет чемпионом мира!

Я не выдержал. Лавровый венок достался Олегу Гончаренко, на второй ступеньке остался Меркулов, на третьей — я. Полный триумф! Теперь можно спокойно смотреть в глаза советским людям и не стыдиться того, что ты бегаешь на коньках!

Оставался чемпионат Европы. А ведь у нас, конькобежцев, эти соревнования равны по своему значению с первенством мира, ведь ни на одном континенте кроме Европы нет сильных многоборцев!

Из Осло мы вылетели в Хельсинки. Теперь в нашей команде царило настроение приподнятости. Охотно делались прогнозы:

— Чемпионом станет или Гончаренко или Меркулов. Больше никому.

— Мне бы не проиграть Гришину на пятисотке больше секунды — и буду первым, — мечтательно говорил Меркулов.

— Та, чего гадать? — улыбался Гончаренко. — Выйдем на лед — и все станет на свои места.

— Вы говорите так, словно нет Бори Шилкова. А он может стрельнуть в Финляндии! — сказал я.

— Конечно, может! — добродушно согласились все.

Потом, когда зашел разговор о спринтерах, Роберт Меркулов, совершенно забыв, что рядом сидит Юра Михайлов, сажу я, шепнул:

— Да, что эти спринтеры? Я их и за конькобежцев-то не считаю!

Все рассмеялись. Роберт увидел нас, обнял и говорит:

— Я не имел в виду присутствующих!

Почти все свободное время в Хельсинки мне пришлось проводить в клинике, где обещали за десять дней привести в порядок ногу.

... И вот позади были три дистанции. Первое место на пятисотке, затем уверенное выступление на пятерке — спокойное, гарантирующее успех в многоборье; серебряная медаль на полуторке — и проиграл-то всего 0,1! А в итоге — первое место после трех дистанций. Никто не удивился этому первому месту. Так ведь было уже и в Саппоро и в Осло! Но все поразились другому: у меня был колоссальный запас очков, и теперь на десятикилометровой дистанции я мог проигрывать лидерам до 40 секунд!

Соревнования на десятикилометровой дистанции сложились драматически. Олег Гончаренко неожиданно проиграл в паре Кнуту Юханнесену 350 метров, что отбросило его на пятое место. Неудачно выступил и Шилков. В лидеры вышли норвежец Юханнесен и швед Эрикссон. Казалось, что изменить уже ничего нельзя. После триумфа в Осло полное поражение в Хельсинки.

Итак, перед моим стартом в советской команде было беспокойно.

— Вся надежда на тебя! — сказал Кудрявцев. — Запас перед Юханнесеном в 42 секунды. Это много... Но ведь погода испортилась, капель... Лед развезло. Вытерпишь?

— Не знаю!

— Надо, Женя, надо! — Олег Гончаренко одобряюще улыбнулся. — На тебя смотрит вся Европа.

Мысленно я был уже на дорожке. Представлял свои страдания. Если стайеру тяжело приходится после семнадцатого круга, то спринтер начинает мучиться уже на четвертом. Спринтер не может долго бороться с усталостью. А стайер — терпит! Это ему привычно. Я часто спрашивал стайеров:

— Что вы чувствуете во время забега?

— В конце ноги немного болят, а так — мотор здоровый, крути, пока хватит настырности.

...Да, ситуация не из приятных. Все заботы очень сильной команды свелись к одному — пусть выручает спринтер!

— Ты всегда все терял на пятерке, никогда выше 25-го места не поднимался, — сказал Кудрявцев, листая свой «талмуд». — Десятка тебе давалась легко — ты бывал и одиннадцатым. На пятерке ты проигрывал все — наедался до предела, хотел, видимо, много вложить, но тебя не хватало. Десятку ты бежал разумно, понимая, что она — не скоростная дистанция. Так что у нас есть основания для оптимизма. Терпи!

...Стартую в последнем забеге. Погода испортилась. Вокруг катка вода.

— Не скучно бежать одному? — шутит Гончаренко.

Наши ребята расположились по всему кругу, смотрят на секундомеры.

На каждом круге я проигрывал Юханнесену по 2 секунды.

Умножил на двадцать пять кругов — многовато! Ведь можно уступить лишь сорок две... А где взять силы? Их нет. Значит, проигрыш? Поражение не только твое личное, но и команды?

Прибавил скорость. Вот уже совсем не могу бежать. Неожиданно из сотен голосов выбрал один — Толика Титова из Ленинграда:

— Нельзя отключаться! Ты подумай, как потом будешь отдыхать!

«Уступить Юханнесену — не позор! Что я теряю? Выступлю в следующий раз! И серебро — благородный металл!» Если бы я допустил эти мысли, расплата была бы мгновенной — проигрыш.

Но я заставил себя работать и думать на полную мощность:

— Сколько? — спросил я у тренера.

— Плюс две! — ответил Кудрявцев.

Остался последний круг. Значит, надо прибавить чуть-чуть. Последнее усилие. Если сердце разорвется, пусть разорвется! Докачусь!

Профинишировал, как Юханнесен.

Когда чемпион мира прошлых лет финн Паркинен увенчал меня лавровым венком, я подумал о маме: «Если каждый неудачный старт отнимает у тебя год жизни, пусть каждая победа вернет пять лет. Не могу я без спорта. Без быстрых коньков! Как ты будешь рада сегодня, мама!»

Хребты Невады. Долина Индианок.

Год 1960-й

Горы обступили Долину Индианок. Свистит ветер в ушах у лыжников, мелькают цветные костюмы слаломистов, звучит неумолчная мелодия скорости — Серенада Солнечной долины. Обе эти долины — Солнечная и Индианок — расположены рядом. Вспоминается музыкальный фильм об одной из этих долин с участием легендарной фигуристки Сони Хени, вспоминаются строки из рассказов Хемингуэя об этих долинах: «Он въехал на небольшой бугор, а потом снег начал убегать из-под его лыж, и он понесся вниз, вниз, быстрее, по последнему крутому спуску. Согнувшись, почти сидя на лыжах, стремясь, чтобы центр тяжести пришелся как можно ни-

же, он мчался в туче снега, словно в песчаном вихре, и чувствовал, что скорость слишком велика. Но он не замедлил хода. Он не сдастся и удержится».

Пройдет несколько дней, откроется Олимпиада, стартер выпустит меня на коронную пятисотку, и я, по выражению газет, «наберу космическую скорость», почувствую, что она слишком велика, что она сваливает с ног, распрямлюсь, проеду на прямых ногах и снова брошусь в погоню за рекордом. Не сдамся, удержусь... Но все это будет через несколько дней, а пока...

А пока мне еще надо попасть на Олимпиаду, пробиться в команду, а пока мне надо рассказать о четырех годах жизни — о периоде между двумя олимпиадами, о внутреннем моем состоянии, которое безошибочно укладывается в четыре слова — «между небом и землей».

Год 1956-й... Две олимпийские медали, лавровый венок чемпиона Европы, третье место на первенстве мира, два мировых рекорда, и ни одной к тому времени победы на чемпионате страны. Поэтому, наверное, с такой добросовестностью я готовился к первенству СССР в Свердловске — необходимо было выступить на высшем уровне.

Ничто не могло остановить меня, никакая случайность не должна повлиять на результат — на десятом году своей спортивной жизни я стал чемпионом Советского Союза.

— Какая это у вас медаль по счету? — спросили журналисты.

— Первая! — отвечаю.

— Не надо разыгрывать нас. Какая?

— На полном серьезе — первая!

— Неправдоподобно! — и они развели руками...

После напряженной зимы конькобежцы могли дать себе небольшой отдых. Но я и Борис Цыбин решили без всякой передышки взяться за велосипед. Объяснялось все очень просто: я обещал рекордсмену мира Ростисла-

ву Варгашкину выступить с ним в гонках на тандеме. Если мы займем первое место на чемпионате страны, нас возьмут на Олимпиаду — в Мельбурн. Мы прикинули свои возможности и решили, что можем бороться за медали Олимпиады на равных с любой парой мира. Когда я признался Борику Цыбину в своем намерении попасть на Олимпиаду в Австралию, он горячо поддержал меня и выложил фундаментальные доказательства того, что пара Ростислав Варгашкин — Евгений Гришин многообещающая и перспективная.

— Кстати, и для коньков будет прекрасная подготовка! — Давай буду тренироваться с тобой. Пока Ростислава нет...

Сели на тандем. Тренировались азартно. Даже холодноватый Цыбин зажегся велосипедом. Он очень помогал мне, ибо никогда не отступал от намеченного плана.

Сейчас, если вдруг начинают подвергать сомнению объемы наших тренировок в 1962 — 1963 годах, мы с Цыбиным вспоминаем:

— За лето открутили около пяти тысяч километров, да? — спрашиваю у Борики. — Сейчас даже лучшие скороходы крутят в два раза меньше.

— Но мы-то готовились к велосипеду? — уточняет Цыбин.

— К гонкам на треке готовился я один. А ты помогал и считал, что работа летом обязательно скажется зимой. Ты думал лишь о коньках! — я грожу Борику пальцем, — мол, не принижай себя! Ты еще двенадцать лет назад интуитивно догадывался о необходимости большой работы летом. Как мы тогда тренировались? Через день, через два постучим в волейбольчик, побегаем... Разве сравнить с сегодняшними занятиями — два раза в день по три часа...

— Но мы уже тогда проводили по две тренировки в сутки! — Борис словно угадывает мои мысли.

— Помнишь, как мы поспорили с велосипедиста-

ми? — Это уже я попадаюсь на лирическую удочку. — Конечно, зря мы им предложили пари, а?

— Почему зря? — Борис разводит руками. — Классная была поездка.

Дело было так. Как-то в компании велосипедистов (где меня и Цыбина уже считали своими) заспорили о преимуществах видов спорта — поговорили о ценности медали в десятиборье и прыжке в длину, о гимнастике и каждом ее снаряде, потом незаметно перешли на коньки и велосипед.

— Раньше эти виды можно было совмещать, — сказал заслуженный мастер спорта, один из сильнейших велосипедистов страны. — Но сейчас наши пути разошлись окончательно. Велосипед слишком объемный вид спорта, это — каторжный труд, а коньки — изящный спорт, легкий, эмоциональный.

— Это коньки-то легкий спорт?! — спросили в один голос Цыбин и я.

— Ну ладно, ладно лезть в бутылку! — попробовал успокоить нас второй велосипедист, также один из сильнейших шоссейников страны, завоевавший много призов и очень уверенно выступавший в международных состязаниях. — Сами ведь знаете, что сравнивать наши увлечения нельзя. Велосипед неизмеримо сложнее!

— Хорошо! — Я вскочил с места. — Садимся на тандем и едем в Тулу. Кто быстрее — вы, велосипедисты, или два конькобежца? Случайностей никаких. Дорога длиной в 200 километров. Все и проверим!

— Решено! — И велосипедисты многозначительно переглянулись. — Едем завтра.

Примерно до Серпухова мы мчались рядом, попеременно лидируя. Возле Шарাপовой Охоты их тандем заметно сдал... Симферопольское шоссе — трасса сложная: подъемы, спуски, пробки на дороге, оживленное движение... В Серпухове мы подождали тандем велосипедистов,

— Вы победили! — сказали они. — Едем обратно.

— Нет, — лукаво улыбнулся Цыбин. — Мы поедем к Женькиному брату — грибами обещал угостить. Привет Москве передавайте!

Через несколько часов мы были в Туле. Брат удивленно посмотрел на нас. Даже в Туле — велосипедной столице России, — даже здесь, еще не знали подобного — на тандеме из Москвы приехали два чудака!

Каково же было удивление брата, когда на следующий день мы снова сели на машину! По плану предстояла очередная тренировка, и пунктуальный Цыбин настоял, чтобы мы ее провели...

Летняя тренировка на тандеме принесла свои плоды зимой. Борис Цыбин в 1957 году никому из наших стайеров не уступил на первенстве страны; выиграв обе дистанции, сумел стать бронзовым призером чемпионата мира. Я же победил на двух остальных дистанциях чемпионата страны, легко стал призером первенства СССР в многоборье, а на мире и Европе завоевал три золотые и одну бронзовую медаль. Неприметный труд стал нам наградой.

Жаль, что в более поздние годы мы отказались с Борисом от совместных летних тренировок. Казалось бы, что проще — возьми и повтори все сначала, и снова придут победы. Мы как-то успокоились, решили, что все идет нормально. Тренеры нас не будоражили. Их можно было понять: мы же выигрывали, зачем рисковать с объемами?

Два года по причинам зависящим и не зависящим от меня я не выезжал на первенства мира и Европы. К тому времени в коллекции моей уже скопилось восемь золотых медалей с этих состязаний. Решили попробовать силы молодых. Рядом с ветеранами, к которым причисляли меня и Рафаила Грача, выросла целая плеяда талантливых спринтеров: Лев Зайцев в Куйбышеве, Юрий Малышев в Алма-Ате, Вадим Васнецов в

Свердловске, Станислав Серегин в Москве, Александр Цитлионов в Ленинграде. Всех их называли «преемниками Гришина».

Чтобы раз и навсегда прекратить разговоры о «преемниках Гришина», я решил дать молодым спринтерам бой на чемпионате страны 1959 года, который разыгрывался на льду Вологды.

— Почему вам не нравятся разговоры о преемниках? — как-то спросил меня один известный журналист.

— А почему они должны мне нравиться? Не было еще ни одного года, чтобы у меня падали результаты. Зачем же списывать со счетов? Я могу еще лет десять пробегать, а секунды будут и будут расти!

— Ну уж это вы зря — десять лет! — Обозреватель снисходительно улыбнулся.

Разговор наш состоялся в марте 1958 года, а через десять лет, в том же марте, но уже 1968 года, обозреватель подошел ко мне после победы в Свердловске и пожал руку:

— Вот ваш главный рекорд. Вы бегали двадцать один год в сборной страны, и вы научили мужеству целое поколение!

— Ну уж это вы зря! — Теперь была моя очередь улыбаться снисходительно...

Перед Олимпиадой 1960 года в Давосе, небольшом курортном городке Швейцарии, состоялось первенство мира. Главными соперниками наших многоборцев были француз Андрэ Куприянов и спортсмен из ГДР Гельмут Кунерт. Норвежцы и финны в те дни еще не подошли к пику своей формы.

Советская команда переживала смену поколений. Гончаренко, хоть и занял на первенстве страны второе место, уже прошел свою вершину, и ему оставалось одно — добегать на энтузиазме и могучей воле бойца. Наша олимпийская надежда Виктор Косичкин еще не родился как настоящий мастер многоборья. Пройдет

только двадцать дней, и Косичкин так прибавит в результатах, что обыграть его будет очень трудно. Но пока, в Давосе, он должен был успешно выступить только на стайерских дистанциях.

Главным козырем нашей команды в многоборье был Борис Стенин — чемпион страны, человек, ровно выступающий на любой из дистанций, но умеющий все силы вложить в коронную свою полуторку...

Я стартовал удачно — выиграл пятисотку. После трех дистанций имел сумму, которая гарантировала мне место в первой тройке. Надо было на десятке показать вполне посильный для меня результат. И — бронза...

Когда стало ясно, что Бориса Стенина никто уже не опередит в борьбе за лавровый венок, руководство команды предложило мне не участвовать в беге на 10 тысяч метров.

— Для тебя в этот год главное — Олимпиада в Долине Индианок, — сказал тренер. — Не расстраивайся.

Но грустный стоял я у кромки дорожки, наблюдая за бегом Юханнесена. Спортсмен был сломлен акклиматизацией и ничего не мог показать на льду Давоса. Он механически переставлял ноги. Проезжая мимо меня, показал на голову. Жест означал: «Голова разламывается, ничего не могу сделать!»

Перелет в Америку был трудным. Скво-Вэлли расположен в горах — в 5180 километрах от Нью-Йорка, в 780 км — от Лос-Анджелеса и 323 — от Сан-Франциско. Летели много-много-много часов. В самолете были наши журналисты, которые летели освещать Олимпиаду.

Нам представился удобный случай — близко увидеть людей, которые рассказывают о нас.

Здесь, в салоне самолета, мы прочитали в норвежской газете «Верденс Ганг» прогнозы олимпийских четверок:

«500 м — 1. Е. Гришин. 2. Р. Грач, 3. Л. Зайцев (все — СССР). 4. А. Естванг (Норвегия);

1500 м — 1. Т. Салонен. 2. Ю. Ярвинен (оба — Финляндия). 3. Б. Стенин (СССР). 4. К. Юханнесен (Норвегия) ...»

Ну что ж, меня такие прогнозы устраивали в первой своей части, когда три наших спринтера шли вне конкуренции; что касается полуторки, то здесь я мечтал о повторении предыдущей Олимпиады. Именно на борту воздушного лайнера писатель А. Кулешов предложил заголовок к статье о спринте: «Кортина повторяется — картина повторяется». Он намекал на то, что 500 метров я пробегу лучше всех.

Но я волновался: сумею ли привыкнуть к искусственной беговой дорожке, на которой еще ни разу в жизни не стартовал?

Долина Индианок, столица белой Олимпиады, напоминала военный лагерь. Солдаты и матросы утрамбовывали лыжные трассы, расчищали дороги.

Много было детей: на дни Олимпиады в школах устроили каникулы. Учителя продумали план олимпийских походов. Билеты для школьников стоили очень дешево, в то время как пребывание на Ледяной арене в течение одного дня обходилось взрослому человеку в 25 долларов.

Скво-Вэлли порастил нас. Улыбалось солнце, синели горы. Ветер не колыхался. Казалось, вся тишина земли собралась в Долине Индианок. Мне это безумно нравилось: в условиях высокогорья прекрасно бежится на коньках, когда нет ветра и когда солнышко наполняет светом мир, но не плавит лед. Другим — наоборот. Они предпочитают плохие условия. Например, если будет дождь, то тогда неизмеримо вырастают шансы могучего норвежца Роальда Оса, который не отличается быстротой бега, но который хорошо бежит в непогоду.

На первых же тренировочных соревнованиях я побил мировой рекорд — 40,0. Но результат не засчитали, ибо состязания были неофициальными. Нужно ли говорить, как я был счастлив, почувствовав скорость! Теперь все мечты об одном — не просто выиграть, а финишировать с мировым достижением.

В интервью корреспондентам трехкратный олимпийский чемпион Ялмар Андерсен категорично заявил:

— Пятьсот метров выиграет Гришин. В успех американца Диснея, недавно превывсившего мировой рекорд, я не верю.

Как ни велика была популярность Андерсена среди конькобежцев, его слова были встречены с недоверием — ведь меня и Диснея разделяла лишь 0,1 секунды. 0,1 — глупость, мелочь, пустяк!

День открытия Олимпиады запомнился ее участникам на всю жизнь. Целое утро валил снег, все стало вокруг белым и голубым. На дорогах начались столпотворения из-за снежных заносов. Впервые в истории церемония открытия была задержана на 15 минут. И только закончился парад, как из разорванного купола неба повалил снег. Густой, пушистый, такой неуместный, что и словами не выразить!

Но соревнования спринтеров состоятся при любой погоде...

Первые пары доказывают, что результаты состязаний будут высокими. Девятнадцатилетний американец Ричард Макдермотт устанавливает рекорд США — 40,9! В тот день я не обратил внимание на паренька, не зная, что через каждые четыре года он будет вставать на моем пути и, побеждая, отберет сначала золотую медаль — в Инсбруке, а затем бронзовую — в Гренобле! Но все это будет потом, через многие годы. А пока...

Реактивный американский спринтер Билл Дисней! Ему 28 лет. Движения его резки, коротки в своей амплитуде. Он бежит, как хоккеист. Но скорость показы-

вает выдающуюся: всего 0,1 не хватило до повторения мирового рекорда.

Никто из четырнадцати пар не мог улучшить времени Диснея. Правда, еще не стартовали три советских спринтера: Грач, Малышев и я.

Я — в пятнадцатой паре. Мой соперник — тихоходный австриец Ф. Оффенбергер. Мне достается большая дорожка. Как неудачно! А я-то мечтал побить мировой рекорд...

Не подаю виду, что расстроен. Все спортсмены вышли на лед. Ждут чего-то. А Билл Дисней подъезжает ко мне и расставленными указательным и средним пальцами руки показывает латинскую букву «V» — Виктория, победа. Он, оказывается, болеет за меня!

«Вот это — спортсмен!» — думаю про себя и улыбаюсь.

По большому повороту несусь как на крыльях. Слышу голос Кудрявцева:

— Не прижимайся к бровке!

Испытываю такое ощущение, словно меня тащат по льду за воротник.

— Будет рекорд!

Только об этом подумал, как влетел в малый поворот — здесь с моей скоростью нужна предельная осторожность. Чувствую, трудно справиться со скоростью. Взмахиваю руками, выпрямляюсь, проезжаю на прямых ногах, удерживая равновесие и безнадежно теряя скорость.

Метнув взгляд на секундомер, понял: бороться еще можно! И я как бы заново начинаю бег.

«Еще можно! Можно!»

Ноги готовы вырваться из-под меня. Финиш. Секундомеры «Омеги» фиксируют повторение мирового рекорда. С таким-то сбоем!

Что же произошло на втором повороте, на этой злощастной маленькой дорожке?

Подъезжаю к тренеру. Он сияет:

— Если бы не сбой... Как ты умудрился? Испугался скорости?

— Подхожу ко второму повороту. Понимаю, что нужно уйти правее, чтобы не вынесло на большую дорожку. Ушел вправо так далеко, что задел коньком внешнюю бровку. Еле-еле удержался на ногах. Скорость-то чудовищная — никогда такой не чувствовал! Меня так прижало, что не мог оторвать правую ногу ото льда. Только успел вывернуться — опять покатился на двух ногах.

Отлично провел бег Рафаил Грач и завоевал бронзовую медаль.

На первом месте остался я, американец — на втором!

Снова, как и четыре года назад, выиграв пятисотку, почувствовал, что меня не остановить и на полуторке. Но так считал только я сам. Тренеры придерживались другого мнения. Они имели основания не верить в меня на этой дистанции, ибо предыдущие годы я бегал ее неровно.

Лидером, безусловным и твердым, считался в советской делегации Борис Стенин. Он в этом году почти не проигрывал полуторку, на чемпионате мира в Давосе опередил меня почти на 3 секунды, а ведь я занял второе место.

В канун старта мы сидели в комнате и мечтали:

— Полуторка-то уж наша! Но кто ее выиграет?

— Борис! — сказал Гончаренко.

— Да, я должен! — Стенин застенчиво улыбнулся. — Ход есть!

— А Ярвинен? А Ос, если будет плохая погода? — Часа два взвешивали шансы всех участников. В самом конце разговора Стенин повернулся ко мне:

— И Романых может ухватиться за бронзу!

— Где уж мне! Давайте вы! — А самого кольнула мысль: «Стрельнуть надо! Пойти ва-банк! Или-или...»

— Не-а, ты зря себя сбрасываешь! — настаивал Стенин.

— Слишком сильная компания собралась! — ответил я.

Наутро погода круто перевернулась — ужасный ветер зарядами выстреливал на дорожке. Были пары, которые бежали в абсолютном безветрии, когда даже флаги повисли. Забег на забег не приходился.

Стенин бежал при сильном ветре. Он хотя и показал отличный для такой погоды результат, но был недоволен собой. По всему чувствовалось, что это время можно улучшить.

В десятой паре стартовали очень сильные средневики — рекордсмен мира финн Юхани Ярвинен и норвежец Роальд Ос.

Роальду Осу было 32 года, он участвовал еще в Олимпиаде 1952 года и на этой дистанции завоевал бронзовую медаль. Он и сейчас был главным соискателем золотой медали. Победа могла стать достойным завершением его спортивной карьеры — успех на третьей своей олимпиаде!

В нынешнем сезоне Ос жил одной мыслью — Олимпиада! И он пришел к старту во всеоружии.

Осу повезло и с погодой. Он не отличался обычно высокой скоростью, позволяющей приблизиться к мировому рекорду. Если бы сегодня бежали на результаты порядка 2.05, то Осу нечего было бы делать. Но когда погода поставила всех средневикиков у рубежа 2 минут 10 секунд, то фигура Оса выдвинулась на первый план.

Что же касается мирового рекордсмена Ярвинена, то он сам заявил о своей подготовке:

— Я очень плох и не могу бороться за первенство на коронной дистанции. Со всеми вопросами о полуторке обращайтесь к Стенину. Он обязательно выиграет.

Ос бежал прекрасно. Он медленнее Стенина начал дистанцию, но финишный круг его был великолепен.

Ни на йоту не снизив скорости, Роальд Ос поставил себя на первое место.

А мировой рекордсмен Ярвинен снял ботинки с коньками, швырнул их в сугроб и прямо в носках пошел по льду в раздевалку: «Трижды проклятый и прекрасный спорт!»

Роальд Ос давал интервью.

— Вы рады? — был вопрос.

— Еще не бежал Гришин. Он является для меня эталоном. Я имею фильм, где заснята техника его бега. И я учился по этому фильму.

На табло появились предварительные результаты: Ос первый, Стенин второй... В ту минуту на стадион приехал руководитель нашей делегации Николай Николаевич Романов. Он взглянул на табло и с укором сказал мне:

— А ты что же?

— Я еще не бежал!

— Ну давай!

В паре с австралийцем Коллином Хиккеем начинаю бег. Отличные первые 300 метров... Столь быстрого начала сегодня не показывал никто. Ветер во время бега достиг такой силы, что один из поворотов я проехал на двух ногах... После двух кругов имел преимущество плюс 3 секунды против графика Оса. Надо было удерживать его, но подул такой силы ветер, что пришлось остановиться. Можно и нужно было бежать как новички — в разножку... На последнем повороте проиграл Осу то, что завоевал на 1300 метрах. Выходя на прямую, увидел табло — еще не все потеряно! Если последнюю стометровку пробегу, как Ос, то смогу победить!

На финишную прямую затратил ровно столько секунд, сколько хватило для повторения результата Оса — на большее сил не осталось...

Итак, и эта дистанция принесла олимпийское золото.

— Обидно, что пришлось разделить верхнюю ступеньку пьедестала? — спросили на пресс-конференции.

— Я рад, что мы победили вместе. При таком беге было бы обидно проиграть. Но и выиграть у Оса тоже несправедливо. Считаю, что при равном беге лучше не искать победителя...

После Олимпиады, как и обещали, устроили состязания на побитие мировых рекордов.

День старта совпал с поездкой спортсменов в городок Рено, который расположен в 64 километрах от Скво-Вэлли и пользуется репутацией «величайшего из всех маленьких городов мира» за то, что здесь можно устроить и самый быстрый брак и самый быстрый развод. Здесь созданы все условия для охоты, рыбной ловли, карточной игры, игры в рулетку...

Дорожку я вытянул малую. Бег был мощным и чистым. Но все же он не был столь быстрым, как хотелось бы. Понятно — позади такая Олимпиада!

Секундомеры зафиксировали, что впервые в истории коньков человек выбежал из пределов 40 секунд. 39,6 — таково теперь высшее достижение на земле!

— Чем вас поразила Америка?

— Что вам понравилось у нас?

Меня засыпали вопросами.

Отвечал, что думал:

— Понравился красный флаг на голубом американском небе. Очень красиво...

Через несколько лет мне удалось посмотреть фильм «Это было в Скво-Вэлли». Лента крутилась, а я ждал одного момента: вот я лечу в малый поворот. Вот пошатнулся! Вот взмахнул руками! Вот распрямляюсь и еду на прямых ногах! Вот думаю, сдать или нет!..

Столько лет прошло, а никак не пойму: что помогло мне удержаться?

Ерзаю в кресле, никак не найду места. Сколько можно бежать одно и то же? Если бы я знал... Прошло

шестнадцать лет — когда же я перестану думать об этом сбое? Наверное, никогда!

*И Альпы вновь. Австрийские теперь.
Год 1964-й*

Перед Олимпиадой-64 сборная команда скороходов тренировалась в Ангарске. За нашими занятиями наблюдали спортивные ученые. Они подсчитали количество моих шагов на прямой и повороте и решили, что мне не хватает темпа.

Ученые забраковали бег и Антса Антсона.

Авторитет ученых, видимо, подействовал на Кудрявцева. Он твердо решил, что я бегу неправильно.

— Надо повысить темп! У тебя самый редкий бег. Не исключена возможность, что потому и не растешь!

Кудрявцев всегда был для меня самым авторитетным специалистом в коньках, и я решил подчиниться: стал бегать короче, но чаще. Пришлось перетачивать коньки — менять овал лезвия.

Шло время. Объемы были освоены, нагрузки не сломили меня, а результаты не пришли. Если раньше меня хватало на 450 метров, если раньше я мог «на зубах добегать» лишь последние 50 метров, то сейчас был в силах выдержать темп только до половины дистанции.

В чем дело? Ведь силен — чувствую силу, даже удручен этой силой. Силен — все могу!

И — не могу...

Перед отлетом сборной страны в Норвегию я не мог найти себе места. У своего основного соперника Бориса Гуляева я выигрывал только 0,1 секунды. Это было очень мало. 0,1 — вещь скромная. Сегодня 0,1 улыбнется мне, а завтра — Гуляеву. Нет, надо было создавать запас скорости в полсекунды.

Как-то ночью в норвежской гостинице я поднялся с кровати в четыре часа ночи и стал имитировать бег

90. на полу. Сумасшествие — имитировать ночью! Но я и был сумасшедшим — от меня ушло все ценное, то, чем я был силен! Имитировал долго, потом оделся и побежал в номер к врачу Мышалову:

— Савелий! — закричал у двери.

Мышалов стал искать аптечку: он думал, что я заболел или у меня сердечный приступ.

— Савелий! Не волнуйся! Я нашел...

— Что нашел?

— Знаю, почему не бежал!

Савелий Мышалов погладил меня по плечу, а я, не попрощавшись, ушел в номер. Сел перетачивать коньки.

Утром выиграл соревнования, как и прежде, с преимуществом в 0,6 секунды. Это меня вполне устраивало.

Как раз в эти дни за океаном на огромной высоте — 3000 метров проводили соревнования американские спринтеры. Они все выбежали из 40 секунд. А Грей даже повторил мировой рекорд.

Поднялся невероятный шум. Ажиотаж вокруг имен американцев был так силен, что меня каждую минуту кто-нибудь интервьюировал:

— Считаете ли вы их основными соперниками?

— Встретимся. Посмотрим.

— Но ведь они все выбежали из сорока!

— А меня скоростью не удивишь. Четыре года назад и я имел 39,6.

Американцев я увидел в дни товарищеских матчей на норвежском льду. Перед соревнованиями заокеанские спринтеры вышли на разминку. Они катались в пальто. Я сказал «катались»? Они гоняли по льду как угорелые. Начинали ускоряться в любом месте дорожки, где только вздумается. Вот катится Грей, вдруг неожиданно с середины поворота — ускорение! Как побжит, как побжит! Что за методика? И есть ли она у американцев? Черт знает что...

На себя я не обращал никакого внимания, стремясь понять американцев. Но разобраться было невозможно.

— Собираются ли они соревноваться или вышли на каток массового катания и веселятся на пяточке?

Американцы с радостью давали автографы. Они писали на листке блокнота свои фамилии и ставили цифры личных рекордов. И у всех были великолепные результаты: 39,5, 39,6! От скромности они не могли умереть. Но в их веселости было что-то привлекательное.

Турнир проходил в холодную погоду. На морозе около 26 градусов я пробежал лучше всех. Лучший из американцев — Ричард Макдермотт — отстал на 1,2 секунды. Старт американцы брали прекрасно, но их хватало до отметки 300 метров.

Советские тренеры и спортсмены видели наш бег на экране телевизора. Им понравилось, как я провел соревнования, и, вернувшись в гостиницу, я услышал лишь одно:

— Классно!

Теперь уже можно было со спокойной совестью, с чувством уверенности в своих силах уезжать в Инсбрук.

Олимпиада! Что рассказать о ней? Волновался, переживал и очень много думал о старте, о рисунке бега. Особенность моей подготовки к соревнованиям — это раздумья о старте. А вот Андерсен никогда не включал радио, чтобы ничего не слышать о коньках. Олимпийский чемпион норвежец Баллангруд забирался в глухие деревеньки, где о коньках понятия не имели. А я специально заводил разговор о беге. В Скво-Вэлли, например, обязательно каждый вечер подходил к олимпийскому факелу. И разговоры о беге, и факел — все это не раздражало. Наоборот, настраивало. Я не мог сгореть от ожидания — таков характер, такова привычка.

Обычно я не точил коньки после разминки. Но в Инсбруке вокруг катка не было снега. На всякий слу-

92 чай проверил коньки. Все казалось нормальным. Правда, Кудрявцев подстраховался:

— Поточи. Для спокойствия. Немножко блеснит кромочка...

Только снял ботинки, как подбежал Косичкин.

— Не точи! — Виктор словно что-то чувствовал.

До забега оставалось достаточно времени. Кудрявцев еще раз посмотрел на лезвие:

— Немножко можно сточить!

Видимо, я волновался. Точил предельно осторожно, но незаметно стесал задник и таким образом увеличил овал.

Идя по дороге, по асфальту, около места старта, я затупил точку овала...

Прямую разогнался великолепно. 9,8 — шел на рекорд!

А уже на повороте почувствовал, что левый конек не держит.

Не держит? Ну ничего.

Еще шаг — конек сорвался.

Я устоял. И не придавал значения сбою. Опасность позади, теперь только вперед! Сделал шаг с правой — и снова левая нога сорвалась.

Теперь уже еле удержался.

Пробегая мимо «биржи», закричал:

— Конек! Тупой конек!

Скорость велика, а в голове стучало: «А что же будет на втором повороте?»

Блеснула мысль: «Упасть!»

«Но как упасть на Олимпиаде?» — эти мысли пролетели за семь секунд, пока не вошел в поворот.

«Как удержаться?» — короткими, лихорадочными шажками прокладывался по повороту. Прокрадывался, а не летел!

Прокрадывался к поражению!.. Горю моему не было измерения. Секунды, выброшенные «Омегой», — это

провал. Все! Ужас! Бесснежная земля зимней Олимпиады, как я ее чествовал и хаял!.. Горестная земля и горький искусственный лед — вот и все воспоминания об Инсбруке 1964 года...

Перед стартом, увидев на трибуне свою жену — Марину, я решил: — выиграю и побегу к ней на трибуну прямо в коньках. Мне простят все: поймут — пятая медаль! — так я верил в свои силы.

Мое время еще оставалось лучшим, а я уже услышал:

— Не вынес славы! Перегорел!

Заметив мой свитер, засуетились:

— Как ты? Что же ты?

— Конек попал на песчинку! — Я отъехал. Удалялся, а до меня донеслось:

— Конек попал на песчинку. Из него самого песок сыплется!

Долго не выходил я из круга. Никто из спортсменов не мог улучшить моих секунд. Почему? Ведь результат-то очень слабый! Кто же его превзойдет?

Смотрел на соперников.

Эдди Рудольф — коньки об лед стучали. Весь — напряжение. Весь — ожидание. Он ничего не должен был показать здесь: слишком перевозмуждался. И действительно, несколько раз Эдди срывался раньше выстрела стартера.

Кейти Судзуки шнуровал ботинки уже в восьмой раз. Он мог в любой день пробежать с мировым рекордом. Но в день Олимпиады японец оказался деморализованным.

Альф Естванг тоже волновался. Но его выручал опыт — мы уже стояли с ним на ступеньках олимпийского пьедестала восемь лет назад. Он был третьим. И никогда золотая медаль не была ему так близка, как в 1964-м, на закате спортивной карьеры. Оттого-то и волнение. Потому он только повторил мой результат...

Все спринтеры ждали Олимпиаду четыре года — хотели победить в трудной борьбе. А борьбы-то, по существу, не было: Гришин выбыл из строя, открыв свои козыри. И возможность получить золото показалась тогда многим такой реальной, словно оно само шло в руки... Но не тут-то было. Олимпиады есть олимпиады! На них даже предпоследнее место не достается без борьбы.

Итак, все мнили себя олимпийскими чемпионами, мысленно переживали волнующие минуты награждения и... сгорали, сгорали до выстрела стартера.

Лишь один человек не волновался в тот миг — американец Ричард Макдермотт. Он не надеялся победить. И потому он бежал так, как бегал всегда — привычно, сильно, с трезвой головой. Он был словно черт! Дьявол! Что он делал на дорожке? Первые 200 метров — темп невероятный. Не выдержит! — решили все. А он выходит во второй поворот и стучит, и молотит ногами. И не устает. Если первые 300 метров он еще проигрывал мне, то уже на повороте, который я прошел чуть ли не пешком, он выиграл эти 0,5 секунды. А финишная прямая оказалась у нас одинаковой. Секундомеры зафиксировали новый олимпийский рекорд. Блестяще!

Мы поднялись на пьедестал. Я впервые задержался на второй ступеньке. В 33 года я получил серебряную медаль — не так уж плохо! Но я не знал, куда деться от стыда.

Когда поздравлял американца на пьедестале, он сказал: «Не верю, что я — чемпион!»

У меня болела голова, про себя подумал: «Этот молодой парикмахер заставил меня еще на четыре года остаться в спорте. С поражением не уйду. Я — докажу... Стал же он, молодой и красивый, на моем пути!»

— Это мой самый лучший старт! — Глаза Макдермотта искрились счастьем, когда он давал интервью журналистам.

— Твой лучший бег! — подчеркнул его тренер Фрэсингер.

Макдермотт поразил меня еще до своего фантастического забега. Перед его стартом японский спринтер врезался в установку «Омега» и разбил ее. Пока «Омегу» уносили со льда, пока приводили в порядок, прошло минут двадцать... Ричард даже не сел в посадку. Он катался в костюме, стоя. По всем законам физиологии его разминка должна была пойти насмарку. Но... американец ничем не был встревожен. Словно никто и не откладывал его олимпийский старт, словно все было нормально.

Поставили «Омегу». Макдермотт стоя подъехал к судьям, снял костюм и помчался...

Через 40,1 секунды он был самым уважаемым спринтером мира.

Американцы подходили ко мне и выражали соболезнование:

— Это — случайность!

Случайность? Он наказал меня на четыре года! Так, я наверное, восемь лет подряд лишал всех спринтеров надежд, так, наверное, и они смотрели на меня — с уважением и обидой. Их было много, кто не смог осуществить своих планов только потому, что был силен я... Уходили, приходили, снова уходили... Много их было, а я оставался один, как патриарх спринта... И вот — расплата!

Проигрыш проигрышу рознь... Бывало, я оступался, когда не был готов. Ничего не поделаешь — бессилен! Но есть проигрыши, когда лишь случайность подчеркивает многолетний труд! И я падал на соревнованиях... Но то, что произошло со мной в Инсбруке, не укладывалось в голове — «я и мог, и не смог»!

Это — ужасно, обидно!

Что же делать? Смириться? Искать оправданий, сетовать на возраст? Нет! Работать, зажаться еще на че-

тыре года. Еще четыре зимы и четыре лета жить одним — Олимпиада!

А если и через четыре года — осечка? Досадная оплошность? Если снова затупится конек? Снова проигрыш? Что тогда?

И стоит ли рисковать четырьмя годами, отказываться от удовольствий и прелестей жизни? Ведь спринт неумолим, он многих ломает!

Что же дальше?

Уйти?

— Уйти — это самое легкое...

Французские Альпы. Город трех роз. Год 1968-й

Я пошел на костылях так легко, словно всю жизнь ходил на них. Наверное, тогда, 25 лет назад, когда двенадцать осколков немецкой бомбы жгли мое тело, когда лишь один день и удачная операция спасли ногу от ампутации, наверное, тогда я все же здорово бегал на костылях.

Тем декабрьским вечером сорок второго года я катался на улице на хоккейных коньках. Вдруг — тревога. Заплясали лучи прожекторов, отыскивая в небе бомбардировщики. Самолеты ревели где-то над головой. Я испугался... Дом наш стоял рядом с оружейным заводом. Очевидно, весь свой бомбовой заряд фашисты предназначали для завода. Неожиданно я почувствовал дикий удар. Оглянулся — мальчишка, который бежал за мной, куда-то исчез. Я не мог понять, что же происходит. А потом увидел оторванную ногу мальчишка и часть валенка — это все, что осталось от него...

Бомба, как я узнал потом, разорвалась в нескольких метрах. На какое-то мгновение меня оглушило, но потом я поднялся и побежал домой. Бежал быстро, да-

же не верилось, что остался жив. Навстречу мне спускался брат Мишка.

— Что с тобой?

— Все нормально!

— Ты весь в крови! Ранило?

— Что ты! — сказал я сгоряча. А потом посмотрел вниз и, увидев кровь, почувствовал головокружение.

Двенадцать ран. Сквозное отверстие на одной ноге. Порванное ахиллесово сухожилие на второй...

Лежал я на раскладушке среди сотен госпитальных коек. Суетились врачи. Пахло мазью Вишневского — она заглушала запах гноя. Горела нога — я еще не знал, что она гноилась. Рядом умирала соседка, женщина лет двадцати пяти. Под стеклянным колпаком лежал обугленный летчик, он кричал, не в силах сдержаться. Суетились медсестры... Казалось, никому не было дела до меня. Перебитые руки и ноги у одного, раскрытый череп у другого — горе, огромное горе собралось в этом госпитале.

Почти не спал. Однажды снова пережил налет фашистских стервятников на завод, снова увидел взрыв бомбы, снова стало гореть мое тело, и пришлось открыть глаза. Но оказалось, что хлопнула входная дверь — это выносили труп нашей соседки. Ее мучения кончились.

Потом меня перевели в военный госпиталь. Хирург сразу же начал делать операцию. Несколько часов он выковыривал из голени какие-то тряпки — обрывки носков и штанов, которые осколки затащили внутрь. Я очень устал — от боли, от яркого света. Но терпел. Не заплакал даже в тот момент, когда доктор сказал:

— Еще сутки — и пришлось бы ампутировать ногу!

Долго, очень долго я привыкал ходить на костылях. А потом еще очень долго мне не разрешали разлучаться с костылями...

И вот через двадцать пять лет снова костыли...

Как все это получилось глупо и бесславно! Мороз в Челябинске был 42 градуса. Но мы тренировались. Делали три-четыре выхода, катались по десять-пятнадцать кругов — и греться! Ноги замерзали, пальцы не сгибались, отказывались слушаться. Как-то, когда я уже должен был спешить в раздевалку, ко мне подкатил Валерий Крот — товарищ по армейской команде: — Евгений Романович, помогите старт отработать!

В первый раз мы стрельнули хорошо. Во второй — я плохо среагировал на команду. Упал. И острым коньком перерубил себе стопу ноги до кости. Перерубил вену, нерв, перерезал сухожилие разгибателя стопы. Если бы не металлическая площадка, на которой держится конек, я перерубил бы себе и кость...

Когда увидел лужу крови, которая мгновенно застывала на сорокаградусном морозе, я попытался улыбнуться:

— Так бесславно закончил!

В госпитале Челябинска сделали операцию. Зашили что-то, что-то отрезали, что-то поставили на место. Хотя операция проводилась под местным наркозом и боль не особенно ощущалась, мне иногда говорили:

— Терпите, сейчас будет больно! Терпите. Не улыбайтесь — этим самым вы напрягаетесь.

Я же продолжал улыбаться:

— Какая благородная у вас профессия! — сказал врачам.

— Нас все считают мясниками! — пошутили они.

— Через сколько дней я могу выйти на лед?

— Надо спрашивать — через сколько месяцев! Месяцами будет исчисляться лечение! — строго ответили врачи.

— Через сколько дней я могу выйти на лед? — пришлось повторить вопрос.

— Самое раннее — дней через тридцать!

— Но ведь через полторы недели мне стартовать!

— Вы что, сумасшедший?

— Нет. Я — спортсмен. И мне по нынешним понятиям очень много лет.

— Если хотите сохранить ногу и не быть инвалидом, не опускайте ногу. Не наступайте на нее преждевременно.

— Но мне же стартовать!

— Десять дней, пока мы не снимем швы, никаких упражнений. Только полное послушание, чтобы не повторить трагедии многих...

— Но мне же стартовать!

— Мы постараемся помочь вам...

Врачи. Уколы. Уколы. Уколы.

Договорились, что я не буду допускать перегрузок.

Я старался в целом сдержать слово.

Уже через пять дней необыкновенный душевный подъем пришел в мою жизнь. Даже глядя на забинтованную ногу, был уверен: могу, могу! Жизнь не кончилась в тридцать шесть лет!

Через десять дней, когда сняли швы, вылетел в Ленинград на матч городов. Здесь уже пытался кататься. Погода была очень плохая — ветреная, противная. А ребята бежали здорово, без всякой скидки на ветер. Хорошо, что я присутствовал на матче городов: мог трезво сопоставить свои возможности и достижения товарищей. Конечно, расстраивался: слишком высоки были секунды для начала сезона. Успокаивал себя: «Но ведь ты же не готовился!»

На Олимпиаде тебя никто не будет спрашивать, готовился или спал, лежал в госпитале или бегал кроссы. На Олимпиаде...

Хочешь, не хочешь, а я думал об Олимпиаде неотвязно, беспощадно анализировал и беспокоился.

Через шесть дней после матча городов, то есть почти через две недели после драмы на челябинском льду, я выехал в турне по знаменитым каткам мира: в Ин-

цель, Инсбрук и Мадонну. Выехал в качестве тренера. А руководителем делегации был сильнейший в прошлом спринтер мира Юрий Сергеев.

В Инцеле ко мне подошел мэр города Швабль и попросил выступить на льду их прекрасного катка. Я отказывался: нога еще болела, нельзя было рисковать. Но Швабль стал рассказывать об истории их катка, о росте популярности скоростного бега в Инцеле, о том, что все сильнейшие скороходы мира бежали по этому льду, оставляя на его глади автографы мужества и мастерства — мировые рекорды.

— На этом льду бежали все рекордсмены мира последних лет, кроме Гришина, — сказал он.

— Но я ранен! — улыбался я в ответ.

— Я тоже ранен. Я не имею ноги. Война... знаете, была на земле. Нехорошая война... А жизнь продолжается... — горько усмехнулся Швабль.

Потом министр спорта Баварии попросил меня пробежать в Инцеле:

— Если в Инцеле гостит сам «дьявол спринта», ему грех не расписаться на глади льда...

Посоветовавшись с товарищами, решил выйти на лед.

— Мы объявим по радио, что Гришин нездоров, что его бег — чисто символический бег. Зрители поймут Гришина — они и без того любят его, — говорил мэр.

По радио действительно объявили, что шесть дней назад мне сняли швы и что я выступаю не в полную силу.

Жребий свел меня в одном забеге с Лепешкиным. Толя в тот год считался самым быстрым в мире. Уже на первых 200 метрах Лепешкин выиграл метров двадцать. Я ему уступил дорожку, но Толя, охваченный азартом, случайно сбил меня с ног. Я упал, но зрители рукоплескали, когда мировой рекордсмен по инерции на животе мчался по льду вперед...

Потом мы прилетели на Кавказ — в Иткол. Здесь был сооружен каток на высоте 2200 метров. Столько лет я мечтал о таком высокогорном катке! Поэтому с Итколом связаны мои планы — побить свой мировой рекорд и выбежать из 39 секунд. Но, к сожалению, в Итколе не было создано условий для нормального бега. Валил снег, каток безбожно засыпало. Бульдозер, который расчищал его, портил своими гусеницами лед. Приходилось заливать снова. И снова мело, мело, мело... Мне нельзя было отдыхать: не позволяло время. В отличие от молодых, сильных, подающих надежды, но еще неопытных спринтеров, я был старым волком и знал, что Олимпиада — это Олимпиада. Бескомпромиссная, жестокая и не всегда справедливая.

Двадцать лет пробыл я в спорте. И каждый день видел, как на лед выходил новый мальчик, который не прочь был отобрать — и случалось отбирал — у меня титул чемпиона. Но уже на следующий год я возвращал себе звание первого в стране и мире. Я потому и люблю спринт — самую короткую дистанцию, что особенно остро ощущаю время. Что такое спринт? Раньше это был, к сожалению, лишь один крупный международный старт в четыре года. Один старт — 39 с небольшим секунд. А за ними — четыре года ожиданий и сомнений, полторы тысячи тренировок, десятки тысяч километров, откатанных на тренировках. Четыре года подготовки к олимпиаде — это заметульки в газетах, волнения родных и болельщиков. Это — крупинцы отдыха. И все ради одного — 500 метров. И нередко бывает, что одна десятая секунды может зачеркнуть четыре года работы. Одна десятая сзади — и все пропало, и нужно еще четыре года работать, думать, шагать к победе.

Олимпиада — это не только умение победить, это искусство, проигрывая, не смириться, не искать оправданий, не сетовать на возраст. Никакие утешения не могут оправдать человека в собственных глазах. Олим-

пиада заставляет человека думать не от испуга, а от сознания собственных сил. Спринт неумолим, он может обломать крылья многим — слишком уж суровы его требования: раз в четыре года!

Я предполагал, что в Гренобле-68 будет выдающаяся по своим результатам Олимпиада. В турне по трем каткам мне пришлось наблюдать японца Судзуки — спринтера, который выиграл дистанцию 500 метров на трех чемпионатах мира. Японец не выглядел фаворитом, он, скорее, был растерян. Дело в том, что с каждой новой победой Судзуки все больше нервничал: он, умный парень, понимал, что побеждает в отсутствие сильнейших мастеров спринта — советских скороходов, которых тогда в команды многоборцев не включали. И Судзуки волновался. Как мы тренируемся, к чему готовы, какие результаты сможем показать на Олимпиаде? Японец терялся в догадках. В Инцеле он ходил вокруг нас, присматривался ко всему: как мы шнуруем ботинки, что едим, какие делаем упражнения на разминке. Он купил даже кинограмму моего бега и пытался бегать, как я... Судзуки был подавлен нашим авторитетом и еще до выхода на лед фактически проиграл нам. Но уже в следующем турнире, присмотревшись, Судзуки взял себя в руки и выступил очень уверенно — не победил, но и не отстал безнадежно, как несколько дней назад. Волнение прошло...

Первенство Советского Союза 1967 года проводилось в Кирове глубокой зимой. Точнее, ранней весной. В Кирове стояла плюсовая погода. Растаял снег, обнажилось плотно асфальта, лишь кое-где клочками оставался лед. Мастера заливки льда, проявив всю свою находчивость, перевозили с места на место льдинки и затыкали ими ямы. Дорожка напоминала трассу для слалома.

Лед таял катастрофически. И чтобы потренироваться, нужно было вставать часа в четыре утра и катать-

ся на небольшой льдинке одного заводского стадиона. Длина льдины была метров сто пятьдесят. Какое тут катание! Нужно несколько дней приспособливаться ко льду, и этим самым можно было окончательно загубить технику.

Я заперся в номере гостиницы и начал имитировать бег. В это время позвонил Коля Кайдалов, мой главный соперник:

— Чего делаешь?

— Тренируюсь!

— А где же ты нашел лед? — Он не скрывал своего удивления.

— У себя в номере! Прекрасно!

— Ну, я беру коньки и бегу к тебе! — Через мгновение Коля втиснулся в комнату, — Ты что? Ошалел?

— Надо как-то выигрывать, а льда нет!

— А что ты хочешь выиграть? — спросил Коля.

— Какой ты был в прошлом году на полуторке? — вопросом на вопрос ответил я.

— У тебя-то выиграл.

— А на этот раз ты будешь после меня! — твердо сказал я.

Кайдалов рассмеялся. Он имел право смеяться: его лучший результат на полуторке был значительно лучше моего.

Я, как вы знаете, шел к чемпионату через операционный стол в Челябинске... И все же победил я.

Случайно! Конечно, случайно, если назвать случайностью многочасовую имитацию в номере гостиницы, если назвать случайностью то, что отказался кататься в пять утра на коньках по кривой дороге. Случайностью можно назвать и то, что я сохранил душевный заряд. Случайность и то, что я за двадцать лет приучил себя во время имитации переносить свои ощущения конькобежца в монотонные упражнения. Случайность и то, что я мыслил об этом первенстве непрерывно.

104 Случайность и то, что я абсолютно точно назвал всех победителей!

Теперь я уже не сомневался в победе и на второй дистанции. Не тяготила ответственность: одна золотая медаль уже была у меня в кармане.

Обидно, что в газетах обо мне написали всего одну фразу: «На дистанции пятьсот метров победил Е. Гришин». Я удивился. Это был чуть ли не заговор молчания вокруг моего имени. Рядом подробно описывалось душевное состояние Лепешкина, ярко рисовалось, как Чурсин надевал носки, как Гвоздецкий точил коньки, как Муратов... Как Гуляев... И только обо мне одна строка.

Ночью, возвращаясь с вечерней прогулки, я встретился со знакомыми корреспондентами. Они долго извинялись и объясняли:

— Газета — не трамвай, всех не посадишь...

Я только махнул рукой. Потом один из них спросил:

— Как себя чувствуешь?

— Нормально.

— Как живешь?

— На страх врагам!

О второй медали газеты вообще ничего не написали. Лишь в технических результатах чемпионата страны можно было прочесть мою фамилию...

Но я уже не обращал на это внимания. Для меня было важно, что такое трудное первенство я блестяще провел психологически. Теперь, когда из четырех золотых медалей чемпиона страны две принадлежали мне, я «уважать себя заставил». Уважать как спортсмена. Как это трудно — на «старости лет», после стольких побед, снова завоевывать авторитет! Меня включили на этот раз в сборную не как тренера, а как спортсмена.

Я спокойно начал готовиться к Олимпиаде. Никому я был не нужен. Никто меня не контролировал, никто ничего не советовал.

И я понял: в меня не верят!

Не верят, потому и не тревожат! Сначала это не беспокоило. Но потом начало раздражать.

В Свердловске, когда был период вкатывания, состоялось заседание тренерского совета. Тренеры сборной докладывали о готовности к Олимпиаде всех атлетов, даже кандидатов в сборную. Не доложили лишь о готовности двукратного чемпиона страны Евгения Гришина.

Как обидно. Я занимаюсь, готовлюсь, но меня — нет! Я как живой труп в сборной страны. Меня не замечают, окружили заговором невнимания. Устроили своеобразный бойкот:

— Куда ты, старый, лезешь на Олимпиаду? Мало тебе было пышек? Мало тебе было шишек? Когда ты успокоишься? Мы сами бегали с тобой и уже давно тренеры. Один из нас сошел семь лет назад. Второй — пять лет. Третий — четыре года. А ты все лезешь. Да тебе многие в сборной годятся в сыновья!

Меня старались не замечать руководители сборной — мои бывшие друзья, с которыми столько пришлось разделить невзгод в далекие годы! И хотелось крикнуть им:

— Остановитесь! Взгляните мне в глаза! Спросите, как я готовлюсь. И готовлюсь ли вообще?

Я перестал тренироваться с командой. И этого никто не заметил. Целую неделю я занимался один. Как-то шел на каток, навстречу мне старший тренер. Протер очки:

— Ты что, второй раз тренироваться?

— Первый!

— Разве ты не был утром?

— Я уже две недели не был на тренировке!

— Как так?

— А так!

— Не понимаю!

Такое отношение к себе я переживал очень болезненно.

В эти трудные дни очень поддержал меня Лева Григорьев, наш тульский велосипедист. Он неоднократно завоевывал призовые места на чемпионатах страны в гонке за лидером, а чемпионом СССР ему так и не пришлось стать. В уже солидном возрасте Лева начал заниматься коньками. Здесь он показал себя очень сильным стайером — несколько лет входил в сборную страны.

Мы в Левой были неразлучны и понимали друг друга с полуслова. Он мог жить у меня в Москве по нескольку месяцев, я мог приезжать к нему, как в свой дом. Матери нас считали чуть ли не братьями.

На всех этапах моего жизненного пути Лева Григорьев был необходим мне. В 1968 году в Медео он специально вставал в шесть утра, чтобы залить лед — он-то знал, что я люблю идеальный лед! Он по пять километров каждое утро ходил по горным тропинкам, чтобы успеть приготовить каток к тренировкам. Когда ко мне не приходила скорость, Лева приглашал меня на состязания юниоров (Григорьев — старший тренер юношеской сборной СССР), чтобышний раз провести тренировку в соревновательных условиях. Он просил своих учеников, чтобы они «завели» меня.

По вечерам Григорьев приходил ко мне в гостиницу и повторял, если не ошибаюсь, одно слово:

— Ерунда! Ерунда!

— Но я ведь отстал на целую секунду от Лепешкина! — сокрушался я.

— Ерунда! — отвечал Лева.

Перед стартом на чемпионате страны я сказал друзьям:

— Побегу сейчас так, как, наверное, не смогу пробежать на Олимпиаде. Нет другого выхода, и приходится рисковать!

Один из тренеров сборной страны сказал, что мне нечего делать в Гренобле. Я мечтал установить новый рекорд мира, а потом подойти к тренеру и сказать: «Ты прав, мне и в самом деле нечего делать в Гренобле».

Я был готов к победе психологически. Не мог же я резко измениться за четыре дня, не могло же произойти чудо! Значит, все предыдущие дни мне не хватало только уверенности в себе! Теперь она появилась!

Когда я вышел на лед, Шилков, увидев мою разминку, сказал:

— Ребята, а вы знаете, кто сегодня выиграет и с новым мировым рекордом? Евгений Гришин!

Старый скороход, он сразу понял, что ко мне пришел ход!

Я верил в свою технику — как-никак двадцать лет шлифовки! Верил в свое понимание льда, знал, что мало кто из молодых умеет бежать на скользком льду. Я же чувствовал себя на таком льду как рыба в воде.

Забег сложился драматически — я попал в пару с Виктором Викуловым, молодым спортсменом из Калинина. Он только вчера выполнил норму мастера спорта международного класса. Но оттого, что он выполнил норму, он еще не стал мастером спорта международного класса... Викулов стартовал по малой дорожке. Я — по большой. Начал с чудовищной скоростью. Вот мне уже надо переходить на малую дорожку, и Викулов, который проигрывал мне 15 метров, обязан был уступить переход. Но он этого не сделал. Пришлось затормозить. И острая мысль кольнула в голове: «Все! Прощай, Олимпиада! Зря я готовился четыре года! Неужели зря? И, как у пойманного тигра, осталось у меня право на последний рывок.

Я так резко прибавил, что еле удержался на коньках. Сбой, кошмарнейший сбой — не хватало еще только этого! Финиш был хорошим, но до мирового своего

рекорда я не дотянул две десятых секунды. Второе место! Путевка в Гренобль в кармане! Можно и радоваться. Но я был взбешен! Может быть, никогда не придется больше бежать на таком скользком льду! Эх, Викулов, Викулов! И откуда ты взялся?

Когда уже казалось, что олимпийские путевки завоеваны в бою, наши тренеры снова затеяли игру в загадки. Чемпионат стал напоминать кроссворд. Теперь, чтобы быть твердо уверенным, что мое место в сборной не достанется никому, необходимо было в паре с новым чемпионом страны Валерием Муратовым не только выиграть у него полуторку, но и выиграть ее с подавляющим преимуществом!

Когда я бежал, над катком стоял тысячеголосый шум. Я просил Леву Григорьева вести меня по кругам. Но рядом с ним кричал Борик Цыбин. Взмолнованный Кудрявцев помогал им обоим. Даже Иван Яковлевич Аниканов мчался за мной метров двадцать и что-то кричал. А казахские болельщики — те не жалели своих легких... В довершение всего наш армейский тренер Люскин крикнул какие-то цифры. Я ничего не соображал. Думал, что мне кричат о беге Муратова, который остался сзади. Но мне, как выяснилось, кричали время Матусевича, которое я мог бы улучшить...

Конечный результат и обрадовал и огорчил меня. Мне удалось опередить Муратова на 2 секунды и установить личный рекорд. Но вот времени Эдика я не мог превзойти и остался за чертой призеров. Жаль!

Теперь все кончилось. Ночью я обязан был крепко заснуть, иначе нервы не выдержали бы, но... Наступила обратная реакция, и события чемпионата, словно лента кинематографа, раскручивались в моей голове. И снова я переживал эти три дня, и снова кипели страсти и с треском хрустели пальцы кулаков.

Я вложил в этот чемпионат всего себя. И на Олимпиаду должен был ехать полупустой...

Когда мы прилетели в Инцель, то нас, усталых, пригласили участвовать в международных соревнованиях — стартовали все звезды спринта: Келлер, Судзуки...

Всегда я рассуждал так: если когда-нибудь побьют мой рекорд, пусть это случится на моих глазах, пусть я тоже ринусь в бой — смогу или не смогу. Если не смогу, значит, поражение!

Сбылось худшее: Келлер на моих глазах безжалостно расправился с мировым рекордом, показав 39,2 секунды.

А советские спринтеры, в том числе и я, не смогли постоять за рекорд. Нас можно было понять: десять дней проболтались в дороге...

После Инцеля мы тренировались на льду высокогорного катка в Давосе. По приезде в этот городок я почувствовал боль в горле. Ангина. Слабость. Температура. Только ее не хватало в последние перед Олимпиадой дни! Несмотря на такое состояние, я намерен был выступить в первых же соревнованиях, но Цыбин, тренер сборной страны, настоял:

— Отдохни! Бежать в таком состоянии — безумие!

— Но мне надо выиграть этот старт, чтобы проверить себя!

— Ты что, первый год бегаешь на коньках?

Меня оставили просто зрителем. Келлер снова показал блестящий результат — 39,4. Почти все спринтеры мира выбежали в тот день из 40 секунд. Такое массовое наступление могло психологически подействовать на любого спринтера.

В Давосе свершилось невероятное: юный канадский бегун, который только один месяц, всего тридцать дней, назад впервые надел беговые коньки, вот этот канадец тоже выбежал из 40 секунд! Вот какое настало время! Десятки лет быстрее из быстрых стояли у этого рубежа, не в силах перешагнуть... А здесь за полчаса

перекроили таблицы всех национальных, континентальных и личных достижений!

Когда впервые я вышел на старт после болезни, то уже имел в своем активе 39,7. Для моего состояния нормально. Правда, Келлер смог мгновение выиграть у меня, но это уже не смущало. Я понял: еще есть резервы. Я подойду через несколько дней к пику формы. А вот Келлер выглядел утомленным — трудно сохранять скорость в течение двух месяцев!

Душевное состояние наших спринтеров медленно входило в свои рамки. Мы перестали бояться соперников и не считали секунды фантастическими. Все складывалось нормально.

Последний забег в Давосе я провел очень удачно. По мягкому льду, при температуре плюс 12, я остановил стрелки секундомера на отметке 39,8. Прекрасно. Через три-четыре дня я снова стану самим собой...

Интересно отметить, что в тот день я выиграл у норвежца Магне Томассена полсекунды. Норвежцы, выступив в Давосе, сразу же спустились с гор — поехали осваивать искусственный лед Гренобля. А нас оставили. Согласно научным данным об акклиматизации и реакклиматизации, мы делали правильно, что сидели в Давосе, когда весь конькобежный мир спустился на равнину. Мы должны были перед стартом получить значительное преимущество.

Так должно было случиться.

Произошло же все наоборот.

Дней за десять до Олимпиады, в Давосе, ко мне подошел чемпион нашей страны Валерий Муратов. Этот молодой человек имел прекрасные физические данные, но еще недостаточно освоил арсенал конькобежной техники. Тренер внушил Валерию мысль, что в сборной СССР есть только один спринтер — именно Муратов, а все остальные — бездарности. А потому и относиться к ним надо соответственно.

Ко мне Валерий относился по-разному. Когда оставались один на один, подчеркивал глубокое уважение. На людях же Муратов делался надменным.

Но вот за десять дней до Олимпиады Валерий попросил:

— Что мне делать на повороте? Помогите!

— Помочь — помогу, — сказал я, — но уже поздно. Успеем ли? — Мы выехали в круг, и я долго объяснял Валерию искусство бега по повороту.

Валерий был вынужден обратиться ко мне: он два раза упал на соревнованиях и оба раза на одном месте — когда делал второй шаг на повороте. Теперь он не мог бежать быстро — или сбавлял скорость, или падал.

Тренер же его, сам еще молодой человек, не знал, в чем дело.

Мы много занимались с Валерием, но, когда расстались, я подумал, что наш лучший спринтер не подошел к Олимпиаде во всеоружии. Я так и сказал:

— Он или упадет в Гренобле, или будет бежать слабо...

Что случилось в Гренобле, вы знаете... Бóльшего разгрома советские скороходы не знали за всю историю. Лишь одна Людмила Титова может гордиться собой — золотая и серебряная медали достойно венчали ее усилия. Она стала заслуженным мастером спорта. И в тот же день, когда она выиграла Олимпиаду, Люда заявила, что главная ее цель в этом году — защитить диплом в авиационном институте... Умница! Прекрасно! Цельный и прямой человек. И очень-очень обаятельный, чуткий к людям, доверчивый и тактичный.

Итак, только две медали Людмилы Титовой... И все. А из мужчин лишь мне, старику, удалось принести команде три зачетных очка за четвертое место. Одной десятой секунды не хватило до серебряной медали.

В день старта над Греноблем неожиданно появилось солнце. Его ждали, по нему истосковались.

Соревнования сложились драматически. В третьей паре Магне Томассен, известный многоборец и средний спринтер, спортсмен, имевший в 1970 году второй в мире результат в многоборье и личный рекорд на 10 тысяч метров, равный 15.33,0, мировой рекордсмен на полуторке, которого никто, никогда и ни при каких обстоятельствах не считал фаворитом в спринте, показал 40,5 секунды. Средний результат для спринта. Так тогда расценили все. И ошиблись.

Я бежал после Томассена. Вышел к линии. Бежал хорошо. Это был мой лучший по технике бег на всех олимпиадах. Но улучшить результат Томассена не удалось — лишь 40,6. Я сделал все, что мог. Мне нечего было добавить...

Мое время до последнего забега оставалось третьим. Следовательно, я мог надеяться на бронзовую медаль — ее-то как раз и недоставало в моей олимпийской коллекции. Друзья подшучивали:

— Будет полный комплект.

А я ходил мрачный:

— Но ведь бежит Макдермотт! Олимпийский чемпион!

— Чемпион? Он — самый слабый из американцев. Он еле попал в команду, и то лишь за старые заслуги...

Когда американец начал бег, я понял: никакой медали не смогу подарить Родине. Никакой! Ричард Макдермотт бежал стоя. От начала и до конца. В сумасшедшем, колоссальнейшем темпе. Он бежал так, как практически немыслимо бежать конькобежцу. Невероятный бег. Человека не должно было хватить на 500 метров. Но его хватило! И он «отмолотил» 500 метров словно 150.

Если бы Макдермотт стартовал в первых парах, он, без всякого сомнения, стал бы олимпийским чемпионом во второй раз. Во время его бега каток был залит лужами...

Два раза Макдермотт вставал на моем пути. В Инсбруке он отобрал золотую медаль. В Гренобле — бронзовую. Это из-за него я пробегал четыре лишних года. И снова...

Мне очень хотелось рассчитаться. Но американец совершил невозможное. Серебряная медаль его! А бронза? Никому... Келлер стал олимпийским чемпионом. Макдермотт и Томассен получили серебряные медали. Я показал третий результат...

Меня и Келлера пригласили на студию телевидения. На вопрос журналистов, почему он выиграл, Келлер ответил:

— Я выиграл потому, что слишком поздно приехали в Гренобль русские. В своем последнем старте в Давосе Гришин уже сравнялся со мной. Но я успел приспособиться к искусственной дорожке, а они встали на нее лишь за один день. Подвели их переезды...

Никогда я не переживал такого чувства стыда за то, что всю жизнь посвятил конькам. Было стыдно перед хоккеистами, перед фигуристами, перед прыгунами с трамплина. Было стыдно смотреть в глаза советским туристам, жене. Было стыдно читать газеты. «Такой позор!» — говорил я себе. И хотя все поздравляли меня, я был в невменяемом состоянии. Приходил в олимпийскую деревню тихо, незаметно, стараясь никому не попадаться на глаза. Как вор. Как человек, обманувший кого-то. Чьи-то надежды, чьи-то ожидания.

«Добегались! — казнил я себя. — Все, больше никогда не выйду на лед и не притронусь к конькам. И даже не стану никого тренировать. Хватит! Добегались!»

Перед закрытием Олимпиады ко мне подошел руководитель норвежской делегации. Он сказал:

— В Норвегии вы самый известный скороход. Мы слышали, что вы оставляете спорт. Просим вас приехать в Осло и последний старт принять на «Бишлете». Устроим вам торжественные проводы. Как нацио-

нального героя будем чувствовать! Ведь коньки мы считаем национальным видом спорта. Приезжайте на «Бишлет».

Я поблагодарил и пообещал проконсультироваться о возможности поездки в Норвегию со своим начальством.

Руководители пожурили меня:

— Зачем в Норвегию? У нас есть прекрасный город — Свердловск! Там мы вас и проводим. В Свердловске любят коньки. В Москве уже не любят... Вот в марте будет матч с норвежцами, надо бы выступить нашему лучшему спринтеру, хотелось бы видеть последний победный старт Гришина на родной земле... Зачем Норвегия?

Пришлось мне отступить от своего слова и начать готовиться к самому последнему старту в жизни, к самой последней прямой...

В те дни Лева Григорьев часто приходил к нам домой. Разговоры все время шли о коньках. Мама моя обычно не вмешивалась в наши дискуссии. Но иногда она не выдерживала:

— У вас не найдется других тем, кроме спорта? Неужели не набегались?

— Все! — говорим мы в один голос, но, как только мама выходила из комнаты, снова начинали жалеть об ушедшем сезоне...

Итак, я начал готовиться к последней в своей жизни пятисотке. Тренировался ожесточенно. Подогревал себя: «Вместо того чтобы заниматься серьезным делом, ты до 37 лет бегал на коньках... Но ведь это дело мальчишек — спорт! Их подогревает тщеславие, а чего не хватало тебе? Говорили же мудрые люди: «Уйди в славе, непобежденным! Будешь жалеть...» А ты не слушался — «Я еще побегаю!»

Вот и добегался...

4

ГЛАВА ВСЕГО СЕБЯ ОТДАТЬ ПОБЕДЕ

или четыре узелка на память. Житейские и спортивные советы. К нехитрым этим мудростям я пришел за четверть века гонок по скользкому льду

Узелок первый

Когда при мне произносят фразу: «У него еще все впереди», я выхожу из себя.

Что впереди? Это же глупость! Надо бороться на полную мощность сейчас, не взвешивая свои возможности, не прикидывая вариантов. Бороться и побеждать сейчас, иначе ничего не получится!

Каждый свой бой, каждую встречу атлет должен считать решающей. Выходить на старт и думать: а вдруг это — последний? Что я оставлю после себя? Как долго меня будут вспоминать люди? И сколько лет продержится мой рекорд?

Задавая себе все эти вопросы, атлет познает огромное чувство ответственности перед страной. Все эти вопросы, сгрудившись в голове, взбудоражат спортсмена, и он сам не поймет, откуда взялись у него исполинские силы.

Никогда не прощу себе одного. На первенстве страны 1956 года после трех дистанций я шел на первом месте. Запас перед марафоном исчислялся в десятки секунд. А вторым был Гончаренко. В тот год Олег выиграл первенство мира, а я взял у него реванш на чемпионате Европы. Оба вернулись в Москву с лавровыми венками. А потом нам предстояло встретиться на первенстве страны.

Итак, три дистанции позади, запас в десятки секунд. Много это или мало? Конечно, я мог выдержать график, и тогда-то впервые мне вручили бы большую золотую медаль абсолютного чемпиона страны. Это очень почетное звание, но...

Меня испугало: а если не выдержу и на следующий год не смогу бежать в полную силу? А прошедшая зима была счастливой: несколько мировых рекордов, две золотые медали на Олимпиаде, лавровый венок чемпиона Европы, бронзовая медаль на первенство мира! Даже если с сегодняшнего дня я прекращу заниматься спортом, меня все равно будут вспоминать. Но я должен учитывать, что это не последний старт — впереди еще столько побед! И стоило мне об этом подумать, как что-то оборвалось внутри и пропало желание бороться. Подхожу к тренеру:

— Как думаете, удержу?

— Можешь?

— Наверное, не вытерплю... Спину начнет ломить с пятого круга. Олег велик... Стоит ли?

— Как знаешь!

И тогда я предложил тренеру:

— Если на первой половине проиграю Олеся 10 секунд, скажите мне — докачусь как-нибудь. А?

— Тебе виднее! — согласился Кудрявцев.

Наверное, надо было разубедить меня, сыграть на самолюбии, напомнить о характере, но Кудрявцев не стал настаивать.

После пяти километров я проигрывал Гончаренко 11 секунд, значит, на оставшихся пяти километрах я мог уступить 16,9 секунды... И тогда бы стал абсолютным чемпионом страны. Но я не был настроен на борьбу. Кудрявцев, посмотрев на график, крикнул вдогонку:

— Проигрываешь!

И я перестал бороться.

А Владимир Архипович Прошин кричал с биржи:

— Не имеешь права бросать!

И я, жизнь которого в спорте во многом связана с советами Архипыча, не послушался. Пойти по пути отступления легче...

А итог?

Не только проиграл Гончаренко, но у меня не хватило запаса остаться на втором месте — лишь бронзовая медаль!

Больше у меня ни разу не было возможности выиграть звание абсолютного чемпиона страны.

Итак, было решено раз и навсегда не говорить себе: «У меня все впереди, не сегодня выиграю — так завтра!» Но уже через несколько месяцев, когда после трех дистанций я имел преимущество перед Олегом Гончаренко в 60 секунд, тренеры предложили:

— Зачем тебе бежать десятку? Сбереги себя перед Европой. А на первенстве в Осло покажешь себя!

— Ну что ж, — согласился я.

Согласился, а после жалел: ведь если я всерьез намерен был бороться за второй лавровый венок, то нужно было не пожалеть себя на предварительном соревновании, чтобы с полной выкладкой выступить на главном.

Но задним умом силен каждый! А тогда я снялся с десятки. И на первенство Европы приехал фактически необстрелянным в многоборье. И что же? На пятисотке занимаю традиционное первое место. Пять кило-

118 метров пробегаю плохо: сказалась акклиматизация. После первого дня занимаю восьмое место и фактически не имею никаких шансов на успех. Но на следующее утро отошел, голова уже не болела, ноги слушались, ход пришел. Выиграл полуторку. Передвинулся на седьмое место. И здесь выяснилось, что я вплотную подошел к призерам — какие-то сотые доли очков разделяли нас. Решала десятка. Обычно после этой дистанции я безбожно проигрывал и неизменно уступал свое положение лидера после трех дистанций. Не исключено, что сказывалось и бремя лидерства. Так или иначе, лишь один раз мне удалось удержать преимущество, и наградой был лавровый венок.

Перед выходом на дорожку Кудрявцев сказал мне:

— Ты не знаешь своих сил... Ломаться не стоит. Ты выступил хорошо — обеспечил две медали команде. Молодец! А здесь поберегись и выступишь на чемпионате мира в полную силу!

Послушался. Согласился.

Десятку бежал так легко, как ни разу в жизни. Мог прибавлять и прибавлять. Мог, но не прибавил. «Вот на мире я уже покажу всем!» — с этой мыслью докатился до финишного створа. Табло секундомера выкинуло такие секунды, что в первый раз в жизни после десятки я передвинулся на два места вперед. В итоге оказался пятым. А мог выступить лучше, но помешало пресловутое «у тебя впереди...».

На чемпионате мира в шведском городе Эстерсунде выступал больным — выиграл пятисотку, и все...

Так я окончательно убедился, что запретной мыслью для спортсмена должна быть «у меня еще все впереди».

Узелок второй

Спортсмен не имеет права говорить: «Я попал в один забег с каким-то имяреком... Он мне не конкурент!»

Всегда, стоило услышать нечто подобное, мы насто-

раживались и ждали проигрыша фаворита. В 1950 году на первенстве страны по велосипеду в Туле я выступал успешно. Был еще мальчишкой — 19 лет. Любой заезд выигрывал уверенно.

Однажды напарником в заезде был многократный чемпион страны, заслуженный мастер спорта Вениамин Леонтьевич Батаен. К тому времени ему было далеко за сорок. По всем предварительным прогнозам мои шансы выглядели предпочтительнее: я вел борьбу лихо, надомной ничто не висело, ничто не тяготило меня. А Батаену проигрывать было нельзя — и так уже руководство поговаривало о его «пенсии»!

Кто-то подзывает меня перед стартом и спрашивает:

— Хочешь выиграть у Батаена?

— А как же?

— Тогда подойди к нему и скажи: «Вениамин Леонтьевич, сейчас вас обыграю!» Он вспылит, и весь его пыл уйдет в песок, а на треке мы увидим старую развалину. Он не переносит, когда ему грозят.

Все рассмеялись. Я же, мальчишка совсем, решил хоть такой ценой добиться победы. Подхожу к нему. Он возится с велосипедом. Наклоняюсь, смотрю за ним. Уже и забыл, зачем пришел. Для меня Батаен — это целая эпоха, 26-кратный чемпион страны, смотреть на него — праздник.

Вдруг Вениамин Леонтьевич спрашивает:

— Как дела?

— Нормально, — отвечаю, и неожиданно с языка срывается: — Сейчас вас обыграю. И не хотел бы, а придется!

Он ничего не ответил. Только вздохнул. Не от обиды — от стыда за меня. Он думал уходить и передать эстафету надежным бойцам, а вместо этого увидел перед собой пижончика, дешевого и пустого.

— Ну как? Сказал? — спросили меня старые туляки.

— Конечно, — храбро ответил я. — Батаен для меня не конкурент! Как ни крути, а Тула!

Заезд был острым и красивым. Сошлись молодость и опыт. Батаен на несколько сантиметров опередил меня.

Позднее я понял, что в том заезде Батаен боролся со мной за меня. Он хотел пристыдить меня, напомнить о скромности, но сделать это он мог только добившись победы! И он ее добился. Во имя меня!

После первенства Советского Союза 1951 года по велосипедному спорту, когда я завоевал серебряную медаль, уступив Игорю Ипполитову один сантиметр, я почувствовал в себе такую внутреннюю силу, что готов был выиграть у любого спринтера на треке. Того же Игоря Ипполитова я обыгрывал несколько раз. Словом, в нашей стране у меня не стало конкурентов. И я это понимал. А то, что я это понимал, привело к мысли о своей исключительности, непобедимости. Теперь-то уж я разрешил себе фразу «он для меня не конкурент... Я встречаюсь с таким-то...».

Как-то пришлось выступить на международных соревнованиях. Нас нарядили в красивую новую одежду. И лишь одному товарищу, который еле-еле попал в сборную, формы не дали. Он возмутился:

— Вот завтра выйду на парад с дырками. Пусть им будет стыдно...

Такая речь возмутила меня. Какой-то пацан, обиженный тем, что ему не дали новую форму, хочет опозорить нашу страну! А сам-то и формы не заслужил... Но все эти мысли пронеслись в голове. А сказал я другое. Грубое и несправедливое. Несправедливое, а потому и обидное:

— А чего ты орешь? Ты еще не велосипедист. И правильно сделали, что не дали!

— А ты — велосипедист? — Он скорчил гримасу.

— Если меня разбудят даже ночью и прикажут сразиться с тобой на треке, я встану и обыграю тебя.

Мог ли я знать, что жребий сведет меня в тот же вечер в один заезд с ним!

Весь заезд я лидировал. А «обиженный товарищ» сидел сзади. Перед самым финишем он стрельнул с моего колеса... и был первым.

Так еще раз я убедился, что недооценивать соперника в спорте нельзя.

Вспоминаю, как в 1953 году знаменитого Олега Гончаренко поставили в пару с Борисом Цыбиным — никому не известным спортсменом, о котором только и знали, что он великий труженик и великий неудачник.

Борис Цыбин семь лет бегал по третьему разряду. Его выпроваживали из многих секций. Он не обижался — поступал в другие и все же стал мастером спорта, а позднее был чемпионом страны. И не один раз. Несколько раз Борис бил всесоюзный рекорд, занимал третье место в мире в многоборье. Но все это случилось потом. После незабываемого забега.

Олег Гончаренко вошел в раздевалку, и его спросили:

— С кем бежишь?

— Та с каким-то Цыбиным! — последовал ответ.

...Гончаренко помчался вперед, как подобает чемпиону мира и одному из лучших стайеров на земле. Круг — Олег впереди, второй — Олег, кажется, недосыгаем, третий — Олег уверенно оторвался от своего неторопливого напарника. Четвертый круг — темп очень хороший, и для новичка Цыбина прекрасно уже то, что он выдерживает его. Круг пятый — Цыбин подкрадывается к чемпиону мира. Круг шестой — они бегут рядом. Круг седьмой — борьба идет конек в конек. Последние 200 метров — Цыбин выходит вперед и выигрывает.

Вот вам и «та какой-то Цыбин»!

В середине 50-х годов к нам приехал ветеран норвежской сборной, чемпион мира 1948 года Одд Лундберг. Это был тот Лундберг, который победил советских конькобежцев десять лет пазад...

В забег на пять километров он попал в пару с Меркуловым. Роберта спросили:

— Доволен партнером?

— Тоже мне, конкурента нашли! — улыбнулся Меркулов.

И вот забег. Ветеран норвежской сборной так искусно построил бег, что «уполоскал» Меркулова уже к середине дистанции. Роберт еле держался на ногах и на финише даже упал...

Кажется, опыт с Меркуловым должен был научить наших скороходов уважать седины ветеранов. Но ровно через год в Москве один из молодых московских спринтеров, узнав, что бежит в паре с Лундбергом, заявил:

— С каким-то дедом поставили — юмористы!

Хорошо, что Лундберг не слышал этих слов — он бы весело посмеялся над незадачливым хвастуном, который видел на дистанции только спину ветерана. Опять недооценка противника подвела фаворита!

Вслед за этим юный Косичкин, полный самых лучших побуждений, пообещал:

— Завтра этого деда я привезу на целый круг!

Каково же было удивление всех присутствующих, когда Одд Лундберг, который был сильнейшим многоборцом Норвегии еще в те годы, когда Косичкин и не родился, в упорной, тягучей борьбе опередил будущего олимпийского чемпиона.

Снова восторжествовала мудрость, гласящая об уважении к сопернику.

Узелок третий

Как-то я полмесяца путешествовал по Норвегии — читал лекции. Поездка была организована обществом «СССР — Норвегия». Мои выступления состояли из трех частей — соревнования на льду, показательный бег и лекция в ее чистом виде.

Впечатления от поездки по Норвегии можно выразить так: в этой стране все влюблены в коньки.

Не случайно именно здесь впервые в мире начали проводиться чемпионаты страны для школьников. Представляете, как звучит: «Эрик Веа — чемпион Норвегии среди ребят в возрасте 8 лет» (9 лет, 10 и так до юниорского возраста).

Любопытно, что за выполнение специальных нормативов дети начиная с 8 лет получают специальные грамоты и дипломы. Для состязаний детей бесплатно предоставляются катки. Интересна программа этих соревнований. Для школьников 8—9 лет изобрели бег зигзагами на 60 метров: нужно объезжать столбики, поставленные на льду; можно стартовать на 50 метров с одним поворотом, можно попробовать свои силы на 2000 метров; для ребят 10—11 лет соответственно изменяются дистанции и нормативы. При выполнении определенных требований дети получают памятные значки.

Вхожу в класс школы одного небольшого городка. Ребятам по 10 лет. Учитель просит тех, кто занимается коньками, поднять руку. Все поднимают руки. Учитель просит назвать лучшие результаты Гришина. Тянутся руки, ответы точны. И когда учитель спрашивает, кто согласен столь же много тренироваться, чтобы бегать так же быстро, как Гришин, руки поднимают все.

А взрослые? Я много выступал перед ними, рассказывая о наших конькобежных делах. И у меня создалось впечатление, что каждый норвежец вполне может быть квалифицированным тренером — настолько глубоко они знают и понимают коньки.

Очень запомнилась мне «конькобежная карусель». Это непрерывная цепь ежедневных состязаний, в которых стартуют почти все норвежские и многие зарубежные звезды. Проводится «карусель» в конце сезона, после всех главных стартов года. Энергичная реклама, идеальные погодные и соревновательные условия, силь-

ный состав участников — все это принесло «карусели» необычную популярность, а спортсменам — выдающиеся результаты.

Но я хочу сделать акцент на другом факте: параллельно со взрослой во многих городах Норвегии проводились молодежные «карусели». Сотни юных конькобежцев и скороходов второго эшелона копировали программу своих кумиров, стартовали почти ежедневно. Я видел этих «малышей», как их там называют. Ростом под 190 сантиметров. У них есть отличный стимул: на следующий год лучшие получают право стартовать в «карусели № 1». И подумалось: нет ничего удивительного в том, что здесь раскрылся талант Му, Грёнволла, Стенсена, Веа, Стурхоата...

В стране скал и фьордов издается книг и статей о коньках столько, сколько, наверное, не издается во всех странах, культивирующих коньки. И, должно быть, не случайно, стремясь к лавровым венкам чемпионов, голландцы Феркерк и Схенк в свое время в совершенстве изучили норвежский язык.

Такова эта страна, где на коньках бегают все. Даже кронпринц. Почти в каждом поселке можно проводить соревнования. А поселков в Норвегии много. Как правило, они — продолжение удобных причалов среди камня и воды. И в каждом поселке — прекрасно подготовленный лед, море электричества, трамплин для прыжков и освещенная лыжная трасса (хотя последние два сооружения не из области конькобежной, но они дополняют антураж). В воскресный день города и поселки пусты. Жители резвятся на просторе: мчатся по льду, вспахивают на лыжах снежную целину, скатываются с гор.

Узелок четвертый

«Здравствуйте, всеми уважаемый Евгений Романович Гришин. Пишет Вам мать двух сынов из Новосибирска, двух мальчиков, заболевших коньками. Вначале я не придавала их увле-

чению серьезного значения, но сейчас они вскружили мне голову коньками, и я вынуждена разыскивать Вас. Хочу посоветоваться и рассказать, что меня тревожит. Ребята увлекаются коньками. Хорошо — слов нет! Но беда, что учеба у них стала на десятом плане, ибо после коньков на втором месте снова коньки, на третьем — опять коньки... Я воспитываю сынов одна, уже — пенсионерка. Коньками ребята занимаются по четвертому году. И что характерно — до увлечения спортом они обходились без троек, а теперь случаются у них любые оценки. Алешка, старший, ему 18 лет, учится на первом курсе Института народного хозяйства. Саша увлекся коньками в 5-м классе.

Сыновья много ездят зимой по городам, обязательно привозят грамоты. Всему этому нельзя не радоваться. Да и как не гордиться ребятами, если они отличаются от многих сверстников высоким ростом, крепким сложением! Поведение у обоих отличное, но, увы... Все внимание лишь конькам. То и дело протирают и проверяют лезвия, укладывают свои трико и свитера, аккуратно заполняют дневники тренировок, ведут их каждый день. Столько в их записях любви и преданности спорту! А вот где их школьные дневники или зачетные книжки, они не сразу ответят.

Сашенька, младший, умудрился свои коньки класть на чисто прибранную кровать. Сделала ему замечание, а он в ответ: «Они у меня этого заслуживают». Попробовала сказать: «Оставь коньки, учись лучше», а он говорит: «Легче речку вспять повернуть». Поняла я: увлечены оба коньками серьезно. А виной всему ваша, Евгений Романович, книга «500 метров». Читают они ее в захлеб, по несколько раз и другим ребятам дают читать. Уже три года у них книга, а они все ее обсуждают, прорабатывают. Однажды в два часа ночи просыпаюсь — вижу: младший сидит и делает уроки. Подхожу к нему. Лежит «Физика», а под ней «500 метров», — оказывается, он снова ее перечитывает.

Терпение мое лопнуло, решила сама прочесть книгу. Прочитала, и мне все стало ясно. Сыны мне говорят: «Не горюй, мама, Гришина тоже из школы выгоняли, а он в жизни не потерялся, чемпионом стал». Такими же и они быть собираются.

Убедительная у меня к Вам просьба, Евгений Романович. Выберите время — наставьте ребят на путь истинный. Им трудно понять сердце матери, они думают, что нельзя совмещать спорт и учебу. Маленькие еще, глупыши... Вы для них — авторитет, по-видимому, им еще нравится и ваш крутой, настойчивый характер. Они вас видели в Медео, говорят просто оробели, когда встретили где-то за обедом...

Обращаюсь к Вам и уверена: Ваши советы воодушевят ребят. У них, правда, очень хороший тренер в «Спартаке» — Николай Иванович Большаков, большой души человек, он мне помог — отвлек ребят от улицы. Но, очевидно, его влияние на них не столь всеобъемлюще, как Ваше.

Не оставьте без внимания просьбу матери.

Л. Вахова».

Письмо это долго искало меня, а когда я прочитал материнский призыв, решил ответить через газету «Советский спорт»:

«Уважаемая Лидия Иосифовна! Извините, что отвечаю поздно — был в разъездах. Письмо Ваше взволновало меня, я еще раз убедился, что чемпион отвечает за каждое слово, пусть даже невзначай брошенное слово. Ваш рассказ об учебе сыновей подсказал мне мысль, что чемпион отвечает и за свое молчание.

Если бы Вы знали, как я ругаю себя, что в книге бросил мимоходом: «Я принадлежал себе. Себе и улице. Среди мальчишек выделялся не просто физической силой, но какой-то властью, врожденной решимостью и отчаянностью. Меня из-за всех этих качеств даже выгнали из школы». Фраза эта мало что добавляла к автохарактеристике, но, оказывается, кое-кем, не только Вашими Алешей и Сашей, она была воспринята как руководство к действию, как оправдание своих неудач в школе: «Гришина тоже из школы выгоняли».

Ребята читают мою книгу выборочно: то, что им выгодно, запоминают, цитируют. А если внимательно прочитать, то уже следующее предложение мое — суровое обвинение: «Все это случилось так неожиданно, что мама — тридцатилетняя красивая женщина — поседела за одну ночь».

Лидия Иосифовна, я всю жизнь чувствовал свою вину перед мамой, и до сих пор, когда я смотрю на ее седые волосы, мне становится не по себе. Мама, как и Вы, воспитывала нас с братом без отца, чуть ли не круглые сутки она работала. И ей некогда было углядеть за мо-

ей учебой. А я почему-то считал, что с моими способностями в спорте можно прожить и без образования.

Но попав в сборную страны, понял другое: учиться необходимо. Меня окружали люди интересные и образованные: заслуженный мастер спорта Зоя Сергеевна Миронова — профессор, доктор медицинских наук; мой товарищ Юрий Сахаров, абсолютный чемпион страны 1952 года, кандидат медицинских наук; много мне дали и Борис Цыбин — прекрасный художник, и мой тренер Константин Константинович Кудрявцев, который открыл для меня искусство, музыку...

Если честно говорить, то фраза насчет того, что меня выгнали из школы, не совсем точная. Меня поругали, а я вспыхнул и ушел из школы. Но я ведь сразу же поступил на учебу при заводе — мечтал стать гравером по железу. И ведь стал им, ребята.

В институт мне пришлось поступить очень поздно — почти в 30 лет. Я уже был четырехкратным чемпионом олимпийских игр, и мне было стыдно на встречах с юными спортсменами отвечать на вопросы об образовании, о возможности совмещать спорт и учебу. Я чувствовал, что учиться необходимо, но боялся, а вдруг не получится? Мне стыдно было сдавать экзамены на тройки... Поначалу мне помогала жена. Мы занимались почти по 18 часов в сутки. Потом вошел во вкус. В 35 лет защитил диплом в институте физической культуры.

Теперь, работая тренером, я с благодарностью вспоминаю занятия в вузе — ведь без основательного знания анатомии, биомеханики, физиологии, психологии, философии сегодня невозможно быть хорошим тренером! Прошло то время, когда почти любой чемпион становился педагогом. И это, к счастью, понимают почти все ребята в сборной. Чемпион мира Валерий Муратов закончил педагогический институт и сейчас внимательно следит за успехами в институте своего младшего брата, победителя чемпионата мира среди юниоров в спринте.

Не знаю, получилось ли у меня объяснение по поводу двух неудачных строк в книге, которые смутили покой двух конькобежцев из Новосибирска, но в заключение мне хочется привести два примера: лауреат Нобелевской премии по биохимии 1945 года американец Б. Чейнс на Олимпиаде 1952 года стал чемпионом. Вот блестящий пример умения человека «расщепляться». А вспомните академика А. Летавета, ставшего заслуженным мастером спорта по альпинизму, а ваш нынешний земляк академик А. Александров — тоже мастер спорта. Я бы мог привести десятки примеров из жизни замечательных ученых и прославленных спортсменов, которые искали и нашли «золотую середину» — не отстали от века в культурном развитии и в то же время вписали свои имена в летопись спорта».

Вот этого умения «расщепляться» и не приносить одно дело в жертву другому я бы и хотел пожелать всем своим читателям. И еще желаю мужества, ибо путь наш труден и без мужества никак не обойтись.

или рассказ о том, почему Юрий Сергеев не стал олимпийским чемпионом, а Олег Гончаренко и Виктор Косичкин не установили ни одного рекорда мира

В октябре 1971 года я вышел на лед искусственного катка в Свердловске... Стоял возле петли льда, глядя, как Валерий Муратов отрабатывает поворот. ...Иногда я подзывал чемпиона страны, что-то ему показывал. Но показывал «всухую» — без коньков, их у меня просто не осталось: одну пару подарил Муратову, надеясь, что он станет моим наследником, вторую — вручил пионерам, причем дети вспомнили, что я работал гравером, и попросили расписаться на металле, третьи коньки служили одно время Юрию Малыхину, в них он стал рекордсменом страны... Так что я стоял в кроссовках на кромке льда. Готовились к Олимпиаде. Участник четырех олимпиад, я должен был дебютировать в Саппоро в роли старшего тренера сборной страны по спринту. О чем я думал?

Переживал за Валерия так, словно сам готовился к олимпийским играм, к своим

первым, к тем, что были на льдине озера Мизурина. Вспоминал своих грозных соперников: Юрия Сергеева, в те годы мирового рекордсмена, Рафаила Грача, — очень опасного спринтера, Альфа Естванга, надежду Норвегии, американцев...

Юрий Сергеев

Он еще при жизни стал образцом для подражания, своеобразным «ходячим памятником».

В разное время я писал о Сергееве, человеке, который первым из советских конькобежцев установил официальный мировой рекорд — 41,7. Для 1952 года это был результат экстра-класса. А для наших дней? Вспомните март 1975 года. Жаркий месяц в горах Заалийского Алатау. На Медео горьковчанка Татьяна Аверина пробежала 500 метров за 41,03.

— Так не бегал даже сам Сергеев! — прокомментировал мировой рекорд волжанин Геннадий Пискунов.

Услышав комментарий Петровича, я вздрогнул: вот Юрка и дожил до дня, когда женщины бегут вровень с ним! Неужели и я, дряхлый старичок, когда-нибудь услышу: «Анастасия такая-то промчалась за 39,5»? Невероятно!

А Сергеев дожил до такого дня... О Юрии я думаю всегда, когда размышляю о пути своего ученика Валерия Муратова. Что-то есть общее в их судьбе.

Впервые я увидел Юрия в декабре 1946 года — к нам в Тулу приехала молодежь из сборной страны во главе с Григорием Васильевичем Кушиным. Среди тех, кто вышел на лед тульского катка, были Юрий Сергеев и Николай Мамонов. Юра бежал в элегантном трико цвета электрик. Бежал он поразительно. Уже тогда четко проходил повороты.

С того самого декабрьского дня я понял: если хочу научиться бегать быстро, должен брать пример с Сер-

геева. Нет, не копировать, а творчески переосмысливать. И проходили годы. Я уже стал быстрее Юрия, научился лучше его брать старт. Да и молодость была на моей стороне! Но победить Сергеева не удавалось... Не умел тогда понимать спринт, не знал, что надо бегать трезво и разумно, что надо думать не после забега, а непосредственно во время него. После тренировки обычно забрасывал коньки и клялся себе, что вообще оставлю их. Работа «под Сергеева» не получалась. Меня удивляло, что я не расту и, будучи сильным, остаюсь вечно вторым. Возмущало, как после соревнований невозмутимый Юрий Сергеев аккуратно протирал коньки и складывал их в сумку, бесили его спокойствие, уверенный вид. Стоило только увидеть Сергеева, как я терял присутствие духа, как бесконечные вопросы закрадывались в голову: «Неужели я не вырасту? Почему Сергеев непобедим? Он — стабилен. Ему даже не надо особенно тренироваться, чтобы выигрывать! Он устанавливает рекорды от соревнования к соревнованию... Он просто гений в спринте».

«Наверное, его тренер — Аниканов знает какой-то секрет, — мелькнуло как-то в голове. — Перейду-ка я к Ивану Яковлевичу — научусь и Сергеева побеждать».

Пришел я домой к Аникановым. Разговор получился длинный, толковый, мужской. Иван Яковлевич долго рассказывал мне о тренерских исканиях... моего Кудрявцева:

— Костя сам недавно коньки бросил — тебе ли не знать этого! Сколько раз встречались в одной паре? Он еще душой со спортсменами, а воспитателем он будет прекрасным — вот увидишь... Нужно набраться терпения и ждать.

Но не терпелось: «Зачем откладывать, если я хочу побеждать сейчас? Зачем ждать, пока Кудрявцев вырастет в отличного тренера?»

Так и сказал Аниканову:

— Мечтаю перейти в вашу группу.

Иван Яковлевич долго молчал, а потом произнес такое, что мне стало не по себе:

— А сможешь выдержать конкуренцию в одной группе с Сергеевым?

— Я об этом не думал.

— А подумай.

— Нечего думать — все уже решено! Иду к вам.

— А как же Сергеев?

— Что Сергеев?

— Сергеев не сможет с тобой в одной группе — не выдержит.

— Что такое? Сергеев сломается? Он же ведь так уверен в себе! Он не может сломаться!

— Ты его мало знаешь. Нет, Юра не выдержит твоего присутствия.

На этом наш разговор и закончился. Аниканов ничего не обещал, но и не отказывал наотрез.

А его слова о растерянности Сергеева не давали спокойно жить. Значит, и у Юры бывают сомнения? Значит, и у него есть слабости? У него — у машины, у бойца? Я не знаю более четкого бега, чем сергеевский. Он никогда не падал в соревнованиях. За всю жизнь я помню только два раза, когда он сбивался. Да и этих сбоев почти никто не заметил. Только я, напряженно и ревностно следивший за каждым его шагом, уловил их. Сергеев был потрясающе собран в беге. У него хватало силы выдержать темп до финиша. Обычно все конькобежцы перед финишем бегут коряво, привстают. Пропадает привычная четкость и слаженность. А Сергеев никогда не показывал своей усталости. Трудно было уловить, когда он с бега по прямой переходит на поворот. Такая же точность. А ведь бег по повороту совершенно другая работа!

Наблюдая за Сергеевым, я сравнивал его с другим выдающимся спринтером — Константином Кудрявце-

вым, нашим предшественником. Кудрявцев бежал раз-
машистым, длинным, но очень мощным шагом. А Сер-
геев, повторяю, покорял всех четкой, чистой и собран-
ной работой. У меня всю жизнь было два идеала в
спринте — Кудрявцев и Сергеев. Или точнее — Серге-
ев и Кудрявцев. Я старался им подражать. И, навер-
ное, до последнего дня не научился бы бегать, если бы
не понял, что нельзя только копировать: любая сверх-
точная копия никогда не сравнится с сочностью и не-
ожиданностью оригинала. Надо что-то взять у Серге-
ева, а что-то рациональное — у Кудрявцева. Осмыслить
и построить свое — гришинское! Пусть эти два таких
разных спринтера помогут создать мне свой почерк.

Ученичество длилось лет двадцать и не кончилось
даже в тот последний день, когда я уходил...

Итак, я занялся серьезно становлением техники
спринтера Гришина. Решил соединить четкость Серге-
ева и мощь Кудрявцева. В быстроте подноса ноги, в
формировании перед отталкиванием брал пример с
Юры, а смещение и отталкивание и даже сам длинный
прокат мне достались в наследство от Кудрявцева...

Сергеев, бесспорно, был ярчайшей звездой нашего
спорта. Разве можно забыть, как в Хельсинки на олим-
пийском стадионе он заставил содрогнуться всех зри-
телей! Юра не участвовал в чемпионате мира — был
запасным. Но во второй день первенства ему предло-
жили пробежать показательные 500 метров. На тре-
нерской «бирже» стоял финский скороход Гласс Тун-
берг, многократный чемпион мира и олимпиад, еще не-
сколько лет назад он не знал себе равных в спринте.
Его имя было окружено в Финляндии ореолом без-
ошибочности.

К каждому его слову жадно прислушивались и ве-
рили ему безоговорочно. А когда Гласс Тунберг узнал
о мировом рекорде Сергеева, установленном в Медео,
он сказал: «Такой результат человек показать не в

состоянии. Наверное, у русских дорожки сделаны с наклоном». Величайший скороход всех времен упустил из виду, что по дорожке с наклоном конькобежцы не могут стартовать.

И вот Тунберг стоит на «бирже», курит сигару и ехидно улыбается, ожидая старта Сергеева.

Выстрел. И одновременно с ним срывается Юра. А когда он входит в поворот, то Тунберг, стоящий рядом, глядя на него, роняет в снег сигару — он поражен, он восхищен, он не представлял себе такого, он не думал, что можно так красиво, так умно и так быстро бегать на коньках! Тунберг, великий скороход, вдруг ощутил себя человеком вчерашнего дня, потерявшим право на безоговорочные оценки.

Бег Сергеева в Хельсинки — не просто красивый бег. Объясняю почему. До Сергеева весь конькобежный мир (кроме американцев) бегал 500 метров в стайерском темпе. Спринтеры закладывали одну руку за спину — и работали лишь второй. Тогда результаты порядка 44 секунд считались отличными, а чемпион Европы 1953 года голландец Кеес Брукман умудрялся тратить на спринт 46—47 секунд. И вдруг «человек-молния» Юрий Сергеев. Сколько бы ни говорили о преимуществах американской либо скандинавской школы бега на коньках, я не устану повторять: быстрый бег на катках Европы и Америки начался только после того, как Сергеев красиво пронесся по финскому льду.

Сергеев достиг в спорте выдающихся вершин: был рекордсменом мира, чемпионом Советского Союза. Но ни одного раза Юра не был чемпионом мира и Европы, победителем или даже призером олимпиады. Что мешало ему?

Как это ни парадоксально, но мешала именно его сила, то, что он был на три головы сильнее всех. Он бегал практически без конкуренции. Бил рекорды. Выиг-

рывал у любого соперника. Побеждал, когда много тренировался, и даже тогда, когда трудился вполсилы.

Эти обстоятельства и привели к тому, что он не смог использовать всех возможностей, не раскрыл полностью своего дарования. Юрий всегда был доволен и собой, и своим бегом, и своими результатами. А мировые свои рекорды он считал установленными на многие лета. Утверждению этого мнения во многом способствовали журналисты, восторженно повторявшие в шапках своих газет слова: «Феноменально!», «Неповторимо!», «Удивительно!»

Юра чувствовал себя королем спринта и жил безбоязненно. Но когда противник потирает руки, освобождай свои. Ищи у соперника чувствительную струну. Ищи, чтобы сыграть на ней.

И мне, основному сопернику Юрия Сергеева, кажется, удалось найти эту струну. Каким-то седьмым чувством понял, что недостаток Юрия, мирового рекордсмена, заключается в том, что он не умеет разочаровываться. А ведь испытание разочарованием самое серьезное испытание на зрелость! Человек не может быть до конца доволен теми ценностями (а мировой рекорд, конечно же, является ценностью), которые созданы до него. Его мысль рвется дальше и дальше. И правильно делает, иначе бы и сегодня бегали как Струнников и Матиссен...

Спокойствие, которое всегда помогало Сергееву быть победителем, сыграло с ним коварную шутку на самом главном старте в его жизни — на Олимпиаде в Кортина д'Ампеццо. Вот как это случилось...

Запомнив слова Аникапова о том, что Юрий не сможет вынести моего присутствия в одной с ним группе, я сказал: «С сегодняшнего дня не должно быть ученика Гришина, а должен появиться чемпион Гришин». Сказав такое, решил не отступать. Уже в конце 1955 года, готовясь к Олимпиаде, сумел на равнинном

катке установить свой личный рекорд. Сергеев в этих соревнованиях показал такое же время, и это было его личное достижение на равнине. Меня устраивал такой вариант — я уже не проиграл, а сравнялся с Юрием!

Но потом случилось непредвиденное. В Горьком юный Виктор Копытин красиво обыграл Сергеева. Случайность? Да, Сергеев посчитал это случайностью.

Но в Давосе Юрий проигрывает Грачу. Случайность? Но подумайте, случайны ли эти случайности?

Сергеев не мог понять, что с ним происходит. Однажды в Давосе я сидел на скамеечке в раздевалке, когда вошел злющий-презлющий Сергеев и бросил в сердцах тренеру:

— Я понимаю — проиграть Гришину. Но здесь-то еще и Грач взлетел!

Я оглянулся (Сергеев меня не заметил). Подумалось: «Со мной он уже смирился. Его устраивает и второе место. Да, прав оказался Аниканов. Привыкнув побеждать, он разучился проигрывать. Встретив достойных партнеров, сник».

Перед самой Олимпиадой секунды Сергеева говорили о том, что физически он находится в превосходной форме. Это — в физической форме. А что касается его внутреннего состояния, то я помнил его реплику в раздевалке. Мои мысли постоянно подкреплялись новыми наблюдениями за поведением Сергеева. Юрий без устали доказывал своему тренеру: «Зачем мы делаем эти упражнения? Гришин их давно не применяет».

Уверенный в себе, всегда спокойный, Юра до Олимпиады-56 никогда не смотрел, как бегут другие. Обычно он выигрывал турнир, снимал коньки, аккуратно вытирал лезвия, клал коньки в рюкзачок — и уходил. Уходил победителем. Он никогда не разрешал кататься за собой сильным спринтерам.

Когда Сергеева спрашивали:

— Как у тебя получается бег по повороту?

Юра отвечал стандартно:

— Не знаю.

На него обижались, думали, что он скрывает какой-то секрет...

Обычно Юра тренировался отдельно от всех, применял много оригинальных упражнений. На темы спринта Сергеев не разговаривал.

Помню, когда у меня разладилась техника, я обратился к Юре за помощью, на что он мне ответил:

— Ты никогда не побежишь, пока не исправишь некоторые вещи.

— Какие?

— Да, в общем, у тебя все нормально, — сказал, встал и ушел.

... — Юра, почему ты никому не помогаешь? — спросил я его в другой раз.

— Иногда бывает, что поможешь, а тебя же потом и ругают... А вы, молодежь, растите, идите вперед, до всего доходите сами. Мы ведь росли — нам никто не помогал! Пройдет время — научитесь побеждать. Правда, на пути к рекордам нахватаете шрамов и ран. Но раны у победителей заживают быстрее, чем у побежденных. Ясно?

— Может быть, ты и прав, — ответил я.

Жребий на Играх был довольно немилостив по отношению ко мне: я открывал соревнования в паре с англичанином Джоном Кроншем... Много лет спустя, посмотрев киноплёнку того забега, я ужаснулся. Скованность, корявость чувствовались в каждом шаге. Но вот ведь как устроена жизнь — с такой корявостью я повторил мировой рекорд!

Во втором забеге стартовал Сергеев. Ему тоже попался не очень сильный спринтер — японец Такемура. Первые 200 метров они шли конек в конек — это так не похоже на Сергеева! И ясно было, что из 41 секунды Юре не выйти. К сожалению, так и случилось,

41,1 — и четвертое место. Четвертое место на единственной в жизни Олимпиаде! Юре был тогда 31 год, и ему хотелось уйти из спорта непобежденным. Судьба распорядилась по-иному. Не хватило характера? Не умел критически относиться к себе? Не знаю! Но когда я думаю о будущем спринта, мне всегда вспоминается Юрий Сергеев. Мировые рекорды поднялись до уровня, о котором великий спринтер даже не подозревал. Выросли скорости, изменилась техника. Но через все годы прошел сергеевский бег по повороту, его четкость и спокойствие, собранность и мощь. Сколько поколений спринтеров сменилось на моих глазах, но никто не научился бежать поворот красивее Сергеева. Юра был прекрасен, силен, величествен в беге.

Когда мысленно оглядываю я свою жизнь в спорте, все, что создано в нем моим трудом, я всегда вижу рядом с собой на дорожке Юру. Без него никогда бы не стал я чемпионом. Он закалил мою волю в те нелегкие неповторимые годы. Помню, как он мучительно переживал свой уход из спорта, когда на его глазах падали его мировые рекорды, а он все понимал и... словно старый лев, был бессилен.

Время уходило вперед, а он не успевал за временем. Оно мчалось с неумолимой быстротой, неподвластной ему — быстреешему из быстрых.

Олег Гончаренко

Со времени последней победы Олега Гончаренко прошло восемнадцать лет, и, к сожалению, имя его понемножечку забывается. Новое поколение скороходов принимает его не таким, каким он был. Многим кажется, что в 1953, 1956 и 1957 годах завоевывать лавры чемпиона было значительно легче, чем сейчас. Другие, мол, были скорости, иные критерии. Но я твердо убежден, что победить Ялмара Андерсена, Сигге Эрикссона

и Кнута Юханнесена было так же трудно, как сегодня одолеть Пэра Бьеранга и Стена Стенсена. Трудно всегда! Трудно всем, кто дерзает!

Олег был очень настойчив и очень силен. В сборной он вез самую тяжелую тачку, и характерно, что ему никто не поручал брать всю ответственность на себя. Олег сам приучил к этому всех. Он был бойцом. Но даже от самых близких своих друзей по сборной, с которыми долгие годы делил трудности и радости большого спорта, так вот даже от них я нет-нет да слышал:

— Олесю всегда везет!

Мы звали Олега Гончаренко ласково «Олесем» и «Галушкой».

— Ему везет? — переспрашивал я.

— А ты что, сам не видишь?!

— Сильному всегда везет! — отвечал я.

Да, Олегу иногда везло. Но ему везло только в те годы, когда он был в силе. А когда он несколько сдал, ему стало так отчаянно не везти, что все мы удивлялись. Не пожелаю никому из спортсменов испытать такую горькую чашу невезения и разочарования, которую Олег мужественно испил на финише своей блестящей и неповторимой спортивной карьеры.

Да, раньше ему везло и со жребием, и с ветром, и с температурой.

В спортивной биографии Олега много фактов, когда для всех очевидное «невезение» делалось его «везением». На чемпионате мира в 1958 году после первого дня лидировал Кнут Юханнесен. Это был чуть ли не единственный случай, когда Кнут уже после двух дистанций так уверенно заявил о себе. Гончаренко не повезло с жеребьевкой во второй день: он открывал забеги на полуторке... Было ясно, что этим самым его шансы на победу в многоборье сводились к нулю.

Олесь не показал виду, что он расстроен. Но друзья знали, что ночь он провел очень плохо.

— Разве можно чем-нибудь помочь? — с такими словами он вышел на лед. Мужественно «отмолотил» полуторку и стал ждать результаты главных своих соперников.

И что же!

После третьей пары со льдом стало твориться что-то непонятное — он катастрофически портился... Никто не смог приблизиться к результату Олега. Он стал чемпионом. Таким образом, «невезенье» вылилось в третью золотую медаль...

С Олегом мы ровесники. Но в сборную я пришел раньше его. Гончаренко появился у нас как-то случайно. Я впервые увидел его в кроссе... Человек двадцать бежали через овраг. Вдруг кто-то толкнул меня. Я и без того еле бежал, а здесь чуть не упал. Хотелось ответить неуклюжему парню сразу же, но он уже скрылся из виду. Правда, я его запомнил, чтобы «поговорить» с ним при встрече.

После кросса он все не попадался на глаза. И я уже забыл о нем, когда в душевой мы неожиданно столкнулись. Олег поразил меня. Я открыл рот от удивления.

— Ты где взял такие мощные ноги? — спросил его.

— Та я так... — ответил он.

— Что так? Такие «галифе» просто так никому не даются природой!

— Та я велосипед немного кручу, — словно извиняясь, сказал Олег.

— Наверное, мастер спорта?

— Та немного есть...

— А чего же ты на коньки налегаешь?

— Та немного попробовать хочу...

Потом мы столкнулись с Олегом уже на первенстве страны в Свердловске. На последней дистанции Николай Мамонов перепутал дорожки и финишировал по большой. За счет этого он и проиграл несколько мгновений Евгению Красильникову. Женя стал чемпионом

страны. Коля же чуть не плакал: он лишился верной золотой медали. Конечно, обидно!

Когда мы обсуждали происшествие с Мамоновым, вошел Юрий Курбатов.

— Чего вы спорите? Красильников или Мамонов? Вот парень, который должен был стать чемпионом страны! — И он показал на Олега Гончаренко. — Смотрите, какие бедра! Олегу никто не помогал во время соревнований. Он бежал сам, даже не зная своего графика. Никто не крикнул ему перед последним кругом — он и проиграл-то всего с «воробьиною душой». Но парень этот, помяните меня, лет на десять всех опередит...

Гончаренко стоял и улыбался: казалось, что речь идет не о нем.

После Свердловска Олег попал в сборную страны. Тренировался много. В тот год он учился в пожарном училище, и начальство неохотно шло ему навстречу, не всегда отпускало на тренировки. Мы часто видели Олега, тренировавшегося в сапогах, не успевшего даже переодеться после занятий в училище.

Перед первенством мира 1953 года с именем Гончаренко уже связывались какие-то надежды. Олег знал это и выступал в соревнованиях, чувствуя себя фаворитом. На одном из состязаний мы поделили с ним третье место на полуторке. А Геннадий Пискунов выиграл у Олега 10 тысяч метров. Это был спортивный подвиг Пискунова — ветерана нашего спорта, которому тогда было уже за сорок.

Наверное, в становлении бойца Олега Гончаренко его поединок с Пискуновым занимает очень важное место. Победа Пискунова была принципиальна для нашего спорта. Ветераны тех лет, уходя с беговой дорожки, не чувствовали своей обреченности. Они давали такой яростный бой новобранцам сборной, что нужно было иметь изрядное мужество, чтобы выстоять!

142 Тем самым ветераны, словно эстафетную палочку, передавали свою самоотверженность и преданность. Желание победы и было как раз завещанием ветеранов.

Поражение Олега в дуэли с Пискуновым несколько снизило шансы Гончаренко перед первенством мира. Мы шутили:

— Олесь, а ты уезжаешь прилично раздетым!

Гончаренко только улыбался:

— Та мне еще двадцать один!

...Помню, с Олимпийских игр в Осло вернулся Иван Яковлевич Аниканов. Он был свидетелем, как три золотые медали выиграл норвежец Ялмар Андерсен, который был в те годы легендарной фигурой. Ему принадлежало несколько мировых рекордов. Он не знал себе равных в многоборье на чемпионатах мира и Европы. В 1952 году спортивные руководители спросили у тренеров сборной по конькам:

— Вы у Андерсена можете выиграть?

Тренеры ответили:

— Не знаем!

— А если не уверены в своих учениках, сидите дома — бейте мировые рекорды в Медео. А на первенство мира надо ехать за победой. Не иметь ни одного советского чемпиона мира — это просто позор!

Мы пять лет не выезжали за границу на первенства мира: нас пугала слава Ялмара Андерсена.

А вот Аниканов приехал с Олимпиады. Он был словно не в себе. Повторял и повторял:

— Шестнадцать тридцать на десятке — это ужасно! Он всем нам ничего не оставляет.

Но Иван Яковлевич сказал и другое: когда Андерсена поздравляли со званием олимпийского чемпиона, он ответил, что он не считает себя чемпионом до тех пор, пока не встретится с русскими...

Как известно, большинство мировых рекордов в том году уже принадлежало нам — все рекорды были уста-

новлены на высокогорном катке. Мир в наши результаты не очень-то верил, все считали, что у нас короткие метры, испорченные секундомеры... Потому-то так важно было первым нашим спортсменам, которые примут участие в чемпионатах мира, сразу же разгромить всех соперников и тем самым утвердить советскую школу скоростного бега на коньках.

Олег Гончаренко это понимал. Он понимал это, может быть, острее, чем все остальные наши лидеры. Те просто верили в силу советской сборной, знали, что кто-то обязательно должен победить. Кто-то! А Олег Гончаренко считал, что победить должен он! Он, украинский паренек.

В 1952 году, когда Аниканов был полон восторгов по поводу рекордов Андерсена, Олег Гончаренко взял фотографию норвежского чемпиона и долго смотрел на красивое лицо Ялмара. Неожиданно он сказал:

— Так вот ты какой, Андерсен!

Кто бы мог подумать в ту минуту, что ровно через год другая фотография пойдет по миру, и изображен на ней будет абсолютный чемпион мира... Олег Гончаренко.

Я особенно часто вспоминаю этот незначительный эпизод в конькобежной истории нашего спорта именно сейчас, в 1976 году, когда мы уже тринадцать раз безуспешно пытались штурмовать вершину чемпионата мира в классическом многоборье. Мне думается, в будущем победит тот советский спортсмен, который, глядя на фотографию сегодняшних скандинавских и голландских скороходов, скажет простые, но ко многому обязывающие слова: — «Так вот какие вы, рекордсмены! Вы сильны, вы потираете руки, вам никто не грозит, и поэтому-то надо освобождать свои руки. И действовать!»

Действовать! Как Олег Гончаренко! В том далеком, в том памятном пятьдесят третьем...

Олег, я уже говорил, не был фаворитом. Болельщики и тренеры связывали надежды с именем Бориса Шилкова. И наш знаменитый многоборец имел все основания оправдать эти надежды, если бы... Если бы рядом с ним не было другого мужественного бойца — Олега Гончаренко.

Я назвал Олега бойцом. Постараюсь доказать свое утверждение. В беге на 500 метров Гончаренко лишь конек выиграл у голландца Ван дер Воорта. На 5000 метров он опередил голландца лишь на секунду. В соревнованиях на полтора километра Олег снова выигрывает у Воорта... конек. Конек—так мало! Следовательно—силы соперников равны. Так считали все специалисты. И они ошиблись. Силы были не только неравны, но как боец мощный голландец значительно уступал Олеся. Жребий свел их в одной паре на 10 тысяч метров. И здесь-то, лицом к лицу, Олег обыграл своего соперника. И как обыграл — опередил Ван дер Воорта на... целый круг! Вот что такое сила воли Олега Гончаренко. Вот что такое его мужество. Вот что мы должны постоянно помнить, говоря об Олеге! Он был готов к встрече лицом к лицу с любым сильнейшим многоборцем мира. И почти всегда побеждал.

Он умел выигрывать.

Но оказавшись вторым, третьим или даже седьмым, он не сдавался, а находил силы для нового взлета. Вспомните годы его побед: 1953, 1956, 1958-й...

Снова и снова утверждаю, что самую тяжелую тачку в сборной вез именно Олег Гончаренко! Говорю это не для красного словца...

Чем была победа Олеся для нашего спорта? Это — не рядовая победа! Через сорок два года после русского скорохода Николая Струнникова замечательный наш самородок Олег Гончаренко высоко пронес знамя советского спорта и утвердил на конькобежном Олимпе советскую школу скоростного бега на коньках!

Олег Гончаренко мог после этого своего триумфа оставить коньки, уйти из спорта, его имя «надменные и благодарные потомки» сохранили бы на всю жизнь!

...Я не участвовал в чемпионате мира 1953 года. Так получилось, что сроки первенства совпали со Всемирными студенческими играми в Вене. Сборной СССР пришлось разделить. Одни поехали в Вену — на Игры, вторые — на чемпионат мира в Хельсинки.

Помню, кончились наши соревнования. Советские спортсмены успешно выступили на студенческих играх и возвращались домой. В Будапеште — остановка. Выскакиваем из вагонов, летим к газетному киоску. Мысли об одном — как там наши ребята? Как им пришлось в Хельсинки? Мысли, признаюсь, были тревожными: ведь именно на стадионе в Хельсинки мы проиграли пять лет назад! Сумеем ли реабилитировать себя?

В субботу мы слышали по радио, что после первого дня лидировал Боря Шилков. Мы отказывались в это верить, чтобы не сглазить. Боялись даже предположить, что Борис сумеет удержаться.

Мы думали о победе Шилкова и не знали в тот день, что Олег выиграл 5000 метров. Мы почти ничего не знали.

На вокзальном перроне в Будапеште найти газеты было очень трудно. Мы уже отчаялись, когда услышали: «Спорт! Спорт!» Какой-то старик продавал спортивную газету. Услышав этот крик, мы стали лихорадочно искать иностранную монетку. Таковых ни у кого не оказалось. Тогда руководитель делегации предложил выменять спортивную газету на пачку папирос «Казбек». Старик согласился. Взяли газету — и радостный крик раздался на вокзале: мы увидели улыбающееся лицо Олега, Олеса, Галушки... Нашего Олега Гончаренко, нашего юного Олега! Как он был красив на фотографии! Как мы были горды за него! Удастся ли пережить когда-нибудь нечто подобное?..

Олег родился бойцом. Он не видел скандинавских скороходов, не встречался с ними. Он приехал в Финляндию — и победил!

Может быть, кто-то сегодня скажет, что неизвестно, как сложилась бы борьба, если бы в чемпионате мира участвовал великий Андерсен. Вполне возможно, что Гончаренко и не сумел бы выиграть так убедительно и так блестяще. Возможно, что...

А зачем гадать? Вспоминаю, как знаменитый голландский стайер Кеес Брукман рассказывал:

— Фаворитом первенства мира 1953 года считали меня. Я обычно «привозил» всем по 10 секунд на пятерке и по 20 — на десятке. Правда, у меня очень хро-мал спринт. Бежал я всегда с одной рукой, в стайерском темпе... И все же это не помешало мне в 1953 году выиграть чемпионат Европы, в котором русские не участвовали... Ваши ребята не принимались нами всерьез. «Какие-то русские, — говорили мы, — с их неправдоподобными мировыми рекордами... Они будут учиться еще лет десять, прежде чем заставят считаться с собой!» А эти русские выиграли в Хельсинки три дистанции, причем они могли запросто победить и в спринте, но рекордсмен мира Юрий Сергеев принимал участие только в показательных состязаниях...

Когда кончились соревнования и победил Гончаренко, я бросил в раздевалке коньки и закричал тренеру:

— Почему мы недооценили русских? Кто сказал, что их рекорды дутые? Кто советовал не считать их за соперников? Да с русскими сам Андерсен ничего бы не смог сделать!

Кеес Брукман призвал на помощь имя Андерсена только для того, чтобы подчеркнуть, что победа Олега Гончаренко и его товарищей на чемпионате мира была закономерной!

Теперь вернусь к Андерсену. После своей феноменальной победы на Олимпиаде 1952 года Ялмар бросил

спорт. Но, как вы помните, его последними словами были: «Я не считаю себя чемпионом до тех пор, пока не встречу с русскими...»

Это были справедливые слова. И все же Андерсен оставил спорт. Он думал, что советские скороходы еще несколько лет не выйдут на мировую арену и будут «вариться в собственном соку», продолжая в одиночестве бить мировые рекорды.

Ялмар ошибся. Уже в 1953 году Гончаренко вернулся из Финляндии с лавровым венком.

Поприветствовав Гончаренко и нисколько не поставив под сомнение ценность его победы, Ялмар Андерсен решил вернуться на лед — на трижды прекрасный и проклятый лед.

Где-то (кажется, в боксе) говорят, что чемпионы не возвращаются. Это, мол, даже закон. Андерсен решил вернуться.

Вернуться, встретиться на одной дорожке с русскими — и победить. Он блестяще подготовился к сезону 1953/54 года. В декабре мы впервые увидели его. Андерсен был в блестящей форме. Он показал нам классную школу бега и мужества. Убедительно выиграв стайерские дистанции, Андерсен проиграл мне в паре полуторку. Но как он бежал! Такого ритма и такой работы мы не представляли себе. Он тратил на прямую ровно двенадцать шагов!

Интересно вспомнить, что в декабре 1953 года в Москве жребий впервые свел в одну пару Андерсена и Сакуненко. Увидев Диму, Ялмар сказал:

— Ну и медведь! Я от него моментально убегу!

Но круг, второй, седьмой, девятый оба атлета держались рядом, и лишь самый финиш принес победу норвежцу.

Андерсен почти всегда бегал с Димой. Газеты даже шутили по этому поводу: «Ну, а что касается Андерсена, то, видимо, он побежит в паре с Сакуненко?»

Так и выходило. И Димка долго еще не мог взять реванш...

Но самым главным поединком с Андерсеном мы считали первенство мира 1954 года в японском городе Саппоро. К чемпионату мы готовились очень серьезно. Нам важно было доказать, что первая ласточка — победа Гончаренко — сделала-таки весну в наших коньках. Мы мечтали победить.

Константин Константинович считал — и, видимо, не без оснований, — что мои шансы по сравнению с шансами Гончаренко были ничтожными. Когда Олег стал чемпионом мира, Кудрявцев перестал замечать меня. Только Олег, Олег, Олег! Олег — главный ученик! Олег — труженик! Олег — талант! Я обижался на тренера. И очень ревновал к нему Гончаренко. Но чем внимательнее я изучал Олега, тем все больше приходил к выводу, что возможности этого человека безграничны. Однажды я был свидетелем разговора Кудрявцева с Гончаренко. Тренер убеждал своего ученика, что ему по силам в многоборье 175 очков. Что это за результат? В те годы он лежал где-то за пределами наших реальных представлений о возможностях спортсмена, как, к примеру, прыжок на девять метров в длину, 600 килограммов в тяжелой атлетике, 100 метров в метании молота...

Олег, слушая Кудрявцева, улыбался — не верил. Да и как было верить, если мировой рекорд Сакуненко (184,638 очка) держался семь лет! Рекорд не казался недостижимым, но он мыслился около предела человеческих возможностей.

У Олега были какие-то основания особенно не выкладываться на тренировках. Первый свой чемпионат он выиграл, когда готовился к нему, прямо скажем, урывками. Олег, улыбаясь, прокомментировал свой успех так:

— Та я же в сапогах приседал...

Однажды мы занимались на берегу пруда. Ворочали камни, метали их, словно легкоатлетические снаряды, бегали кроссы. Лишь один Гончаренко сидел над водой и бросал в нее камешки. Кудрявцев сделал Олегу замечание:

— Ты что отлыниваешь от тренировок?

Олег даже не оглянулся на него:

— Та пусть тренируются те, кто на коньках бегать не умеет. — И он улыбнулся.

Мы, услышав такое, тоже улыбнулись. Олегу прощали все его шутки. И Кудрявцев все прощал ему.

Итак, тренируясь в сапогах, урывками, Олег стал чемпионом мира. Когда же он стал заниматься по-настоящему, ему пришлось в 1954 году расстаться со званием чемпиона мира. Парадокс?

Он стал заниматься упорнее, но все же не рисковал. Иногда даже отлынивал от нагрузок. И когда Кудрявцев говорил ему о результате в 175 очков, Олег считал, что у Кудрявцева какой-то заскок. Олег не мог и не хотел рисковать. Он трижды выигрывал лавровый венок на первенствах мира, дважды был сильнейшим на первенстве континента. Стоило ли рисковать?

Кудрявцев настаивал — Гончаренко отмалчивался и отшучивался.

Время показало, что тренер был прав.

Наверное, сейчас Олег понял, что свой исполинский талант он использовал не полностью. Олег был так силен и талантлив, так его щедро одарила природа, что он мог бы уже в середине пятидесятых годов показывать такую сумму! Мог бы, но не захотел!

Почему не захотел?

На мой взгляд, у Олега все же не было особого стремления идти вперед. Это странно — ведь и конкуренция была! Ведь Олег ни разу не выигрывал два года подряд! То победит в 1953 году, то будет вторым в 1954 и 1955 годах, то снова победит в 1956-м, то сно-

150 ва проиграет в 1957-м, чтобы в 1958-м выиграть все старты сезона!

Казалось, конкуренция заставит Олега серьезнее относиться к тренировкам. Но не так все было. Видимо, Олесь удовлетворялся достигнутым. У него оставалась масса недостатков в технике, и эти недостатки казались его резервами. Было над чем работать и что исправлять. Но Олег оставался спокойным:

— Та чего там... Вот будет лед, вот тогда и посмотрим, кто умеет на коньках бегать!

Был лед, и Олег бежал! Мощно, впечатляюще! Но все же технические недостатки сильно сдерживали его рост.

У Олега дома хранятся пять лавровых венков. Но у него нет ни одной золотой олимпийской медали. Только две бронзовые награды. А ведь Олег участвовал в двух олимпиадах!

И его сравнительный неуспех на олимпийских играх можно объяснить: Олег — не олимпийский бегун. Он — многоборец. Чтобы побеждать на олимпиадах, надо быть на голову сильнее всех соперников, надо быть «королем». На какой-то дистанции. А Олег все бежал ровно. Так достоинства многоборца стали тормозом для олимпийца...

Сейчас Гончаренко за сорок. Его дочь заканчивает институт. Олег уже успел побывать в роли как крупного руководителя, так и рядового тренера. Когда смотрю на Гончаренко, заваленного бумагами и таблицами, вспоминаю его на беговой дорожке. Своеобразный, неповторимый самородок! Я относился к нему не всегда одинаково — и спорили с ним, и во многом по-разному смотрели на жизнь. Олег до сих пор считает, что он не сумел бы набрать в многоборье 175 очков. А я убежден, что сумел бы...

Ему очень хотелось славы. Он мечтал, чтобы его имя знали все в стране. Что это было? Честолюбие, мальчишество? Хорошо это или плохо, если человек стремится к славе? Я не стал бы выносить быстрых суждений. Может быть, оттого, что слишком хорошо знаю Виктора Косичкина, человека, который так ожесточенно тренировался во имя славы. Ровесники, глядя на него, говорили: «Коса — не спортсмен».

Косичкин знал, что о нем говорят, но ему было абсолютно безразлично мнение окружающих. Он верил только в себя: ворочал на тренировках штангу; если бежал кросс в лесу, то не срезал углов, отмеряя всю дистанцию. Упрямство, одержимость и полная, вдохновенная самоотдача тренировкам — вот с чего начинался взлет Косичкина.

Поначалу я относился к Виктору как и все. Не верил, что из него выйдет спортсмен экстракласса. Мне его впервые показал Кудрявцев. Были какие-то соревнования — лил дождь, лед превратился в кашу. И на длинных, тощих ногах, как журавль, шел — я даже не могу сказать «бежал» — шел по кругу Косичкин. Что можно было увидеть в его беге? Можно ли было понять, что это бежал будущий чемпион мира? Я бы даже не обратил на Косичкина никакого внимания, а Кудрявцев сказал восхищенно:

— Олимпийский чемпион — вот посмотришь!

Через год Косичкин был уже сильнейшим стайером Советского Союза. На первенстве мира в Давосе он сумел занять третье место на пятерке. Я подошел к нему и, поздравив, сказал:

— Вот бы тебе и через две недели выиграть бронзу!

Через две недели открывалась Олимпиада в Скво-Вэлли.

Виктор недоуменно посмотрел на меня:

— Ты что, Романыч? Почему бронзу?

— Что же ты хочешь?

— Золото! Только золото. Я бегу пять километров в день своего рождения. Могу я или не могу сделать себе золотой подарок?

— Ну ты и нахал! — засмеялся я.

— Я могу или я не могу? — настойчиво повторил Косичкин.

— Мочь-то можешь, но для этого надо Юханнесена и Песмана обыграть! — сказал я грустно.

— Но у меня ведь день рождения! — подыграл Виктор. — Я постараюсь. Вот подожди...

Ждать пришлось лишь несколько дней.

Мы летели на Американский континент в ужасных условиях: сначала несколько часов через Атлантический океан, потом из Нью-Йорка через всю страну в Сан-Франциско, потом еще на автобусах. Приехали в Долину Индианок совершенно разбитые. Мысль была лишь одна — спать! И все бросились на кровати. Как убитые провалялись часов одиннадцать. Разбудил всех удивленный возглас Гончаренко:

— Ребята, а Коса уже два раза тренировался!

Никто не поверил, начали возмущаться поведением Олега, который не дал нам доспать и прийти в себя. «Какая может быть тренировка после каторжной дороги? Нужно еще день-два приходить в себя», — подумал, наверное, каждый.

И каково было наше изумление, когда в комнату, румяный, вошел Виктор Косичкин! Он, оказывается, и в самом деле успел два раза потренироваться! Откуда у него взялись силы, сказать трудно. Можно лишь сейчас, задним числом, утверждать, что сразу же по приезде в Скво-Вэлли Виктор почувствовал под собой Американский континент, на котором он обещал победить. Он почувствовал его, и уже ничто не могло остановить Косичкина.

Накануне старта на пять километров мы сидели с Виктором в олимпийской столовой и говорили о его завтрашнем поединке с Песманом и Юханнесеном. Наверное, сегодняшнее поколение болельщиков не очень отчетливо представляет, каким грозным стайером был в тот год голландец Ян Песман. Он по праву считался фаворитом в Скво-Вэлли. И его особенно опасался Косичкин.

Мы сидели и ждали обеда. Вдруг к столику подошел Николай Озеров, радиокомментатор. Он был чем-то встревожен. Подошел к столику — и молчит. Станный какой-то.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

Он встрепнулся:

— Узнал завтрашнюю жеребьевку. Сказать? Косичкин бежит в паре с Песманом!

Услышав это, Виктор резко встал и вышел. Хотелось броситься за ним, не оставлять одного накануне олимпийского старта, но потом я подумал — а ведь сильному человеку в минуту сомнения никто не нужен. Пусть обдумает все один. Если он боится Песмана, пусть прямо скажет себе: боюсь, но не думаю проигрывать!

Пусть поищет варианты победы.

Если он ждал именно поединка лицом к лицу, то надо еще тщательнее взвесить сильные стороны соперника и слабые свои.

Мы не побежали за Косичкиным. Остались с Озеровым обедать и все гадали, испугался ли он поединка с Песманом.

Виктор не приходил ужинать. Где он был — никто не ведает. Как он спал — никто не знает. И спал ли он — никто не помнит. Правда, потом кто-то сказал, что будил утром Косичкина:

— Вставай, проспишь Олимпиаду!

Но, думается, это только из области предположений,

На старт Виктор вышел утомленный. Это чувствовалось даже при беглом взгляде на его фигуру. Неужели Коса перегорел?

Виктор начал бег очень рискованно — резко, с открытым забралом. И всем показалось, что он до финиша не выдержит. Ян Песман очень долго не уступал Виктору. Но потом вдруг скис, сломался. Косичкин, наращивая скорость, уносился к победе. Он сказал, что в день рождения будет олимпийским чемпионом, и держал свое слово. Терпел, но держал. А Ян Песман еле-еле переставлял ноги: тактика Косичкина выбила его из седла.

После забега Виктор подбежал ко мне:

— Теперь твоя очередь!

Все рассмеялись.

В раздевалке Косичкин поднял над головой нейлоновый костюм. Иностранцы скороходы загадочно переглянулись.

— Через два дня посчитаем, сколько олимпийских медалей соберет наш костюм, — улыбнулся Виктор Косичкин.

История нейлонового костюма и впрямь поразительна. Несколько дней назад в Давосе мы с Виктором купили на двоих один костюм, чтобы выступить в нем на Олимпиаде. Я завоевал золотую медаль в первый день. Виктор — во второй. На третьи сутки я утроил наш комплект золотых медалей. На четвертый день коллекция пополнилась косичкинским серебром...

В 1961 году Косичкин буквально разгромил всех многоборцев на первенстве Советского Союза. Такого отрыва чемпиона СССР от второго призера еще не помнила история отечественных коньков — Меркулов оказался на 4 очка сзади, а третий призер — Стенин — на 5,5. После соревнований чемпион мира Борис Стенин еле-еле дошел до раздевалки. Он был утомлен и разбит. Стенин признался:

— Надо снять коньки, забросить их и больше никогда не выходить на лед. У Косичкина практически не может быть конкурентов.

Так феноменально был подготовлен Виктор. Он выиграл три дистанции. На десятке он стартовал в одном забеге со вторым призером Робертом Меркуловым. Виктор обогнал Роберта на целый круг. Меркулов хотел досидеть за спиной у Косичкина. Но не смог. Косичкин молниеносно уходил вперед. А Меркулов еле-еле полз.

Я вел тогда Виктора по кругам. После финиша подал ему пальто и говорю:

— Откатайся! Ты, наверное, наелся прилично!

Косичкин спокойно поехал «откатываться». Вдруг он резко тормозит и кричит мне через все поле:

— Романыч, а ведь лед-то не катит!

Он только сейчас это понял! Двадцать пять кругов Косичкин не замечал противной погоды, вязкого льда. Он был весь во власти борьбы, жаждал победы, и для него не существовало ни тупых коньков, ни скверного льда. Ничего — только Он и Победа!

Одержимость! Она вела Виктора по ступенькам признания и славы. И она же, как это ни странно, выхолащивала его. Косичкин продолжал дерзновенно идти вперед. И тренер Кудрявцев поддавался вдохновению Косичкина. Они вместе экспериментировали. На первенстве Европы в Хельсинки Косичкин выиграл у голландца Ван дер Грифта 4,5 очка, причем в беге на 500 метров у Виктора был колоссальный сбой, когда он чуть не упал.

Казалось, доказать свою силу на первенстве мира не составит никакого труда. Так только казалось. На самом деле Косичкин ухитрился проиграть. Отчего? Он просто перетренировался, устал.

Вместо того чтобы после победы в Хельсинки спокойно отдохнуть, потренироваться вполсилы, Виктор

156 резко прибавил нагрузки. Он, как азартный игрок, не мог остановиться. А Кудрявцев, умный и опытный, тоже был поглощен азартным горением Косичкина. Он составил своему ученику такую программу тренировок перед чемпионатом мира, что даже архитрудолюбивый Косичкин засомневался:

— Стоит ли?

Но Кудрявцев был убежден: стоит! А когда он был в чем-то убежден, то умел доказывать свою правоту. Он смотрел на учеников и, казалось, гипнотизировал. Ты мог внутренне не соглашаться, спорить, возражать, но ты одевался и шел тренироваться. И делал все, что хотел Кудрявцев.

Перед первенством мира мы жили в Швеции под Гётеборгом. Как-то часть делегации пригласили в другой город. Косичкина в нашей группе не было — Кудрявцев решил, что чемпион Европы должен потренироваться за городом.

Когда мы вернулись и увидели Виктора, выходящего из душевой, все удивились: он выглядел очень плохо.

— Ты что, заболел?

— Нет, я просто провел тренировку — сказал он как-то обреченно.

На стадионе «Уллеви», где проходило первенство мира, мы с Виктором практически не разлучались. Кроме тех мгновений, когда бежали в разных забегах. Начались состязания на 5000 метров, мы посмотрели первые пары. Погода была идеальная. Результаты у всех — отличные.

Виктор воспрянул духом:

— При такой погоде я могу кое-что сделать!

Ушли в раздевалку. Через сорок минут выглядываем на улицу — и не верим глазам: дождь, жесткое сито воды и снег. Лед покрыт слоем воды. Ветер залепляет снегом глаза.

Виктор проиграл дистанцию. Он бежал после всех сильнейших стайеров и многоборцев. Ивар Нильссон, Руди Либрехтс и Андрэ Куприянов занимали первые три места. Именно их две недели назад в Хельсинки Косичкин буквально разгромил. В тот вечер я впервые не согласился с пословицей, что везет всегда сильному. Косичкин был сильнейшим, но ему отчаянно не везло...

О том, как трудно было бежать Виктору, я понял, когда вышел на лед сам. Решили, что мне нужно тратить на каждый круг по 41 секунде — тогда сохранятся шансы попасть в число двенадцати сильнейших. Три круга по вязкому льду я еще смог продержаться. Затем скорость упала — на круг уходило 42 секунды.

— Так не пойдет! — крикнул мне тренер. — Прибавь!

— Нечем прибавить, — ответил я. А про себя подумал о том, как трудно было бежать Косе. Я еле держусь, сейчас начну бежать круги по сорок три... Никакая сила воли, сознание ответственности — ничего не поможет! Я сломлен... Но как трудно было бежать Косе! Как ему было нелегко! Под этот рефрен я дотягивал последние ледовые метры...

Как трудно было Косичкину! Трудно на «Уллеви» в Гётеборге! А где ему было легко? Казалось, что он побеждает чисто, но за этой уверенностью стоял каторжный черновой труд, за этой легкостью были воля и упорство, непреклонность...

В 1957 году на дистанции 10 тысяч метров встретились впервые (в разных забегах) бронзовый призер Олимпиады на этой дистанции, чемпион мира Олег Гончаренко и высоченный, неуклюжий перворазрядник Виктор Косичкин. Дебютант выиграл у чемпиона мира 0,1 секунды. Представьте себе это мгновение в 0,1. Оно неуловимо и беспощадно. Скольким людям не хватило для победы лишь 0,1! А Косичкин уже в первом старте был дерзким и бескомпромиссным. Он уважал

авторитеты, но находил в себе мужество бросать им вызов. Он умел дерзать даже тогда, когда, казалось, никаких прав на дерзание не было. Но настойчивостью и упорством он утверждал себя.

0,1! Это очень характерная для юного Косичкина цифра. Он еще не был готов физически и психически к победе более внушительной, к победе над Олегом Гончаренко, который в те годы во всем мире имел лишь одного соперника — Кнута Юханнесена. 0,1 секунды — это концентрированное выражение характера Косичкина, который всегда и везде боролся до последнего метра.

В 1958 году в Алма-Ате Виктор снова выиграл у трехкратного чемпиона мира 0,1 секунды на пятикилометровой дистанции. Как он сумел? Понятно, когда выигрывают 0,1 секунды на 500 метров! Но на стайерских дистанциях?! Трудно представить...

В 1959 году Олег Гончаренко на матче городов в Кирове очень красиво и убедительно выиграл в забеге у Косичкина. Это был гроссмейстерский бег, и финиш Олега неповторим.

Прошло несколько дней. Сборная СССР выехала в Осло на «Бишлет» на традиционный матч с норвежцами. На дистанции 5000 метров рекорд катка принадлежал Олегу Гончаренко. Косичкин решил побить этот рекорд на глазах его обладателя. Он пронесся по кругам вдохновенный и окрыленный и зафиксировал на финише замечательный результат, улучшив время Гончаренко на 16, повторяю — 16 секунд.

Закончив бег, не успев отдышаться, Косичкин подъехал к Гончаренко и сказал, улыбаясь:

— Ну как, рассчитались?

Олег от неожиданности не мог найти ответа. Наконец он произнес:

— Ничего себе рассчитались! Я у тебя 0,2 выиграл, а ты мне 16 секунд привез...

Гончаренко улыбался, и я в это мгновение понял, что в сборной появился настоящий спортсмен, которому Гончаренко может безбоязненно передать эстафету.

Виктор был упрям и настырен. Когда он сел на велосипед, то с первого взгляда можно было определить, что он не умеет ездить. Он еле-еле держал в руках руль. Но Виктор почему-то убеждал нас, что он выступал когда-то в велосипедных гонках, что имеет классные результаты и даже подумывает целиком переключиться на тренировки по велосипеду.

Мы подсмеивались над Виктором и однажды решили проучить его.

Проучить решили по-велосипедному. Только один из нас «стрельнет» — а Косичкин не может, чтобы кто-то был впереди, и смотрим — он уже рвется за лидером. Так мы сменили десять лидеров, которые должны были вытрясти из Косичкина душу и отучить его от бахвальства. Мы мчались по шоссе с предельной скоростью... Менялись лидеры. А Косичкин все держался и держался в головной группе. Мы уже сами не могли вертеть педали, а Виктор, длинноногий и смешной, как Дон-Кихот, держался в седле лишь усилием воли. Мы укатались сами — это была наша первая тренировка на велосипеде после зимы. На следующее утро мы еле передвигались, а он бежал в лесу кросс как ни в чем не бывало.

Я не помню случая, чтобы Виктор сдался. А за двадцать пять лет я видел самых что ни на есть выдающихся атлетов, помню их взлеты и их поражения и помню их горький последний лед, когда они ломались физически и морально. Виктор Косичкин же боролся до конца.

В 1964 году Косичкин мог вновь стать олимпийским чемпионом. Но Виктора загоняли. Трудно сейчас винить тренера Кудрявцева. Был у него одно время девиз: «К победе через утомление!» Когда наступал мо-

мент утомления, когда по законам логики необходимо было снижать нагрузки, Кудрявцев заставлял своих учеников тренироваться в том же объеме. Правда, у него находились такие ученики, которые умели уйти от нагрузок, хитрили, ловчили, доказывали Кудрявцеву, что он перебарщивает. Эти спортсмены очень тщательно взвешивали каждый день тренировок. Этих спортсменов сегодня так никто и не помнит. А Гончаренко, Гришин, Косичкин, внутренне не соглашаясь с Кудрявцевым, все же выполняли его указания — и становились чемпионами мира, Европы и олимпийских игр.

В тот год, когда Олимпийские игры были в Инсбруке, Виктор готовился еще настойчивее, выполнял такие объемы работы, которые и сегодня еще многим скороходам не под силу. Он очень хотел победы! Но судьба распорядилась иначе. Виктор потерял скорость. В январе 1964 года на «Бишлете», стадионе, где стыдно выступать плохо, где золотыми буквами был записан результат Косичкина 1959 года, на этом стадионе Виктор проиграл Юрию Юмашеву 35 секунд. 35! И всем стало ясно, что он устал. В том забеге, где всю дистанцию безнадежно пытался приблизиться к графику Юмашева, Виктор работал одной рукой. Он был сломлен физически, но тем не менее продолжал оставаться бойцом, которому необходимы были лишь десять дней для нового взлета. Десять дней — и все станет на свои места.

Когда он немного отдохнул, он сумел стать вторым многоборцем мира в 1964 году, немного уступив олимпийскому чемпиону Юханнесену. И к тому же Кнут бежал после Косичкина и знал его раскладку по кругам.

Через две недели после первенства мира Юханнесен приехал на матч СССР — Норвегия в Свердловск. Жребий свел в одном забеге Юханнесена и Косичкина. Для норвежца это было прощание со льдом, чисто символическое соревнование. Оба спортсмена шли конек в конек,

— Это же цирк! — сказал негодующе один спортивный обозреватель. — Почему Коса не расквитается с ним за все поражения сезона? Пусть он докажет...

Я резко оборвал корреспондента:

— Вы говорите, такой бег неспортивен? Согласен. Но это по-человечески правильно! Уходит из спорта великий спортсмен — зачем же валить его на лед? Надо, чтобы он ушел красиво. И лучшим вариантом их соревнования стал бы финиш конек в конек!

Это был единственный бег Косичкина, когда он не боролся за победу. Это был единственный забег, где Косичкин не был прежним Косичкиным, юным и жадным до побед.

Я искренне поздравил Виктора после матча и сказал, что на его месте поступил бы точно так же. А Виктор все повторял и повторял:

— Он же уходит! Меня уже отругали, что я не выиграл у него. Но ведь все мы будем уходить, и не всегда нам удастся уйти победителями. Верно?

Еще два года назад он не смог бы произнести этой фразы. Виктор тогда отважно обличал слабости всех и вся, а в себя верил безгранично и не видел своих недостатков. Иногда в ответ ему так и хотелось сказать:

— Ну ты и нахал!

Он верил в себя, когда не было никакого оправдания вере. Услышав «ну ты и нахал!», Виктор не обижался, он лишь обещал:

— Выиграю, вот увидишь!

Приходил день, и он выигрывал. Так, кстати, он выиграл абсолютное первенство мира 1962 года в Москве, на самом главном стадионе страны... Летом 1961 года, когда до первенства мира оставалось больше полугода, мы ехали с Виктором по Ленинским горам. Остановили машину возле университета, спустились к трамплину. Садилось солнце. Рыжели купола Новоде-

6—678

вичьего монастыря. Над трибунами Большой спортивной арены Лужников время от времени раздавались крики радости — на футбольном поле встречались столичные торпедовцы и спартаковцы. Трибуны, видно, были забиты до отказа. Сто тысяч болельщиков! И миллионы людей следили за матчем по телевизору.

— Завтра автозаводцы вдвое перевыполнят план! — сказал я Косичкину, когда стало ясно, что спартаковцам не отыгаться. — Представляешь, как на них подействует победа! Наверное, любая победа в спорте сказывается на настроении людей.

— Через полгода в Лужниках будет первенство мира, — задумчиво сказал Косичкин.

— Тот, кто его выиграет, станет самым популярным конькобежцем в стране. Он затмит славу Олега Гончаренко. Победит дома! Когда мы соревнуемся в Скандинавии, нас никто не видит. А здесь — сто тысяч болельщиков, телевидение донесет твой или мой портрет до Камчатки. Вся страна узнает и полюбит!

— А кто станет чемпионом мира, Романыч? — удрученно спросил Виктор.

— Трудно сказать, — ответил я. — Но кто-то из нас должен обязательно выиграть!

Виктор крепко сжал меня в своих объятиях. Что означал этот многозначительный жест, я понял лишь в феврале 1962 года, когда фанфары возвестили об открытии первенства мира...

Как ни тщательно готовился Виктор к чемпионату мира в Лужниках, прежней удали не чувствовалось. Его шансы на успех были приблизительно равны возможностям Роберта Меркулова, Хенка Ван дер Грифта, Андрэ Куприянова, Кнута Юханнесена.

Незадолго до открытия чемпионата у нас снова зашел разговор о чемпионе мира 1962 года. Мы ехали в переполненном рейсовом автобусе из алма-атинского аэропорта в город. Была самая неподходящая обста-

— А кто же все-таки выиграет?

— Меркулов! — сказал я.

— Нет! — ответил Виктор.

— Голландец! — снова предложил я.

Я перебрал почти всех скороходов, кроме Виктора, и, наконец, не выдержав, спросил его:

— Ну, а кто же будет выигрывать, если ты всех перечеркнул?

Виктор улыбнулся и показal на себя. Я возмутился:

— Когда ты повзрослеешь? У тебя сейчас нет шансов.

Виктор снова показал на себя.

— Ну ты и нахал! — Все, что я мог сказать ему.

— Вот увидишь в феврале! — пообещал Виктор.

— Конечно, — сказал я, — ты запомнил мои слова о самом популярном чемпионе мира!

— Запомнил, Романыч! И спасибо тебе за них!

После того рейса из аэропорта в Алма-Ату, если меня спрашивали о будущем чемпионе, то я отвечал:

— Этот вопрос лучше всего задать Косичкину — ведь он станет в Москве чемпионом мира!

...Перед последним забегом Виктор лежал в раздевалке бледный, синий какой-то, безвольный. Он ждал жеребьевки. Наконец Кудрявцев сообщил:

— Тебе повезло, Вить! После Грифта бежишь!

Он вскочил с раскладушки, подпрыгнул, замахал руками:

— Я — чемпион мира! Я — чемпион мира! Я победил в Москве!

Он считал, что дело сделано, а ему нужно было еще пробежать эти длинные, эти трудные, эти каторжные 25 кругов. Попробуй пробеги!

И он стал чемпионом мира, не выиграв ни одной дистанции. Он стал последним чемпионом мира из советских скороходов!

Он выступал еще четыре года. Чемпионом мира уже не становился. Были и поражения, и победы. Но его рекорд страны в марафоне держался до 1968 года — никто не мог даже приблизиться к нему.

— Ты уже взял из коробочки своего счастья все, что тебе предназначалось! — советовал я Косичкину. — Нужно уходить. Никто не вернет тебе Лужники 1962 года.

— Что ты хочешь этим сказать?

— У каждого, Вить, свое время! — повторил я.

Он ушел в 1966 году. Серьезно занялся учебой. Но я не видел более глубокой тоски по спорту, чем у него. И он не выдержал. Через два сезона, весной 1967 года, забыв спортивный закон — чемпионы не возвращаются! — закон неумолимый и, наверное, справедливый, он вернулся в спорт. После двух лет бездействия он устроил себе жесткий и изнурительный режим, тренировался самозабвенно. Уже летом по всем показателям превосходил членов сборной страны. Но случилось то, что не раз уже подводило Виктора: он весь выхолостился летом и не смог дотянуть до зимы. Лишь один раз вышел он на старт — в пасмурном осеннем Берлине. Стояла на редкость противная погода. Виктор бежал 3000 метров. Он показал результат хуже того, который был у него десять лет назад. Виктор не мог перенести этого. Вместо награды за трудолюбие и мужество судьба преподнесла ему обидное и глупое поражение.

После своего старта в Берлине он сказал мне:

— Романыч, ты был прав. Не надо было возвращаться в спорт. Ты предупреждал, как это нелегко. Я не верил. Думал просто побегать, но забыл, что я — Косичкин, что даже моих лучших результатов за все годы недостаточно, чтобы удержаться в лидерах. Но все же не жалею, что вернулся. Я считал себя непобежденным. Меня все время подстерегало сожаление: «А ведь еще могу!» Жил надеждой, что сильный, мо-

лодой, тридцатилетний, я могу вернуться и побеждать! Я даже не жил, отдалившись от спорта. А сейчас, испытав всю боль поражения, не испытываю досады. Только сейчас почувствовал, как надо жить дальше...

— Как же? — поинтересовался я.

— Буднично! — ответил Косичкин...

Почему из сотен знакомых скороходов, с которыми я встречался за четверть века в спорте, выбраны трое — Сергеев, Гончаренко и Косичкин? Трое, без преувеличения, выдающихся спортсменов — рекордсменов или чемпионов мира. Я говорю «или», потому что ни одному из этих троих не дано было стать одновременно и чемпионом и рекордсменом мира... Сергеев прославился как коллекционер рекордов, Гончаренко и Косичкин — как собиратели лавровых венков. Все трое разные. Но вот есть в них что-то общее. И оно-то заставило меня объединить три портрета в одну главу. Что я понимаю под этим общим? Их оригинальность? Разумеется. Их талант? Да! Их мужество? Конечно... Но все эти годы не могу освободиться от мысли, что и Сергеев, и Гончаренко, и даже Косичкин, когда они были на гребне успеха, когда весь мир считал их фаворитами, все же не свершили того, к чему были призваны, на что были способны.

Сергееву не хватило трезвости в оценке соперников, его подвели надменный характер и самоуспокоенность; Гончаренко не сумел осмыслить свой талант, скромность не позволила ему рискнуть: в общем-то остался доволен всем, чего достиг; Косичкин, тот наоборот, — как азартный игрок, одержимо лез по ступенькам славы, дерзновенно шел папролом, выхолащивал себя в экспериментах, не желая понять, что сила человеческая свой предел имеет...

Возможно, я ошибаюсь.

или рассказ о том, как Валерий Муратов выработывал характер и не захотел стать наблюдателем при распределении медалей

В октябре 1972 года в Свердловск на тренировки сборной СССР приехал обозреватель «Советского спорта» и попросил написать о подготовке спринтеров к Олимпиаде. До Саппоро оставалось 90 дней, я не имел никакой информации о тренировках сильнейших спринтеров мира и, естественно, отказался писать:

— Что можно говорить сейчас? Спринт — это лотерея! А ты хочешь, чтобы я уже в октябре выдавал векселя. Не будь я старшим тренером сборной страны — разговор состоялся бы, а так, извини...

— Не ожидал от тебя, Евгений Романович! — сказал журналист. — Командировку придется отнести на твой счет: возвращаться в редакцию без твоей статьи не имею права...

Всю ночь я сидел в гостинице «Большой Урал» и наутро написал-таки обозрение «Победа, спрятанная в сопках Хоккайдо».

Статью напечатали 12 ноября. Я говорил

в ней о том, что до Олимпиады остается слишком мало дней, а забот почему-то с каждым днем не убавляется. Спринтеры и во сне видят спринт. Тот спринт, который спрятался за семью метелями и вулканическими сопками Хоккайдо. К этому спринту, к этим 38 с десятymi или сотыми долями секунды спортсмены шли четыре года. Шли многие. А победить должен один. Я-то уж знаю, что такое участь спринтера! Это скорость и отчаяние, это целый мир, где одна проигранная доля секунды зачеркивает твое вдохновенное «я». А победа, спрятанная в сопках Хоккайдо за иссиня-фиолетовыми волнами Великого океана, победа кого-то ждала... Кого?

На Олимпиаде в Саппоро спринт ожидался качественно новым. Никогда еще в истории зимних игр не было столько классных спринтеров. Шведы Хассе Бёррес и Уве Кёниг, чемпион Гренобльской олимпиады Эрхард Келлер из ФРГ, японцы Такаюки Хида, братья Кейити и Масака Судзуки, советский атлет Валерий Муратов. По крайней мере, трое из этой семерки имели одинаковые шансы на успех.

Почему в спринте за последние три года перед Олимпиадой в Саппоро произошел такой качественный скачок, отчего мой последний рекорд (39,5) держался незыблемым пять лет, а в 1970 году в таблицу мировых достижений вносилось восемь поправок? И где? В спринте, где каждая сотая на вес золота!

Думается, скачок этот произошел из-за введения чемпионатов по спринтерскому многоборью, который проводит Международный союз конькобежцев. Раньше спринтеры были в опале: оставалось место в команде — спринтеров брали на чемпионаты мира и Европы, хватало многоборцев — спринтеров в запас! И приходилось многим выступать по-настоящему лишь раз в четыре года — на Олимпиадах. Учреждение мирового турнира по спринту подхлестнуло всех. Когда кто-нибудь из нас слышал о спринтерах Швеции? Испокон веков предста-

вители этой страны отличались на длинных дистанциях. И вдруг два великолепных специалиста бега на самой короткой дистанции — Хассе Бёррес и Уве Кёниг...

И то, что советский спринтер Валерий Муратов открыл список чемпионов мира — правда, неофициальных — по спринтерскому многоборью, никогда не забудется.

Муратов, бесспорно, личность в нашем спорте, человек он своеобразный, серьезный. В юном возрасте войдя в сборную страны, он не утратил своей самобытности. Внимательно прислушиваясь к советам старших, Муратов все переосмысливал. И если он с чем-то не соглашался, никакая сила не могла заставить его сделать что-то против собственной воли.

Став в 1970 году чемпионом ИСУ, Валерий решил повторить всю программу тренировок, готовясь к новому сезону. Мы, тренеры, доказывали Муратову: диалектика жизни состоит в том, что новых успехов не будет, если только повторять предыдущую работу. Валерий слушал нас скептически. Не могу сказать, чтобы он ленился, но на выработку специальных качеств Валерий шел со скрипом... А итог вы знаете — шестое место в Инцеле на первенстве Международного союза конькобежцев 1971 года.

К Олимпиаде 1972 года Муратов начал готовиться сразу же по окончании зимнего сезона 1971 года. Поражение в Инцеле отрезвило его. И без того серьезный, он стал еще более требовательным к себе. Он готовился к бою, настраивался на победу — не забывал, что тех же Бёрреса и Кёнига он обыгрывал неоднократно.

Эрхард Келлер в Саппоро хотел повторить свой гребельский успех. Помню, как совсем мальчишкой этот будущий врач-дантист пытался штурмовать рубеж 40 секунд, помню, как на моих глазах он превзошел мой рекорд, и я был бессилен ему противостоять. А потом... перелом ноги у Эрхарда. Травма тяжелейшая. И вы-

нужденный перерыв в тренировках, бездействие. Время безжалостно уходило вперед. Бёррес, Муратов и Судзуки уже разменяли 39 секунд. На Келлера эти сообщения действовали только ободряюще. Он не думал впадать в пессимизм и гадать, сумеет ли догнать быстрее-ших. Он был очень талантлив, очень верил в себя и поэтому говорил: «Смогу! Но я не собираюсь догонять. Моя цель — перегнать!»

И он выполнил свое обещание. Вторым после Муратова чемпионом ИСУ стал он, Келлер. В 1971 году, еще не войдя в лучшую форму, Келлер приехал на чемпионат мира по классическому многоборью в Гётеборг и вел телевизионные репортажи... А раз Келлер отказался от борьбы за золотую медаль чемпиона мира на любимой дистанции, многие перестали считать его главным соперником и в спринтерском многоборье. Не принимали и мы всерьез Келлера. Но это был тактический ход чемпиона. Муратов и я случайно увидели его тренировку в Инцеле за пять дней до чемпионата и поняли — победит он.

В Инцеле мы разговаривали с Келлером. Меня интересовало, как он искал путь к победе над шведами. Эрхард признался:

— Бёррес так силен физически, что, сколько бы я ни старался, мне с ним не сравняться. Поиск шел в области техники. Пришлось низко сесть, учиться отталкиваться в сторону по ходу, причем успевать отталкиваться не назад, как большинство конькобежцев мира, а именно в сторону.

К словам Келлера нельзя было не прислушаться. Он смог бежать лучше, чем Бёррес. А нам, советским спринтерам, необходимо было бежать быстрее, чем он. И путь к победе мы должны искать свой — мы ведь не могли сбрасывать со счетов, что наши основные соперники оставались быстрее нас (Келлер пробегал летом 100 метров за 10,5 секунды, американец Блетчфорд —

за 10,2, Бёррес — за 10,3)! Да, наши ребята уступали в скорости... Техника? Это вопрос сложный. Я глубоко убежден, что советская школа спринта, школа, созданная Кудрявцевым, усовершенствованная Сергеевым, — лучшая в мире.

Я уже не один год работаю тренером сборной по спринту и вынужден с горечью констатировать: нам приходится переучивать почти всех спринтеров, приходящих к нам. Не удивляйтесь: и чемпион мира Сафронов и мировой рекордсмен Куликов пришли в сборную страны не овладев даже элементарными техническими навыками.

Почему тренеры, работающие с детьми, так невнимательны к технике? Я разговаривал с ними.

— Как вы готовите своих спринтеров?

— А мы их и не готовим! — был ответ.

— Как же так?

— А сам ты выучил хоть одного второразрядника?

Я действительно не подготовил ни одного второразрядника. Почти до 40 лет бегал сам. И еще бегая, стал тренером сборной. Меня считали приличным экспертом по технике. Конечно, я понимал, что быть экспертом по технике еще не значит быть тренером! Но руководство считало, что мне можно доверить подготовку спринтеров к Олимпиаде... Вернемся к разговору о спринте, который ждал нас в Саппоро.

Думаю, характеристику Келлеру я дал исчерпывающую. Попытаюсь нарисовать портрет шведа Хассе Бёрреса. Этого спортсмена я впервые увидел в 1970 году в Медео. Он поразил меня сразу же, в метель показав выдающийся результат. Но я насчитал у него массу погрешностей в технике и сказал товарищам:

— Этот человек выбежит из 38 секунд. Он бы и сегодня это сделал. Но, на его беду, он просто не умеет бегать — использует только свои выдающиеся качества.

После забега взволнованный Бёррес попросил, чтобы его познакомили со мной. Я поздравил Хассе с успехом, он смутился:

— Вы мне не можете помочь в технике? Я понимаю, что бегу неправильно. А как надо — не знаю.

— Но ты же быстро бегаешь! Стоит ли менять технику? — ответил я.

— Я бегу быстро, но неправильно. Вы бежали спокойно, не цеплялись за лед. Технику, технику мне надо!

Говорили мы со шведским спринтером несколько часов. Меня подкупило его искреннее желание стать не просто тренером, а тренером высочайшей квалификации. В 20 лет мало кто из спортсменов задумывался о будущем так серьезно, как этот шведский юноша.

Таковы сегодняшние спринтеры... Каждый из них искал ключи к победе, спрятанные в сопках Хоккайдо. К этой победе, к этим 39 секундам они шли четыре года... Шли и надеялись, но знали, что победит все-таки один.

Кто?

Задавая этот вопрос читателям «Советского спорта», я одновременно задавал его себе. Так уж получилось: слово — не воробей, вылетело — не поймаешь. Назвав в статье трех кандидатов на медали, я поставил себя, тренера Муратова, в сложное положение. Отступить было некуда, на самый худой конец годилась бронзовая медаль. А если бы Валерий занял четвертое место, то с меня спросили бы по первое число. И руководство конькобежной федерации было бы право: «Зачем публично обещать?» Правда, у меня хватило осторожности не расставить в статье Муратова, Келлера и Бёрреса по ступенькам пьедестала.

С осени мы договорились с Муратовым: наблюдателями при распределении медалей в Саппоро быть не хотим. Попытаемся попасть в призеры. Поэтому сразу же — с «Турне четырех катков» — заявим о себе во весь

голос, постараемся улучшить всесоюзный рекорд в спринте и многоборье, покажем всем быстрейшим на земном шаре, что уроки прошлого не прошли даром, что мы способны выдержать любую погоню. С такими мыслями мы и уезжали на состязания в Инцель, Инсбрук, Давос и Кортина д'Ампеццо.

Предстояло чудеснейшее турне по горным и полугорным каткам, где всегда светило солнце, где лед казался маслянистым и скользким, где на термометре было до 20 градусов тепла. О таких условиях для состязаний и тренировок мы не смели даже мечтать, когда жили в Москве, холодной, выстуженной. В те дни морозы были за 30 градусов, и скороходы не осмеливались выходить на лед, чтобы не получить воспаления легких.

Улетая из Шереметьева, дал себе слово: регулярно вести дневник. Сколько раз до этого начинал я эти дневники и почти никогда не доводил до конца: заботы... Ведь кроме обязанностей тренера на мне хозяйственные дела: я одновременно и руководитель делегации. А гостиницы, обеды, организация досуга...

Однако главная мысль — как и в каких соревнованиях Муратову заявить о себе? Важно, с одной стороны, не спугнуть соперников, а с другой — заставить их остерегаться Валерия.

Удалось ли нам справиться с такой задачей? Поищем ответ в моем дневнике. Новогодняя ночь 1972 года. Инцель. Тихий провинциальный городок. Можно даже сказать, большая деревня. Но язык не поворачивается произнести эти слова, помня, что Инцель — идеальная фабрика мировых рекордов по конькам.

Первый день Нового года встречает нас шумом. Валерий и я переглядываемся: проспали Новый год! Вот какие у нас нервы! А Новый год уже пришел в Европу, и что он нам готовит, високосный олимпийский год, год тревоги нашей?

Улочки полны народу, в воздух взмывают ракеты, рвутся петарды.

Мы попытались уехать из города в горы, но обстоятельства заставили нас отказаться от экскурсии: шоссе было забито автомашинами, туристов понаехало больше, чем в прошлом году на первенство Международного союза конькобежцев. А ведь предстояли рядовые соревнования спринтеров! Если можно назвать рядовыми состязания, в которых участвуют одновременно Келлер, Бёррес и Муратов... Правда, не приехали американцы и японцы. Не спешили открывать своих карт голландцы, но последних в расчет никто не брал: сильных спринтеров в стране тюльпанов отродясь еще не было.

Воскресенье стало праздником для скороходов — Келлер установил новый мировой рекорд на 500 метров — 38,30! Непостижимо! Ведь еще вчера Эрхард упал на пятисотке! Но какова сила воли! Каково умение собраться! Пытаюсь ненавязчиво «подзавести» Муратова:

— Падая и вставая, Келлер растет!

Валерий, как всегда, поглощен своими мыслями и бросает лишь коротко:

— Феномен!

— Что нового в Келлере образца 1972 года? — Я, как клещ, впивался в Муратова: очень важно его мнение. Заметил ли чемпион СССР качественно новое в стиле бега Келлера?

— При высоком темпе бег немца очень накатист. Всю дистанцию Эрхард бежит на одном дыхании — мощно, быстро, непринужденно, — вслух размышляет Валерий. — Но кроме Келлера появились еще конкуренты... — В голосе его, однако, не было озабоченности.

— Это еще кто? — спрашиваю.

— Финны — Линковеси, Хяннинен, — Муратов показывает протокол, где значится, что победителем первого дня стал Линковеси. — Откуда он взялся? Начинает бег, как реактивный самолет, старт у него похле-

ще, чем у американцев. Если научится выдерживать темп до конца, станет мировым рекордсменом... Интересно, как я пробегу с ним на тысяче метров?

В самом деле — любопытно...

Бег Муратова и Линковеси был забавным. Финн так рванулся со старта, что Муратов опешил: и отпускать не хотел, и вместе с тем чувствовал — до конца не выдержать! Валерий решил не уступать и ошибся: забил себе клин в дыхании на первой половине пути, кое-как финишировал... А финн хоть и отстал, но записал в свой актив хороший результат.

Кто же такой этот Линковеси? Тренер сборной Финляндии Пентти Пелтопера рассказал историю его жизни — историю, очень похожую на сказочную.

... Жил-был в небольшой лапландской деревушке паренек. Семья его считалась бедной. Долгое время Линковеси не мог найти подходящую работу. Конечно же, у него не было времени заниматься спортом! Кто его научил кататься на коньках — неизвестно. Известно другое. Как только тренер сборной страны случайно увидел Лео Линковеси на дорожке, он сразу понял: талантище!

Лео бежал обув ботинки с коньками на босу ногу. После забега пятки его стерлись до крови, но молодой крестьянин не обращал на раны никакого внимания. «Зато хорошо чувствовал лед!» — сказал он. Самобытность Линковеси поражала. Как мог в лапландской глуши вырасти такой оригинальный спортсмен? Пелтопера был реалистом и понимал, что за оставшиеся считанные месяцы до Олимпийских игр из Линковеси вряд ли удастся сделать спринтера международного класса. Но он ошибся. Уже первые ноябрьские старты Лео внушили надежду. Он бежал стабильно, разменяв 40 секунд. Во всех соревнованиях попадал в призеры.

Никто из специалистов, видевших Линковеси, не верил, что он только-только начал заниматься конька-

ми. И конечно же, никто не мог знать, что Линковеси в 1971 году впервые увидел пароход и самолет... Пелтоперя понимал, что объем информации, калейдоскоп встреч и впечатлений должен захлестнуть новичка, нужна «акклиматизация», привычка к городской жизни, урбанизации — словом, нужно время, чтобы из лапландца получился «нормальный цивилизованный, по выражению Пелтопери, человек XX века».

Я так подробно остановился на рассказе о Линковеси потому, что буквально через неделю финн перевернул представление о пределе человеческих возможностей: 8 января 1972 года на льду высокогорного катка в Давосе финн пронесся пятисотку за 38,0. В этот результат никто не верил: «Возможно ли? И кто? Новичок!» Что за эпоха наступила в спринте? Ты, бывало, тренировался годы, десятилетия, чтобы сбросить десятую долю секунды, а этот румяный финн за один неполный сезон выигрывает у всех спринтеров мира и устанавливает фантастический рекорд!

Советские спринтеры, к сожалению, в Давос не попали: произошло недоразумение с визами. И пока на идеальном льду переписывалась таблица мировых рекордов, мы сидели сложа руки в Инсбруке. Причем я поначалу скрыл от Муратова сообщение о рекорде финна: хотел морально подготовить своего ученика.

— Какой результат можно показать в солнечную погоду в Давосе? — спросил Валерия как бы невзначай.

— Порядка 38,0 — ответил он.

— Неужели это реально? — старался скрыть удивление. Мне приятно, что Муратов не терял трезвости в оценке возможностей своих соперников. — А кто способен так пробежать?

— Келлер, Бёррес, Кёниг и этот новоявленный финн Лео.

— Ты угадал, Валер! Линковеси показал в Давосе 38,0, — торжественно сообщил я.

— Они там состязаются, а мы чего-то ждем, — неожиданно вскипел Муратов.

— Спокойно! Вспомним, каковы были наши планы. На первом этапе дать бой всем, кроме Келлера. Пока мы с этой задачей справились. А то, что мировой рекорд у Линковеси, не должно нас пугать. Уверен: и ты пробежал бы не хуже, окажись в Давосе... Не забывай — сезон олимпийский, как никогда, длинный. А Линковеси не может удивлять бесконечно. Он еще ни разу не летал на самолете, вот-вот легендарный Лео узнает, что у спортсмена бывают нервы... Мировой рекорд должен сковать его... Ты знаешь, меня сегодня вызвала Москва. «Советский спорт» попросил прокомментировать наше житье-бытье. И я сказал, что ты обязательно побьешь рекорд СССР на состязаниях в Кортина д'Ампеццо!

— Ведь вы же обещали не обещать!

— Не сдержался. Я слишком верю в тебя! — На этом и закончили разговор.

По дороге в Кортина д'Ампеццо только и было разговоров что о рекордах в Давосе. Нам, людям много повидавшим на своем конькобежном веку, не терпелось посмотреть новых фаворитов на льду. Увидеть, встретиться лицом к лицу — оценить по-настоящему!

Итальянские корреспонденты просили прокомментировать достижение Линковеси. Отшучивался: «Такие секунды в комментариях не нуждаются». Отшучивался на людях, а когда оставался наедине с собой, удивлялся: «Да, я был свидетелем, как Келлер несколько дней назад промчался за 38,3. В его беге не было ни одного изъяна. Или я уже ничего не понимаю в коньках, или из меня никудышный эксперт по технике конькобежного спринта, но я не обнаружил ни малейшей ошибки... Так как же нужно было бежать, чтобы выиграть у Келлера не сотую, а три десятых секунды? Какие должны быть условия — лед, погода, ветер?.. Как все фан-

тастически должно было сойтись и прийти на помощь тому, кто отважится рвануться к «звуковому» барьеру в 38 секунд?»

За день перед стартом мы провели настройку. Погода в Кортине стояла отличная. Лед изумительный, пожалуй, даже лучше, чем в Инцеле. Должен сказать для тех, кто не знает: каток в Кортине — новый, не тот, на котором проводились Олимпийские игры в 1956 году. Тогда мы состязались на льдине озера Мизурина. А сегодня лед заливается в городе, в живописном месте, у подножия высокой скалы... Погода здесь, как правило, хорошая. А солнце иногда даже мешает.

Во время тренировки появились на льду ставшие знаменитыми финские спринтеры. Поздравили их и услышали в ответ: «Давос — это фантастика». Идя с катка, повстречали шведа Граната, тоже именинника Давоса. Шел понурый, говорит, что заболел. А на самом деле делал вид, что ему нездоровится, хитрил, понимая, что лед в Кортине уступал давосскому, что здесь никому не удастся приблизиться к рекордам... И чтобы не ставить секунды Давоса под сомнение, все спринтеры, не сговариваясь, жаловались на нездоровье. Словно дети...

На последних занятиях мне Муратов понравился — пара входов в повороты у него получилась отличная. Если он так же будет бежать и на соревнованиях, то может никому не проиграть. А это очень важно, ибо предстоял последний перед Олимпиадой старт, в котором принимали участие все сильнейшие спринтеры планеты. Соревнования эти называют здесь малой Олимпиадой. Простим красоту названия, но согласимся все-таки с его смыслом.

Утром 11 января 1972 года погода была удивительная. Для всех, кроме конькобежцев. Тепло, безветренно. Если бы организаторы состязаний перенесли старт с 13 часов на 11, можно было бы ждать, что какой-нибудь

смельчак разменяет 38 секунд. А смельчаков было достаточно.

Обстановка царила нервная. Келлер попал в одну пару с финном Хянниненом. На Келлера страшно было смотреть — бледный как полотно. Он решил доказать, что ему нет равных, что лучший результат сезона и звание неофициального мирового рекордсмена лишь случайно принадлежат финну Линковеси, что если бы сам Келлер был в Давосе, он никому не уступил бы первенства. Вид у Келлера был решительный. Можно понять олимпийского чемпиона. Полтора месяца назад, когда я впервые в этом сезоне увидел Келлера, он уже соревновался вовсю. Сегодня он выигрывал в Инцеле, завтра в Голландии боролся за приз «Золотые коньки», потом летел в Скандинавию... Снова возвращался в Инцель...

У советских спринтеров еще не закончился тренировочный период, а Келлер уже наращивал результаты в соревнованиях. Когда он узнал, что Хяннинен в ноябре показал 39 секунд, не смутился: «Пусть себе показывает и лучше 39, а я пока выступлю на 3000 метров, а потом на полуторке...» И лишь когда финны в четвертый раз подтвердили отличные секунды, Келлер принял вызов и сразу же поставил себя на первое место. И не удивительно — у олимпийского чемпиона техника отточена, как в конце сезона. У него нет слабых мест. Он по праву считает себя первым, он разрешает себе пропустить состязания в Давосе, уверенный, что никто не побьет его мирового рекорда, и вдруг... Взрыв! Бомба! 38,0! И кто? Финн Линковеси! Человек, который, правда, бежит как машина, но в стиле бега которого сотни технических изъянов, тех недостатков, которые обязательно должны когда-нибудь сказаться.

Итак, задача Келлера — доказать, что ему не было и нет равных. Он хотел, чтобы именно таким его запомнили все едущие на Олимпиаду в Саппоро.

Задача финна Хянинена, бегущего в паре с Келлером, — выиграть и тем самым убедить всех, что 38,4, показанные в Давосе, не случайность, а закономерный результат. По гимнастике, которую проделывал Хянинен перед состязаниями, было видно, как много внимания уделяет финн чистому спринту. Очевидно, и летом делал только те легкоатлетические упражнения, которые помогают вырабатывать скорость. Катался Хянинен мало, в основном лишь ускорялся, руками не работал. Вся его тактика — это взрыв. Темп, темп, темп! Темп колоссальный.

Легче всего, казалось, было Валерию Муратову. Ему ничего не требовалось доказывать — он не ходил в фаворитах. Почти со всеми спринтерами мира он встречался. Побеждал и проигрывал. Но со всеми он встречался по отдельности, каждый раз попадая в разные погодные условия. Состояние льда никогда не бывает похожим...

И вот теперь, когда в Кортине собрались все сильнейшие, Муратов обязан был продемонстрировать все, чего он достиг. Надо выигрывать! После этого дня он увидит всех быстрее лишь в олимпийской деревне и встретится с ними лишь на льду «Макоманаи». Так пусть они, быстрее, разъехавшись, вспоминают о нем, и боятся его, и в первую очередь его принимают в расчет...

... Муратов отлично взял разгон. Еще бы вот так, без ошибок, пробежать 400 метров — и будет рекорд страны! Еще бы преодолеть эти четыреста томительных и трудных метров.

Выдержал. Смог. Победил. Показал 38,50! Рекорд! Всего лишь всесоюзный. Ровно на секунду лучше, чем был когда-то мой мировой.

Ну и время! Ну и поездка! Инцель, Инсбрук, Кортин д'Ампеццо... Во всех этих городах я выступал как спортсмен и вот теперь побывал в них как тренер. При-

знаюсь, часто бывало грустно. Вспоминалась юность... Двадцать пять лет, отданные спорту, прошли как во сне... Увидел Келлера другими глазами — сейчас он царь и бог в спринте, а когда-то... Его первые неуклюжие шаги были на моих глазах. Он лишь по праздникам выбегал из 40 секунд, а сегодня — 38,00! Это уже совершенно другой спринт — не тот, которым занимался я.

Я уже начал рассказывать, как Валерий Муратов проявил характер и побил всесоюзный рекорд. Но необходимы некоторые дополнения, без которых трудно понять становление Муратова-бойца.

Валерий отлично провел летнюю подготовку, вкачивание. Уже в ноябрьском Свердловске он пробежал за 39,9. А потом в тяжелую погоду — в дождь, на сильном ветрище — в Берлине показал 41,5. Для той нелегкой погоды это был отменный результат. Но главное — сам стиль бега. Он был потрясающим. Это не только мое мнение, это отметили все специалисты. Конечно же, понял это и Муратов. Он подумал: «Все нормально!» — и несколько успокоился. Вообще это в стиле Муратова — быть довольным собой...

Мне все время надо было помнить об этом и тормозить Валерия. Устраивать своеобразные «провокации»: рассказывать разные случаи из жизни, задавать Муратову вопросы типа: «А почему Юрий Сергеев не стал олимпийским чемпионом?» Муратов понимал смысл подобных вопросов и часто обижался, прекращал разговор... Но уж такова моя тренерская обязанность — будоражить спортсмена, не давая успокоиться.

Итак, у нас еще шел период тренировочных забегов, когда в Инцеле появился Келлер. Олимпийский чемпион был в самой боевой форме и хотел продемонстрировать ее Валерию. Первая попытка — падение. Перебежка — 39,78. Чем ответит Валерий? Он получает строжайшее указание — не рваться, не форсировать

форму, не отвечать на вызов Келлера. Муратов выполнил тренерскую установку — чистенько прошел дистанцию и отстал от немца лишь на восемь сотых. Нас это вполне устраивало. Восемь сотых вроде бы маловато. Но Муратов самокритично отметил, что Келлер во многом превосходит его и, самое главное, не имеет слабых мест, в то время как рекордсмен и чемпион СССР по-прежнему очень скован на первой сотке.

Ко всем перечисленным выше достоинствам Келлера надо отнести еще и его незаурядное мужество. Ведь после того, как Келлер сломал ногу, врачи, сняв гипс, строго-настрого запретили Эрхарду заниматься спортом: больная нога была наполовину высохшей, правая нога оказалась короче левой, мало того — она срослась под углом наружу в шесть градусов. Техника старта, которую Келлер использовал, побеждая Гришина, теперь не подходила, чтобы одержать верх над Муратовым. Пришлось лезвие конька на ботинке переместить внутрь. Но здесь Келлер столкнулся с новой неприятностью — теперь лед стал гораздо чаще «бить» по ахиллесову сухожилию другой ноги.

Келлер не отчаивался — то, чего он раньше достигал за счет техники и таланта, теперь приходило лишь после напряженной, можно сказать, титанической тренировки.

— Первые тридцать метров я преодолеваю как легкоатлет, — признавался Эрхард, — и только потом перехожу в фазу скольжения.

По свидетельству тренера Херберта Хёфля, «этого не выдержал бы никто другой. Скороход должен расходовать на этом отрезке слишком много кислорода».

Так почему же Келлер научился выдерживать? Я ознакомился с его тренировками. Оказывается, в марте и апреле, когда все скороходы предпочитали отдыхать, Келлер уже готовился к следующему сезону: занимался по три раза в неделю, с мая он тренировался

ежедневно, в его программе значился обязательный велотур протяженностью в 600 километров по шести горным альпийским перевалам.

Врач Келлера говорил мне, что хотя Эрхард и окреп физически, но еще не обрел боевой формы — правая нога по-прежнему остается слабее, при тренировке старта у олимпийского чемпиона болит бедро, он вынужден работать осторожно, дабы вновь не разорвать мышцы.

Самоотреченность Келлера вызывала удивление: «Человек сам переделывает себя!» Он научился бегать, как американские спринтеры. Увеличение физической силы позволило Эрхарду делать короткие шаги, а это, естественно, вело к увеличению скорости. В Гренобле, став олимпийским чемпионом, Келлер сделал 74 шага на 500 метрах и написал книгу «74 шага к победе». В 1972 году ему хватало этих шагов, чтобы промчаться лишь 400 метров, до выхода из последнего поворота.

— Но это в первоклассных условиях, — пояснял Келлер. — А при шероховатой поверхности я должен бежать еще чаще. У рекордов — короткие ноги.

Прекрасный афоризм!

Теперь, когда мы обстоятельно познакомились с технической характеристикой спринтера Келлера, вернемся к психологическому анализу предыстории его поединка с Муратовым.

Первую психологическую атаку на Валерия рекордсмен мира провел еще 26 декабря. У Келлера было 39,10, у Муратова — 39,26. 27 декабря Эрхард и Валерий встретились лицом к лицу — в одной паре.

— Не обращай внимания на него. Беги, ориентируясь лишь на свое самочувствие. У вас разные дорожки! — напутствовал я своего подопечного. 39,13 — это результат Келлера. Муратов значительно уступил — 39,74. Много? Очень много? Повод для отчаяния? Ни в коем случае. До олимпийского старта еще полтора ме-

сяца, нельзя растрачивать себя на второстепенных состязаниях.

Интерес Келлера к Муратову не мог обмануть меня. Немец честно признавался:

— Не считаю финнов основными конкурентами.

Келлер предполагал, что они выдохнутся до Олимпиады. А вот система подготовки советского чемпиона очень интересовала победителя Гренобльской олимпиады. Выяснилось, что оба спринтера — победитель первого чемпионата ИСУ Муратов и золотой медалист второго первенства ИСУ Келлер — тренировались в общем-то одинаково, планируя пик формы именно на первую неделю февраля — на Олимпиаду...

Келлер внимательно приглядывался к Муратову, но от Валерия многого не узнаешь: он молчалив, делиться сомнениями не любит, а тем более с главным своим соперником.

А Келлер ходил вокруг да около... Забегая вперед, скажу, что из восьми стартов в турне спринтеров олимпийский чемпион в трех падал, а в двух имел неприятные сбои. Это свидетельствовало о его нервозности.

А теперь перенесемся в Италию, в Кортина д'Ампеццо, в тот самый день, когда Муратов уже почувствовал себя готовым принять вызов олимпийского чемпиона... Муратов стартовал в седьмой паре. Начало бега было относительно спокойным, а финиш рекордным. 38,5!

Келлер приложил все усилия, чтобы улучшить результат Муратова, но ему удалось остановить секундомеры лишь на 38,6. Это — второй результат дня.

Уверен, что Валерий одержал очень важную победу над Келлером. Победу, прежде всего, психологическую.

То, что произошло на следующей дистанции, ни в коей мере не зачеркивает моего утверждения.

В четвертой паре лицом к лицу встретились Келлер и Муратов, два лидера после первой дистанции. В этом

забеге Валерий дважды дарил победу Келлеру. Первый раз это произошло на старте. Когда прозвучал выстрел, Муратов помчался вперед, а Келлер зазевался и остался стоять на месте, рассчитывая, что стартер вернет Муратова. Келлер думал, что у Муратова фальстарт. Но судья спокойно проводил взглядом удаляющуюся фигуру Валерия. Келлеру грозило снятие с дистанции, и вдруг... Муратов остановился и повернул назад. Я остолбенел. Если сейчас не раздастся выстрел стартера, то Муратова тоже снимут с дистанции и рухнут надежды на установление рекорда по спринтерскому многоборью... На наше счастье, стартер растерялся.

Радостно вздохнул Келлер, у меня отлегло от сердца. А Муратов спокойно встал к линии. Он только потом, когда я ругал его, понял, что могло произойти...

«Джентльменство» Валерия могло дорого стоить ему.

Новый старт. Муратов начал резво (17,4 на 200 метров), круг он пролетел за 29,8, явно выигрывая у Келлера. Заканчивать предстояло по малой дорожке. И на последней переходной прямой, уверенный, что выиграш уже у него в кармане, Муратов успокоился, он даже не сбросил руки, а в это время мимо него пулей пролетел, отчаянно размахивая руками, олимпийский чемпион. Три сотых уступил ему Валерий... Он проиграл из-за своей самоуверенности. В решающем забеге, когда надо было быть собранным, Муратов слишком поздно начал спурт, лишь за 20 метров до финиша сбросил со спины руку. Но было поздно...

Турне спринтеров по каткам Инцеля, Инсбрука и Кортины было полезным. За эти дни мы попытались найти слабые места, казалось бы, у непобедимых Келлера, Кёнига, Линковеси, Хянинена, Блечфорда, Бёрьеса... А они, эти слабые места, у всех у них были.

Через двадцать три дня Муратов завоевал бронзовую медаль на Олимпийских играх. Он уступил лишь

Келлеру и Бёрьесу. Это был большой успех Валерия, ему присвоили звание заслуженного мастера спорта. Поздравляя своего ученика с первой олимпийской медалью, я не удержался и прочитал нотацію:

— Ты был способен на большее, но растерялся. Трезвая оценка своих недостатков помогла тебе сделать Саппоро непохожим на Гренобль. А честное переосмысление завоеванного в Японии должно помочь тебе подготовиться к 1976 году. И учти: спринт в Инсбруке будет качественно иным. Так что готовься! А свои соображения изложи, будь добр, в письменном виде.

Муратов был вне себя от радости. Когда он принес мне письменный анализ нашей совместной работы, я с удовлетворением отметил глубокое понимание спринта моим первым и лучшим учеником. Впрочем, почитайте сами. Привожу заметки Валерия Муратова в полном виде. Они любопытны еще и тем, что вводят читателей в творческую лабораторию ученика и тренера. Итак:

«В 1971 году, когда я вернулся с первенства Международного союза конькобежцев по спринту, имея в активе лишь 6-е место, мой тренер сказал: «Из Саппоро ты прилетишь с медалью».

Хотелось в это верить, но... Как вспомню про неудачи предолимпийского сезона, становится жутко. Шестое место! Шестое место в тех соревнованиях, где год назад ты был первым! Почему случилась осечка? Кто виноват?

Долго анализировал с Гришиным планы, дневники, вспоминали работу, сравнивали старты двух последних лет. Сравнивали и убеждались — наш план был верным. Но чего же не хватило? Самочувствие и работоспособность были на уровне прошлого года, а вот не хватило скоростных качеств, — видимо, мало было скоростных тренировок летом и в начале сезона на льду.

Одна из причин, не позволивших мне выполнить план полностью, — это отсутствие условий для скорост-

ной работы на льду: то мороз, то оттепель, катка высокогорного в тот год не было, в Инцель я не ездил, на турнир четырех катков мы не попали...

Была и другая причина: я не выполнил всех пунктов плана, а Гришин не очень настаивал на целесообразности именно его плана спринтерской подготовки.

Значит, тренер виноват...

Тренер виноват... А сам я что, мальчик? Почему Гришин должен быть при мне нянькой? Ведь мне уже ни мало ни много 25 лет. Гришин в эти годы уже имел две золотые олимпийские медали. И когда случалось проигрывать, он не валил вину на Кудрявцева. Отличительное качество спортсмена — самостоятельность. Если спортсмен уверен в своей правоте, он должен спорить, доказывать.

«Значит,— сказал я себе после поражения,— если ты хочешь всерьез думать о медали в Саппоро, надо пересмотреть свои отношения с тренером: или поверить ему, или с ним расстаться». Еще раз проанализировал совместную работу. Каким я попал к Гришину? Да, я успел к тому времени наслушаться различных советов: и Лысенко, своего первого тренера, и Кузьмина, который потом принял шефство надо мной, и Орлова, который перед Греноблем руководил моей подготовкой.

Как я работал с Орловым? Честно выполнял огромную работу, настолько объемную, что отходил от перегрузок лишь в марте. Работа эта мешала в январе и феврале показывать спринтерский бег. Движения были какими-то вялыми. Я ехал, а не бежал. Никакого азарта не чувствовалось. С Орловым мы тренировались больше, чем многоборцы. Я верил тренеру и не задавал себе вопроса: «А зачем я тренируюсь так? Мне ведь 500 метров бежать, а не 10 километров!»

Приглядывался к Гришину, который самоотверженно готовился к Греноблю. Этот 37-летний человек выполнял совершенно другую работу. Упражнения, им

самим придуманные, были направлены на развитие быстроты — качества, без которого нет спринтера, и силы — опять-таки качества обязательного и необходимого.

За несколько дней до Олимпиады в Гренобле я из пяти стартов в пяти упал и лишь в шестом устоял. Гришин, хоть и был моим соперником, подошел и объяснил причины ошибок. Но я, в то время молодой и, конечно же, самоуверенный, не очень к его советам прислушивался. А зря. Они были от чистого сердца...

На следующий год — 1969-й — у меня фактически не оказалось тренера: связь с Орловым нарушилась, работа с В. Кузьминым — коломенским тренером — как-то не восстанавливалась.

К 1970 году у меня появилось сразу два тренера: В. Кузьмин и Е. Гришин. Собственно, с этого времени и началась моя целенаправленная подготовка к Олимпиаде в Саппоро. План, который мы уже тогда составили на 1972 год, решили опробовать в 1970-м. А главный экзамен был, разумеется, на катке Уэст-Аллиса, на первом чемпионате мира по спринту. Фактически подготовка к Саппоро заняла у нас три зимних и два летних сезона.

Когда мне удалось завоевать лавровый венок, я решил: «Все! Стою на правильном пути. Можно годочек передохнуть». И в 1971 году не пошел на план спринтерской работы, предложенный Гришиным (выполнил его лишь на 60 процентов).

Гришин видел, что я с ним не согласен, но особенно не настаивал на пунктуальности. Итог недоверия известен — весь сезон 1971 года пошел насмарку, хотя я и стал в очередной раз чемпионом страны, но оба международных старта проиграл (а два старта на мировой арене за весь сезон — это очень и очень мало)...

И вот в минуту, когда жизнь заставила меня переосмыслить свой путь в спринте, я понял: Гришин при-

учает меня к самостоятельности. С Гришиным легко работать спортсмену, который сам является зрелым мастером. Тренер все понимает с полуслова, у Евгения Романовича отменная интуиция. Теперь понятно, почему он не очень настаивал на безукоснительном выполнении всех пунктов своего плана. Он просто хотел показать на деле, чего может стоить спортсмену неверие в тренера. Гришин, рискуя вызвать на себя гнев руководителей, даже первенство ИСУ по спринту принес в жертву Олимпиаде. Он молча боролся со мной — за меня же.

Когда я все это разложил по полочкам, то не оставалось ничего другого, как выполнить план спринтерской работы в олимпийском сезоне на все 100 процентов. Гришин говорил мне: «Без этого нельзя!» — и я работал. Как никогда добросовестно. Раз уж разговор получается откровенным, то необходимо сказать: ни одной тренировки не провел без вдохновения, формально, чтобы только «отбыть номер».

Что бы случилось, пропусти я один раз тренировку? Наверное, ничего бы не изменилось. Но мне казалось: дам себе послабление один раз — второго не миновать, а где два — почему не быть и третьему? Нет, пульс Олимпиады словно подстегивал: «Надо, надо! На то она и есть Олимпиада! И потому-то ждут ее четыре года. И у большинства спортсменов она бывает один раз в жизни, а если мне выпадает счастье бежать на ней второй раз, то нельзя выступить средненько, серенько...»

Перед началом сезона я поделился с Гришиным одним сомнением:

— Мне представляется нецелесообразным много тренироваться в апреле и мае. Когда я усиленно тружусь весной, у меня пропадает на льду свежесть, присущая конькобежцу.

Тренер долго думал над моими словами, а потом вдруг я услышал:

— Методически это, Валер, неправильно — пропускать май. Но, знаешь, в лучшие свои олимпийские сезоны я тоже мало тренировался весной. И ты представляешь, свежесть сохранялась... Когда нагружался весной, то в феврале — месяце самых ответственных стартов — и техника была приличной, и сил хоть отбавляй, а вот с психикой творилось непонятное — очень уставал!

Гришин всегда призывает свой богатый опыт на помощь, дает возможность ученику самому учиться анализировать факты и явления и находить закономерности.

Разумеется, много внимания уделяли технике бега — она, как известно, всегда была моим слабым местом. Особенно не удавался поворот. Бились мы, бились над ним, непрерывно слышалось: «Поворот, поворот!» Может быть, мы слишком увлеклись техникой поворота, даже принесли в жертву прямую, но без поворота я бы не смог выйти на лед Макоманаи как равный среди сильнейших.

Не стараясь задним числом оправдать себя, все же вынужден констатировать: в Саппоро на первых тренировках был очень плохой лед. Я нервничал, злился на погоду и... за два дня до старта «загремел» на льду. Чувствовал — надо обязательно выступить в каких-то соревнованиях. Но в каких? Олимпиада была уже на носу. И вот, помогая мне бороться с сомнениями, Гришин договорился с тренерами спринтеров других стран и организовал международные соревнования, так необходимые мне... Вот где помог авторитет Гришина в спринтерском мире — он убедил всех скороходов в целесообразности старта...

Что было в Саппоро — известно. Я завоевал бронзовую медаль. Хорошо это или плохо? Если бы об этой медали мне сказали осенью, я был бы счастлив. Но... И после забега я зло махнул рукой — мне не понравил-

ся бег, я сам упустил из своих рук серебряную медаль (а может быть, даже и золотую?). Телевидение несколько раз повторило мой жест неудовольствия, и по приезде в Москву один полудоброжелатель сказал: «Раз у тебя хватило сил махать руками, демонстрируя свое настроение, значит, ты еще не научился во время бега все силы без остатка отдавать борьбе. Ты, наверное, во время забега думал, как будешь оправдываться?..»

Тон такой нотации был обидным, но смысл ее где-то справедливым. Спасибо и за такие нотации. Да, действительно, никуда не денешься — остались силы, не упал без сознания... Но у меня еще впереди были четыре года перед Инсбруком, и я твердо решил: надо учиться целиком отдаваться борьбе... Многого не умел я делать перед Греноблем, но уже к Саппоро кое-что постиг, и потому Саппоро не стало похожим на Гренобль. И если я за оставшиеся 1400 дней до Инсбрука сумею устранить свои недостатки, то, надеюсь, Инсбрук не будет похож на Саппоро!»

Вот, собственно, и весь рассказ о том, как Валерий Муратов в олимпийском 1972 году вырабатывал характер, как он выполнил обещание, данное себе, — **НЕ СТАТЬ НАБЛЮДАТЕЛЕМ ПРИ РАСПРЕДЕЛЕНИИ МЕДАЛЕЙ!**

или рассказ о том, как барабанил в Норвегии дождь, как четыре часа борьбы проверили на прочность характер Муратова, как после одиннадцати лет перерыва в историю мирового конькобежного спорта вновь вписано имя советского чемпиона мира

Первенство мира по спринтерскому многоборью в 1973 году разыгрывалось в Осло. Правда, еще не успев начаться, чемпионат преподнес сюрприз: турнир справил новоселье — переехал с быстроходного «Бишлета», как известно не уступающего многим высокогорным каткам по количеству мировых рекордов, на нем установленных.

Казалось бы, ну что тут особенного — чемпионат будет проводиться не на «Бишлете», а на «Валле Ховин»? А представьте себе — первенство СССР объявлено на стадионе в Лужниках, продано 100 тысяч билетов, а потом, в последнюю минуту, чемпионат переносится на стадион «Локомотив» в Черкизово... Каково? Ну опять же в Москве есть метро и до стадиона, расположенного вдали от центра города, сравнительно нетрудно добраться, а каково жителям Осло из центра

столицы с проверенного десятилетиями доброго, старого стадиона «Бишлет» переехать за двадцать километров на окраину?

На «Бишлете» все знакомо, удобные трибуны, мелькавшие за многие годы разносчики афиш, программ, сувениров, продавцы супа из бычьих хвостов и горячего кофе... Говорят, что тот человек, который не видел «Бишлета», не знает, что такое коньки. Наверное, это действительно так. Помню себя, много раз стартовавшего на «Бишлете». Лежишь, бывало, на раскладушке под трибуной, а над тобой топот 40 тысяч ног, которые в унисон отплясывают «летку-енку», потом слышишь, как диктор объявляет по радио, что нельзя танцевать в ногу — трибуны сломаются. Сколько было на моем веку газетных репортажей, которые начинались приблизительно так: «Если Норвегию принято считать основанием конькобежной карусели, то «Бишлет» — ее опорный столб. Знаете ли вы, что такое «Бишлет» в день первенства мира?» И далее почти по Гоголю: «Нет, вы не знаете, что такое «Бишлет».

В 1973 году организаторы чемпионата мира не оставили журналистам соблазнительного литературного штампа. Турнир перенесли на искусственный каток «Валле Ховин»: в Норвегию пришла весна, в начале февраля забарабанил дождь, он съел снег. Волшебники льда на «Бишлете» героически пытались сберечь лед, но... искусственный каток победил в заочном соревновании. Многие годы оставаясь в тени, добросовестно служа резервным катком, «Валле Ховин» в первых числах февраля был у всех на языке.

Что ожидало любителей спринта на «Валле Ховине»? Каток этот единственный в Норвегии, который не был прославлен своими скоростями. И дело не в том, что на нем пока не стартовали быстрее на планете. Нет, беда «Валле Ховина» в его расположении — он открыт всем ветрам с океана и фьордов. А если уж вет-

ра ворвутся на дорожку, то разгуляются, не зная удержу, и скороходам трудно приноровиться к их направлению, которое постоянно меняется.

68 спортсменов из 14 стран приехали в Норвегию. В столице жили тринадцать делегаций. Скороходы ходили в кинотеатры, слонялись по городу, бегали в парке «Фрогнер», но не на коньках, а трусдой по растаявшим аллеям.

Советская делегация, благоразумно выбравшая город Хамар как последний плацдарм для штурма конькобежного Олимпа, преспокойно тренировалась на прекрасном льду в 250 километрах от Осло. Мы жили в одном отеле с профессионалами. Каждый день я встречался со Схенком, Феркерком, Грёнвольдом. Мы много разговаривали, шутили. По всему чувствовалось: ребята сознают свою вину перед конькобежцами, они подавлены и единодушно раскаиваются в своем решении, ругают Йонни Нильссона, спровоцировавшего их на эту финансовую сделку, соблазнившего их падающими в цене, но такими необходимыми для проживания на Западе зелененькими долларами.

Все, кто стремился быстрее заработать деньги на своих «золотых ногах», ушли. Ушли люди, которым под тридцать. Все они, кроме Болса, холостяки. Скоро обзаведутся семьями, будут думать об уюте, о собственном домике, о прочих атрибутах быта — словом, обо всем том, что требует денег. А где взять эти кроны и гульдены, если ты на грани ухода? Пришлось задуматься, искать выход...

В профессиональном конькобежном цирке дали согласие участвовать сильнейшие спринтеры: Келлер, Линковеси, Бёррес, Кёниг, Хяннинен, Блечфорд.

Авантюра «Нильссона и К°», естественно, была обречена на провал. Никто не знал, сколько просуществует конькобежный цирк. Время ответило на этот вопрос точно: меньше двух лет...

Итак, с уходом сильнейших в конькобежный цирк Муратов остался один. Самый титулованный. Третий призер Олимпиады (проигравший Келлеру и Бёрьесу), обладатель серебряной медали чемпионата мира по спринту (он уступил Линковеси), конькобежец, личные достижения которого были на голову выше всех тех, кто остался в мировом спринте... Казалось, что Муратову даже не надо ехать на чемпионат мира в Осло, а медаль и лавровый венок надо заранее переслать в Коломну, где тихо-скромно жил Валерий, помогая тренироваться своему брату Юре, рекордсмену страны среди юниоров, доставал лекарства для бабушки, который жарким летом високосного года тяжело заболел (а бабушка в их семье во многом заменял братьям отца); занимался Валерий устройством быта и ремонтом квартиры, выезжал на рыбалку — благо, что Коломна на трех реках стоит... В меру своих сил тренировался наш чемпион — спокойно готовился к послеолимпийскому сезону, который рассматривал как стартовую площадку нового четырехлетия перед Инсбруком-76.

Первые старты сезона подтвердили серьезность притязаний Муратова на конькобежный трон. На открытии Медео он первым в сезоне разменял 39 секунд. Теперь нужно было наращивать скорость. Валерий готовился по особому плану. Он даже позволял себе проигрывать иной раз Комарову, Кащею и даже Муратову-младшему. Знал: к первому воскресенью февраля все станет на свои места... Сообщения из Норвегии, Швеции и Голландии о первых прикидках спринтеров тоже его не волновали: там побеждали те, кто, по его мнению, и должны были стать лидерами, кого он прекрасно знал и не раз опережал. Но вот сообщение из Конгсберга несколько его насторожило: в состязаниях сильнейших спринтеров мира победил норвежец Лассе Эфшин...

— Какой Эфшин? Откуда появился этот бегун? — спросил он меня.

Пожав плечами, я ответил:

— В 1960 году пришлось бегать с Эфшиным. Талантливый был мальчик. Но он уже давно бросил коньки. Наверное, его родственник?..

Оказалось, не родственник. А сам Лассе Эфшин, чемпион Норвегии среди школьников 1959 года, один из реальнейших кандидатов на медали Олимпиады-64. Это он сам, оказывается, вернулся. Случай сам по себе уникальный... Поступив в 1963 году в университет Осло, Эфшин почувствовал, что ему трудно, оставаясь в сборной страны по конькам, тренироваться по два раза в день и в то же время серьезно учиться. Он составил индивидуальный план подготовки к Олимпиаде, но руководители норвежской сборной, имевшие в тот год блестящий выбор — Майер, Юханнесен, Му, Естванг, — предъявили Эфшину ультиматум. Или Олимпиада, или занятия медициной...

Эфшин, не привыкший, чтобы ему диктовали какие-то условия, ушел из сборной. Года три он еще участвовал в различных соревнованиях, а в 1966 году окончательно повесил коньки на гвоздь. Он был к тому времени целиком захвачен новым увлечением — онкологией. Наука занимала у него все свободное и несвободное время. Для поддержания спортивной формы Лассе только бегал. Долгое время провел он в Китае — изучал тибетскую медицину. Настали дни, когда в конькобежной Норвегии его больше знали не как скорохода, а как одного из крупнейших ученых-фармакологов.

Что же заставило набравшего темпы ученого вернуться на лед? Оказывается, он был глубоко уязвлен созданием конькобежного цирка. «Коньки — на тысячи» — с такой лекцией он выступил еще в августе. «Можно быть специалистом в какой-то области науки

пли культуры и в то же время показывать хорошие результаты в спорте!» — утверждал Эфшин. «Докажите на личном примере», — потребовали скептики.

Пришлось доктору онкологии приступить к тренировкам. Это было в августе 72-го. Преданный своей главной идее — доказать, что конькобежный спорт мало потерял от ухода профессионалов, Эфшин требовал того же и от тех, кто был рядом с ним в сборной. За один год в Норвегии появилась целая плеяда отличных спринтеров.

Во время турне четырех катков в Кортина д'Ампеццо впервые встретились Муратов и Эфшин. Норвежец уверенно выиграл 500 метров. Валерий упал на дистанции. И не просто упал, а разбил себе бедро, и врач снял его с соревнований.

Победа Эфшина в коротком спринте была несколько смазана его поражением на километровой дистанции, где он уступил в паре Комарову.

Через день все сильнейшие спринтеры мира уехали на состязания в Давос. Наши спортсмены остались в Кортине.

Валерий Муратов лежал в постели (травма ноги оказалась серьезней, чем можно было предположить), когда в номер гостиницы пришли с тренировки ребята.

— Слышал, что сделал Эфшин? — спросил Юра Муратов. — Тот самый Эфшин, что два дня назад проиграл Комарову? На пятисотке повторил мировой рекорд (38,0), а на тысяче показал 1.17,6. Это надо было бежать! В сумме у него 154,400 очка...

— Так что же получается? — спросил Муратов-старший. — Я одну пятисотку еле-еле пробегаю за 38,7, а он шесть пятисоток подряд лупит за 38,6! Вот тебе и ветеран!

— Никак не возьму в толк — чем Эфшин бежит? — задумавшись, произнес я. — По мощи своей он всем в нашей сборной уступает... Но как бежит старик!

...Муратов долго залечивал травму. А в это время все его соперники набирали скорость, они словно вели против Валерия психическую атаку. Каждый солнечный день в Давосе они использовали, чтобы улучшить свои личные рекорды. Вот никому не известный американский школьник Дан Иммерфолл пробегает за 38,6. Так в 17 лет не бегал ни один человек в мире. Вот 38,7 фиксирует голландец Йос Валентин. Еще этого не хватало!

Валентин известен в конькобежном мире давно. Высокий, чуть ли не на голову выше Муратова, он и ходил как великан. Длинные ноги захватывали расстояние в три нормальных, среднепринятых человеческих шага. На дистанции Валентина отличали безупречное чувство ритма и редкостная пластичность. Силы у этого богатыря было не меньше, чем у Схенка. Но пока в голландской сборной были Болс, Феркерк и Схенк, на Валентина внимания никто не обращал. А он в себя верил. И ждал своего часа. Когда профессионалы ушли в цирк, Валентин почувствовал себя в роли лидера сборной.

Вот такой расклад получился перед чемпионатом мира по спринту. Скажем прямо, неожиданный. Муратов успел испытать себя в многоборье лишь раз, а его конкуренты пять-шесть.

В сезоне по результатам занимал двадцатое место. А они все — с первого по пятое. Муратов и рад бы был проверить себя, да не получалось. На первенство страны в Дзержинск приехал — и здесь неудача: из-за морозов чемпионат перенесли на март.

Из Дзержинска Валерий заехал домой в Коломну — проведать больного деда, но успел он лишь к его последним минутам... Вместе с Юрой рыли могилу, долбили ломами землю, схваченную морозом, как бетоном. Юрка все повторял:

— Вот дед и не дождался твоей победы!

Самый титулованный спринтер приехал на чемпионат мира в Осло, наверное, самым растренированным. Так ему представлялось...

Утром в субботу в отеле «Форбюнс» одновременно выглянули в окно два Муратовых и два Гришиных. Муратовы — братья, члены сборной страны. Гришины — однофамильцы. Всеволод — арбитр международной категории — приехал в Осло судьей чемпионата и я. Мы жили на пятом этаже. Выглянув в окно, все четверо рассмеялись, встретившись взглядами. А в общем-то было не до шуток: нас волновало, какая на улице погода. Если бы был ветер и на стадионе завертелась карусель, чемпионат мира превратился бы в лотерею. И тогда выбор внутренней или внешней дорожки мог сыграть решающую роль. И могло так случиться, что не очень сильный спортсмен пробрался бы на пьедестал.

Но за окном был штиль.

Братья Муратовы первыми вышли из отеля и сели в автобус. Дружба Валерия и Юрия вызывает чувство уважения. Старший, словно нянька, ходит за Юрием, опекает его. Он даже носит его коньки. Казалось, должно быть наоборот: младший еще лишь стучится в двери сборной, а старший — ее лидер. Вот и помогай чемпиону: сумки его носи, коньки его точи... Правда, мне подумалось, что забота о младшем брате отвлекает Валерия от постоянных сомнений, от мыслей о своей якобы неподготовленности.

Братья полчаса шли по стадиону, иногда переглядывались и моментально отводили глаза и за все это время не сказали друг другу ни единого слова. Они были целиком в себе, они уже жили чемпионатом мира.

Зрителей на стадионе собралось очень мало — целые секторы трибун пустовали. Как и водится, королевский оркестр и отряд национальной гвардии открывали чемпионат. В 18 часов в правительственной ложе

появился король Улаф V. Рядом с ним — премьер-министр. Отсутствовал лишь крон-принц Норвегии: именно в этот день он выигрывал очередную парусную гонку у берегов Австралии.

В руках короля программки и справочники. Он сам будет по секундомеру вести графики забегов, а потом сравнивать свои протоколы с официальными.

Впрочем, так будут делать почти все на стадионе. Подпрыгивая, чтобы размять ноги, подплясывая под мотив «летки-енки», они будут следить за каждой стометровкой и даже ухитрятся сделать отметку об очередном отрезке.

Прозвучал норвежский гимн, и электронный стартер выпустил первую пару — 17-летнего американского школьника Дана Иммерфолла и опытного Клауса Кнайера из команды ГДР. Американский юноша очень интересовал меня. Хотелось понять, случайным ли был его результат в Давосе — 38,60? Утром в гостинице я встретил Терри Макдермотта, того самого, что отобрал у меня золотую медаль в Инсбруке, а потом лишил шансов на бронзу в Гренобле. Поначалу я даже не узнал бывшего парикмахера — мне улыбался преуспевающий бизнесмен. Собственно, он и был таковым. Удачная женитьба обеспечила ему хорошее положение в обществе. А если прибавить сюда и «деловую» голову самого Терри, умеющего извлекать проценты из своей славы, то становилось ясным, почему его попросили возглавить сборную США по конькам. Терри опять-таки доказал, что он — парень не промах. Он не согласился на роль старшего тренера сборной, а сам себя назначил на почетную должность наблюдателя за сборной. Что это такое? Объяснить трудно... Ну, например, Шейла Янг устанавливает мировой рекорд. Кого благодарить? Конечно же, наблюдателя, который тактично, не вмешиваясь в работу тренера, привел Шейлу к победе, передал ей свой богатый опыт. А вот кто виноват, что

традиционно сильные американские спринтеры на тренировках показывают отличные секунды, а на официальных чемпионатах выступают на среднем уровне? Виноваты, разумеется, тренеры: они вовремя не подумали о замене Нейла Блечфорда, и когда он ушел в профессионалы, сразу же обнаружилась зияющая щель. Но кого благодарить, если в сборной Америки появляется целая плеяда семнадцатилетних юношей, которые бегают на уровне международного спринта? Как кого? Конечно, Терри Макдермотта! Ведь мальчишки появились в сборной с его приходом, ведь это он ездил с ними в Давос...

Во время разговора с Макдермоттом мне все же удалось узнать, что Дан Иммерфолл — самородок, что пять лет назад он научился кататься на коньках, а до прошлого сезона не выступал в соревнованиях и его никто не принимал всерьез. А юноша знай себе тренировался и теперь вот уже десятый старт никому в сборной США не проигрывает...

— Есть кому уступить? — выпытываю, делая вид, что вопрос задан между прочим.

— У нас пятнадцать таких ребят, — отвечает Терри. — Гоняем их на полную железку. По принципу «кто сильный, тот и выживет»... К 1976 году этим ребятам не будет равных на Олимпиаде.

Валерию Муратову жребий выбрал вторую пару. Вторую так вторую! Впереди всех соперников? Ну что ж!

— Если ты силен, тебе должно быть безразлично, в какую ты попал пару! — старался убедить Валерку. — На Олимпиаде в Италии я стартовал первым, и ничего... Выиграл золото...

Но это все — слова. Если бы рассказать вам, как я тогда волновался, как казалось, что жизнь кончена, что Олимпиада проиграна... Я не знал, с какими глазами возвращаться назад, домой...

Валерий бежал по внешней дорожке. Юхан Гранат, сильный спринтер из Швеции, сразу же попытался оторваться, Муратов разгонялся очень долго, и даже создалось впечатление, что он не сможет улучшить результат американца. Но отлично отработав переходную прямую, наш чемпион первым вышел на финишную стометровку.

На табло электросекундомера «Лонжин» в этот миг появился результат разгона — 9,7. Совсем неплохо. Но впечатление от бега Муратова не согласовывалось с такими секундами, и я, не веря секундомеру, огорченно махнул рукой и сказал своему однофамильцу, судившему переходную прямую:

— Он мог целую секунду сбросить и разменять 39. Но нервы, нервы... Он мировой рекорд мог установить...

Я оставался самым собой. Привыкнув к вечному недовольству своим бегом и своими результатами, я переносил эту требовательность и на учеников. Иногда Муратов встречал мои замечания в штыки: «Вам не угодишь! Все вам плохо!» Но я отвечал резко: «Мировой рекорд, Валера, между прочим, на полсекунды лучше нашего всесоюзного. А кому-то надо бить. Кому, если не тебе?»

Как ни старались сильнейшие спринтеры улучшить результат советского скорохода, это им не удавалось. Ни норвежец Бьёранг, ни мировой рекордсмен Эфшин, ни Валентин, хоть они и разменяли 40 секунд, не смогли «расколдовать» муратовских 39,66. Правда, необходимо отметить, что Эфшин имел реальные шансы стать первым. Но за 30 метров до финиша он споткнулся, чуть не упал, распрямился, и в эту долю секунды его настиг Валентин. Так они и финишировали — конек в конек. Электросекундомер не смог определить победителя.

Норвежец и голландец получили по бронзовой медали.

Начало оказалось неплохим: Муратов лидер чемпионата. Вот если бы удержаться еще на трех дистанциях!

— Вот если бы... — сказал кто-то из наших ребят в раздевалке. Но Валерий Муратов сразу прервал его:

— Вот если бы через пруд да мост построить — мечтал Манилов...

Нервы были напряжены до предела.

Верил ли я в победу Муратова? Если честно — верил. Слишком велик был отрыв Валерия в прошлом году, слишком большую работу мы провели летом и осенью. Пусть нам немного не повезло зимой. Но все, что ни делается, наверное, к лучшему. Да, Муратов не может похвастаться отличными секундами в этом сезоне, над ним не висит дамоклов меч: «Ты обязан, ибо ты быстрее». Он никому ничего не обязан, он вроде бы не быстрее. Быстрее другие, пусть они и волнуются — ведь это им надо доказать, что их результаты в Давосе не случайность...

Сами понимаете, у меня хватало и трезвости и здравого смысла, чтобы верить в победу своего ученика.

На 1000 метров Муратов снова бежал впереди своих конкурентов. В паре с ним — Пэр Бьёранг, норвежец, который летом был в конькобежном цирке, но потом разорвал контракт. Муратов понимал, что эта дистанция решает все, и он пошел «ва-банк». Не имея представления о своих возможностях на этой дистанции, он выложился полностью. На труднейшей и коварнейшей дистанции норвежец остался сзади почти на десяток метров. У Муратова хватило сил лишь доехать до Константина Константиновича Кудрявцева, который кинокамерой снимал его бег... Кудрявцев еле успел поддержать спортсмена, который в изнеможении оседал на лед...

Как и ожидалось, результат Муратова на второй дистанции не удержался в первой строчке: сначала гол-

ландец Валентин превзошел его, а потом Блейкер, второй спортсмен из Нидерландов, оттеснил Валерия на третью ступеньку. Оба голландца недвусмысленно заявили: мы приехали в Осло не статистами.

По сумме двух дистанций Валерий остался на первом месте. Можно представить себе, какая ночь ждала его!

Валерия я увидел утром в холле гостиницы. Бледный как полотно, он стоял перед стартовыми протоколами. Рядом адъютант — Юрка. На маленьком листочке бумаги черным по белому зафиксировано: «Валерий Муратов — 17».

Вы знаете, что такое для спринтера семнадцатая пара? Это когда все твои главные соперники уже финишировали час назад. Когда они успели показать хорошие или плохие, но уже какие-то определенные секунды. А ты в это время катаешься внутри ледового круга, и внутри у тебя горят-перегорают нервы. Тебе кажется, что ты можешь превысить результаты стартовавших в первых парах, но вместе с тем ты видишь, как безжалостно крошится лед, как он режется на поворотах. Вот Володя Комаров чуть не упал — лезвие попало в трещину... А тебе надо на этой искусственной дорожке выбрать свою — не очень длинную, но в то же время не слишком короткую — дорогу к победе.

Вот стартовал Иммерфолл. 39,70 показал. И кто? Новичок в спринте. Чемпионат мира — его дебют, но как он чистенько прошел дистанцию! И любопытно: в воскресенье Дан бежал пятисотку в классическом стиле. Он уже не копировал своего предшественника — олимпийского чемпиона Макдермотта, не гнался за бешеным ритмом. Он был похож скорее на Грача, на меня, на Сергеева. Правда, на поворотах Дан не всегда работал так четко, как подобает лучшим спринтерам мира, но ведь в 17 лет скоростей, каких достиг Иммерфолл, никто и не показывал! Значит, любой недостаток

в технике является для американца резервом его скорости... Словом, у американского школьника в спринте уже есть законченное высшее образование.

«39,70! Это ведь хуже, чем Муратов пробежал вчера. А сегодня условия состязаний вроде бы получше. Стало быть, Валерий должен бежать быстрее?» — думал я.

Вторая пара. Йос Валентин и Лассе Эфшин. Голландец настолько прибавил в скорости, что мы, тренеры, считаем его главным соперником Муратова. То, что Йос уступает в коротком спринте, он с лихвой компенсирует на 1000 метров. Высоченный (он стоял на второй ступеньке пьедестала, на 30 сантиметров ниже Муратова, а наш Валерий был в коньках, ибо ему предстоял еще круг почета, и все равно был по плечо Муратову), сильный, уверенный в себе — ну почти Ард Схенк! О таких, как он, говорят: «Силы — вагон». Он бежит по льду — и летят брызги, брызги льда.

А что покажет сейчас Эфшин? Начал мощно и легко. Чем он бежит? Ведь с виду обыкновенный парень... Но Эфшин не просто бежит сам. Самое неприятное для нас, его соперников, что Эфшин тянет-вытягивает Йоса Валентина и помогает ему показать хороший результат. Разумеется, хороший для хмурой погоды. 40,00. Эфшин успевает в финишных клеточках выиграть 25 сотых долей секунды.

И, наконец, пара Валерий Муратов — Пэр Бьёранг. Валерий волновался. Да, жизнь сурово проверяла в этом году Муратова. На открытии сезона в Медео он пробежал 500 метров за 38,7. А потом 30 дней не везло — сидел в аэропортах, на вокзалах, а его соперники бегали по очень быстрому и очень скользкому льду.

Впрочем, позвольте одну небольшую деталь: в Хамаре, видя, как Валерий усиленно тренируется, я вынужден был сдерживать его. И все равно тайком, ранним утром два брата, взяв коньки, убегали на лед. Что было делать мне, педагогу? Они ведь нарушали

тренерскую установку! Конечно, я видел, что два брата тайком от меня катаются, но делал вид, что не знаю об этом — не хотелось сбивать рабочего настроения. Такова предыстория.

А теперь — забег. Теперь будут 39,79, в которых отразится вся жизнь, и вся предшествующая работа пройдет перед нами. И начнутся эти 39,79 с критической ситуации, когда на счету Валерия будут два фальстарта. Причем один ошибочно записали Муратову, ибо сорвался норвежец, но судьи не захотели признать своей ошибки, и теперь Муратов не имел права рисковать. Третьего старта не дано никому. После третьего надо сходить. Лишиться лидерства, первого места, может быть, лаврового венка. В третьей попытке Валерий не имел выбора. Он обязан был засидеться на старте, отпустить вперед Бьёранга, а потом устремиться за ним.

Нужно ли говорить, сколько таблеток валидола положили под язык советские тренеры, судьи и журналисты! А я подбежал к журналистам и сказал:

— Запишите и, если сочтете нужным, передайте в своих репортажах. Я от своих слов никогда не откажусь. Вот сегодня последний день моей тренерской работы! Я переживаю больше, чем ученик. Сам бы сейчас встал на старт — и все просто: или-или! Но зачем мне так переживать, зачем?

Теперь понимаю: а затем, что мне никуда от спринта не уйти. Спорту отдана жизнь, и все лучшие мгновения жизни связаны с ним, со скоростью, с победами. А потому мне еще предстоит мучиться, я хочу видеть своих учеников смелыми, отчаянными, умными на дистанциях, трезвыми в жизни. Да, от себя, видимо, никогда уйти не удастся...

Муратов бежал хорошо. Он, правда, не догнал Бьёранга. Не хватило семи сотых долей секунды. Но по сумме трех дистанций советский спринтер оставался

лидером. Его отрыв от Йоса Валентина измерялся 0,4 секунды. Вы представляете, что это такое? 40 сантиметров. Длина конька. А на 1000 метров голландец очень и очень силен.

Так еще раз обстоятельства испытали Муратова: «Сможешь ли ты выиграть, когда все против тебя?»

Перед заключительной тысячей метров много с Муратовым не говорили. Я старался поддержать в нем угасавшую уверенность:

— Если ты сделаешь на дистанции половину того, что умел в Хамаре, ты — чемпион! Все в твоих руках. Подобная ситуация складывалась уже не раз, но ты часто отдавал победы. Сегодня тебе не надо быть особенно щедрым...

И вот одиннадцатая пара. Валерий снял тонкую ледяную кромку с лезвия коньков, бросил взгляд в сторону старта, прищурил глаза, ибо яркое солнце било прямо в лицо, сделал глубокий вдох, медленный выдох... Он бежал в паре с мировым рекордсменом Эфшиным. Забег, что ни говорите, принципиальный. Норвежец хотел во что бы то ни стало выиграть у Муратова, чтобы сохранить свое реноме. А Валерию предстояло не поддаться на удочку Эфшина. Последний совет Муратову был таков:

— Норвежец попытается одержать над тобой чисто символическую победу — выиграть лицом к лицу. Но это тебя не должно смущать. У тебя своя цель. Не рекорд, а первое место. Не обращай на Лассе внимания. Бегай, как учили. У вас разные дорожки. Слушай только меня.

— А вы кричите громче! — Муратов произнес это странным голосом. Буднично. Без задора. Так, словно внутри у него все зачленело...

Бег Эфшина и впрямь оказался авантюристичным. Лассе с первых метров рванулся, отбросил Муратова. Но Валерий четко помнил уговор и бежал ровно. Вдруг,

входя в большой поворот, Муратов словно остановился. Рука лежала на спине, и не хватало сил сбросить ее. Эфшин убегал вперед, а Валерий не поспевал за ним. Неужели поражение?

Нет, сразу же следует взрыв! Скорость. Азарт Жажда победы. Преображенный Муратов сражался до последнего метра. Он уступил лишь неуловимое мгновение — одну сотую... Это даже не конек — это треть конька...

1.21,62 показал он, и этих секунд ему хватило для победы. Для лаврового венка. Еще 200 метров, чтобы прийти в себя, проехать на прямых ногах, и Валерия сразу же подхватили Комаров, Кащей, младший Муратов. Они подбросили чемпиона вверх. Один! Второй! Третий раз!

Вот ради таких мгновений и стоит жить!

А потом был Гимн Советского Союза, фейерверк...

Почти все обозреватели в своих репортажах сошлись на мысли, что победа Муратова — это нечто закономерное. Они ведь многого не знали: ни травмы, ни могилы в Коломне, ни утренних тренировок в Хамаре...

Норвежский король Улаф, который оба дня болел за своего любимца Лассе Эфшина, признался президенту Норвежского королевского конькобежного союза Паульсену:

— Только парень с характером мог победить нашего Лассе!

Король незаметно вышел из своей ложи, спустился со второго этажа. Говорят, что норвежский король довольно скромный человек. Во всяком случае, в воскресенье 4 февраля он тактично ушел с бала, чтобы не мешать своим королевским присутствием чествованию короля спринтеров — мужественного бойца Валерия Муратова.

Новый чемпион мира, увенчанный лавровым венком, проехал круг почета. Это была его пятая дистан-

ция. Самая почетная. И очень легкая — даже не чувствовалось тяжести венка...

На банкете один из советских корреспондентов подошел к Валерию:

— Понимаешь, не могу написать репортаж. С материалом происходит то же самое, что с тобой перед стартом... Нервы... Все расползается, логически не выстраивается... Валерий, ты почему-то был грустным на пьедестале?

— Разве? Не помню. Нет, все же грустил. Я вдруг подумал, что лаврового венка могло не быть... Странное ощущение пронзило меня, как будто спокойно шел по дороге, на мгновение задумался, а передо мной пропасть. Думал столько лет идти к цели — и вдруг падение... А в голове лишь последние сто пятьдесят метров ледовой дороги... Кто-то держит цветы... Гладиолусы для чемпиона... И назад нельзя!

Ночью Валерий заглянул ко мне в номер.

— Романыч, а ведь всего этого могло не быть — венка, медалей... С какими глазами мы ехали бы в Москву? Что там сказали бы в оправдание?

— Нашли бы что промямлить. А вот для себя лично никакого оправдания найти не сумели бы, понимаешь?...

— Теперь тебе, Валер, все по силам. Ты на таком трудном чемпионате победу вырвал — даже сам не представляешь!

— Вспоминать страшно! — признался чемпион.

— А ты и не вспоминай сегодня. По отношению к будущему настоящее всегда находится в прошедшем времени! Ради таких минут стоит жить!

Последнее испытание ждало Муратова в конце банкета. Шейла Янг, чемпионка мира среди женщин, пригласила его на тур вальса. А Муратов не умел танцевать. Он считал тихо: «Раз, два три... Раз, два три...» Шейла помогала ему: «Уан, ту, ффри... Уан, ту, ффри...»

или рассказ о беге в Гётеборге, где Сафронов, Куликов и Муратов завоевали все медали на первенстве мира

Год пройдет, и еще год в историю канет... И еще десять лет прошумят. Станут Саша Сафронов, Женя Куликов и Валерий Муратов совсем взрослыми... Отцами. А может быть, даже дедушками. И нет-нет да и попадется им фотография, удивительная в своей многозначительности. И пожелтеет она от времени, но всегда будет дорогой до бесконечности. Пьедестал! И подпись навсегда запомнится: «Весь пьедестал — советский. Вот они счастливы — Александр Сафронов, Евгений Куликов и Валерий Муратов. Гётеборг. Год 1975. Февраль 16-го дня». Снимок, обошедший все спортивные издания мира. Посмотрят на фотографию виновники торжества и словно услышат праздничный салют, увидят фейерверк в небе над Балтикой, различат четкую поступь шведской королевской гвардии и вспомнят скандинавских модниц, которые вышивали на своих шапочках имена победителей чемпионата мира и название их Родины — «СССР».

Тройная победа на искусственном льду «Уллеви» была поворотным этапом в развитии советской школы спринтерского бега на коньках. Такого выдающегося успеха наши спринтеры не знали даже во времена Кудрявцева, Сергеева, Гришина и Грача. Комментатор Центрального телевидения и Всесоюзного радио Владислав Семёнов, передавая репортаж из Гётеборга, заметил: «Давно наши скороходы не радовали болельщиков столь впечатляющими победами!» Фраза комментатора нуждается в комментарии. Если говорить о первенствах мира среди спринтеров, то до сих пор лишь один Валерий Муратов привозил в нашу страну лавровые венки. Первый прилетел с ним из Уэст-Аллиса на «ИЛ-62» в 1970 году. Второй везли в салоне «ТУ-134» из Осло через три года. Два венка — много для пяти первенств. Два венка — слишком мало для такого талантливого спринтера, как Муратов. Почему я так строг к своему ученику? Потому что знаю его потенциальные возможности, но сейчас не об этом... За пять лет на первенствах спринтеров было разыграно двадцать золотых наград на отдельных дистанциях. Лишь две медали достались нашим скороходам: в 1973 году Валерий Муратов выиграл короткий спринт, а через год Александр Сафронов стал лучшим на дистанции 1000 метров. В субботу и воскресенье февраля — 15-го и 16-го — наши ребята выиграли все четыре золотые медали. В «битве при Гётеборге» отличились три ленинградца: Кащей, Куликов и дважды Сафронов.

Вспомним еще одну историческую справку: за все двадцать два года участия советских скороходов в первенствах мира только дважды все три первых места на пьедестале почета занимали атлеты с гербом Советского Союза. В 1954 году в Саппоро медали поделили Шилков, Гончаренко и Гришин, в 1956 году в Осло — Гончаренко, Меркулов и Гришин. Это было в те счастливые для наших конькобежцев дни, когда советская

школа скоростного бега, созданная Константином Кудрявцевым, считалась лучшей в мире.

С тех пор много воды утекло в реке Малая Алматинка, на набережной которой построен самый быстрый каток мира — Медео. Сейчас уже можно объективно оценить те секунды, которые были показаны на Медео и без достижения коих не могло быть триумфа ни в Гётеборге, ни через неделю — 21—22 февраля — на предолимпийской неделе скороходов в Инсбруке, где Евгений Куликов и Александр Сафронов уверенно выиграли обе спринтерские дистанции, подтвердив обоснованность своих притязаний на олимпийское золото.

Тема льда — тема скользкая. Вовсе не пытаюсь камбурировать, обыгрывая слова. Вспомните, сколько раз в сезоне 1974/75 года советские спринтеры показывали выдающиеся результаты: Муратов уже в декабре пробежал за 38,4, Сафронов имел в активе 38,62, Куликов — 38,70. Скорость, которую научились развивать наши ученики, трудно держать. Удивительно ли, что все три сильнейших спринтера время от времени срывались, падали и врезались в поролоновые маты, ограждающие искусственные катки. Чаще других падал самый опытный ледовый боец Валерий Муратов. Когда я спрашивал: «В чем дело-то?» — он отшучивался: «Падая и вставая, я расту — таким, кажется, было кредо Феркерка».

Прекрасно понимаю, что творилось в душе Валерия, некогда сильнейшего в стране, царившего на спринтерском троне и уступившего первенство из-за тяжелой травмы. Его обгоняли вчерашние юниоры. Муратов не привык быть на всесоюзной арене вторым. Он рисковал, иногда терял спокойствие и благоразумие. Он хотел прежде всего себя утвердить в мысли, что 30 лет, прожитых им на земле, это не очень много для большого спортсмена. Если тебя называют ветераном, если вспоминают, что ты собираешься выступить на третьей

подряд олимпиаде, это не значит, что тебя сбрасывают со счетов. Наоборот, это есть восхищение твоим долголетием. Шутка ли, почти десять лет быть на уровне результатов международного класса! И если тебя обгоняют сегодня молодые, то подойти к этому факту философски: молодым идти дальше. И пусть они почитают за счастье, что им выпало бегать на одной дорожке с тобой, дважды чемпионом мира... Приблизительно так и говорил я Муратову, пытаюсь возродить в нем прежнюю уверенность, разжечь его честолюбие...

Но падал на состязаниях не только ветеран... Спотыкались и получали травмы молодые спринтеры. Это настораживало, ибо прежде, чем научиться быстро бегать, необходимо уметь твердо стоять на коньках.

Словом, начало сезона 1975 года, начинавшегося мажорной увертюрой, вызывало и много сомнений. Ведь не первый год после пуска искусственного катка в Зайлийском Алатау наши скороходы показывали на льду Медео удивительные секунды, обгоняли Схенка, а потом... спустившись вниз, на равнинные катки, робели, выступали очень скромно. Иногда размышляя над судейскими протоколами состязаний в Медео, задаешь себе вопрос: «А можно ли верить Медео?» Помните, как двадцать три года назад такой же вопрос задавал многократный чемпион мира и олимпийских игр Гласс Тунберг? Сомнения финского авторитетного специалиста опровергла плеяда выдающихся скороходов: О. Гончаренко, Б. Шилков, Б. Стенин, В. Косичкин. Научившись бегать на льду высокогорного катка, они задавали тон на любом катке мира: и в Давосе, расположенном на отметке 1500 метров над уровнем моря, и в равнинном Саппоро, и на голландских каналах. Тогда-то все разговоры о правомерности признания рекордов на Медео улеглись сами собой. Но не забудем одной детали, на мой взгляд весьма существенной: между первыми официальными мировыми рекордами, ус-

тановленными в 1950 году советскими скороходами, и первыми официальными победами (Хельсинки, 1953 год, золотые и серебряные медали Гончаренко и Шилкова) лежали три долгих года. Три! Запомнили?

Искусственный каток в урочище Медео начал действовать в последние дни 1972 года. Через несколько дней на его льду были показаны результаты, превышающие мировые достижения. Итак, к 1972 году прибавим три сезона... Что же получается? А выходит, что в сезоне 1975 года обязательно должны были прийти победы. (Если кому-то покажется, что я подгоняю под ответ, пусть заглянет в подшивку «Советского спорта» за апрель 1974 года. В тот сезон, когда медали отвернулись от наших скороходов, я предполагал возможность побед в 1975 году, шутливо формулируя, что год на год не приходится.)

Итак, мы подошли к тем дням, когда после десятилетнего перерыва в таблице мировых достижений снова появились советские имена. Три года подряд, постигая мелодию скорости, рождавшуюся на льду самого современного и комфортабельного катка мира, наши ребята прочно закреплялись в мировой «табели о рангах». Уже не один (как Муратов в период с 1969 по 1973 год), не два, не пять, а десять скороходов, остро соперничая друг с другом, достигали международного класса. Настал день, когда все лучшие результаты сезона стали принадлежать советским атлетам. Причем высшие достижения устанавливались не только на знаменитом льду Медео, но и на любом катке, где приходилось выступать нашим спринтерам. Так, перед чемпионатом мира в Гётеборге быстрейшим считался Муратов — 38,4. «Но это ведь результат, зафиксированный на Медео!» — скажете вы. Да, вы правы. Зачем вспоминать секунды Медео, если все основные состязания сезона проходили на равнинных катках? Какова расстановка сил здесь? Заглянем в таблицу — и снова

знакомое имя: Евгений Куликов — 38,96! Необходимо отметить, что этот результат Женя показал в дни матча Норвегия — СССР в острой борьбе с чемпионом мира норвежцем Пэром Бьёрангом. Следовательно, цена секундам Куликова — самая высокая. Он первым в том сезоне преодолел психологический барьер, вырвав победу в очном состязании с обладателем лаврового венка. На дистанции 1000 метров уже второй год подряд не знал себе равных Александр Сафронов, имевший в декабрьском Медео 1.18,45 и показавший в январском Хамаре 1.20,83. Причем в Хамаре он выиграл у чемпиона мира.

Сумма всех стартов — а их в этом сезоне было, как никогда, много — давала довольно точную картину: быстрейшими заявили себя Куликов и Сафронов. Их подпирал опытный Муратов. Нельзя было сбрасывать со счетов и рекордсмена страны на дистанции 500 метров Владимира Кащея. О нем необходимо сказать особо. Володя немного постарше Куликова и Сафронова, но старше он лишь по количеству прожитых лет, а по стажу пребывания в сборной они почти одногодки. В 1974 году Кащей наделал переполох в спринтерском доме: весь сезон выступая отлично, он потерпел сокрушительное поражение на самом главном соревновании года — на чемпионате мира в Инсбруке, где он (на плечи которого выпало нелегкое бремя лидера сборной страны) оказался лишь десятым. Но этот срыв я бы отнес на счет случайности — ведь Кащей едва закрепился в сборной страны и не успел закалить своих бойцовских качеств! Наверное, хорошим «допингом» для Кащея должен был стать его всесоюзный рекорд — 38,15. Этот результат он показал на матче СССР — Норвегия в 1974 году, когда бежал в одной паре с Бьёрангом. Результат Кащея 38,15 в 1974 году можно было назвать лучшим в истории конькобежного спорта, хотя он и уступал мировому достижению пятнад-

цать сотых долей секунды. В чем здесь секрет? Мировые рекорды финна Лео Линковеси, спортсмена из ФРГ Эрхарда Келлера, шведа Хассе Бёрьеса и норвежца Лассе Эфшина были зарегистрированы по ручному секундомеру — 38,0. Сейчас, согласно правилам Международного союза конькобежцев, к этому результату автоматически были бы приплюсованы две десятых секунды и, следовательно, рекорд мира равнялся бы 38,2. А Кащей по ручному секундомеру первым в истории выбежал из магических 38 секунд, показав 37,95. Деталь, согласитесь, знаменательная. На чемпионате мира 1975 года в Гётеборге Кащей отлично пробежал в первый день пятисотку — 39,26, выиграв более полсекунды у второго призёра Евгения Куликова (39,80). Но на дистанции 1000 метров Кащея подстерегла неудача — он, хорошо разогнавшись и почти убедив всех нас, стоявших на «тренировочной бирже», что настал час его, Владимира Кащея, победы в многоборье, вдруг упал. Упал точно на том месте, где споткнулась чемпионка мира 1974 года Лиа Полос... В то мгновение все для Кащея и кончилось. Лед, мы уже говорили, нынче скользкий. А опыт — дело наживное...

Владимира Кащея не было на пьедестале почёта в Гётеборге. Но не будь его самоотверженной борьбы со скоростью, кто знает, появился бы у нас талантливый «пятисотник» Куликов. Он родился в борьбе, в споре за лидерство с Кащеем, учеником Бориса Стенина.

Ярко сверкнула на чемпионате мира по спринту фамилия Куликова. Он, бесспорно, один из лучших мастеров короткого спринта. Студент Ленинградского политехнического института имел все шансы стать чемпионом мира. Ему до известной степени не повезло со жребием: он вышел на старт последней дистанции перед своим другом и земляком Сашей Сафроновым. Пробеги Евгений в свою обычную силу — и Сафронову трудно было бы отыграть «фору» на своей коронной

дистанции. Но тяжелая ноша лидерства после трех дистанций надломила Куликова, и он не сумел сверкнуть на финише, думается, заранее смирившись с любым местом на пьедестале, кроме первого. Конечно, большая серебряная медаль для спортсмена, второй раз участвующего в чемпионате мира, несомненный успех, но... Куликову мне хотелось бы напомнить одну заповедь, постигнутую мною за двадцать лет пребывания в сборной: никогда не позволяй себе произносить фразу: «У меня еще все впереди!» Никогда не откладывай на завтра того, что можешь и обязан сделать сегодня... Куликов, хочется верить, эту истину постиг, стоя на пьедестале.

В понедельник после чемпионата мира нас пригласили на плавучий рыбзавод советские рыбаки, которые зашли в Гётеборг для профилактического ремонта судна. Когда на торжественном обеде дали слово Куликову, он сказал приблизительно следующее: «Я обещаю на следующий год исправиться». За точность слов не ручаюсь, но смысл передаю абсолютно точно. Смеялись рыбаки, улыбались спортсмены, слушая смущенного Женю, а мне подумалось: «В этой нескладной фразе уже чувствуется характер. Человеку мало второго места на пьедестале. Ему хочется шагать выше. И прекрасно! Ведь осталось-то всего одна ступенька...»

А теперь о последнем забеге чемпионата, о поединке который не смог бы придумать самый изобретательный сценарист, но который состоялся-таки на льду «Уллеви». В решающем забеге жребий свел в одну пару на дистанции 1000 метров экс-чемпиона мира по спринту Валерия Муратова и без полутора минут чемпиона мира Александра Сафронова. Это был поистине фантастический по своей психологической и эмоциональной наполненности забег. Лицом к лицу встретились тридцатилетний ветеран Муратов, вписавший много славных страниц в историю спринта, бегавший

еще со мной и побеждавший меня, сражавшийся с Бёресом, Келером, Схенком и бывший не раз впереди них, боровшийся в одиночку со всеми сильнейшими и быстрееими на земле. Он выступал за сборную в трудные годы, когда отдельные руководители колебались в своих методических поисках. В эти-то годы Муратов твердо и последовательно доказывал одну мысль: советская школа спринта — школа Кудрявцева и Сергеева — существует, живет и обязательно победит!

Этого сезона Валерий ждал с нетерпением. Залечив травму, Муратов искал борьбы, состязаний. Ему необходимо было проверить себя на уровне самых высоких скоростей. «Меня победить нельзя!» — эту мысль Валерий пытался доказать прежде всего самому себе.

Спокойствие, столь нехарактерное для спринтера, не позволяло Муратову поддаваться панике. Он лежал в больнице, когда никому не известный шестнадцатилетний паренек из Дзержинска Александр Демидов показал на льду Медео 1.18,80. Именно столько мгновений потребовалось ему, чтобы преодолеть 1000 метров, почти на полсекунды улучшив тогдашнее лучшее достижение Валерия Муратова. Но к этому рекорду Муратов шел двенадцать лет: из года в год участник двух олимпиад планировал покорить рубеж 1 минуты 19 секунд — и не мог. А шестнадцатилетний школьник затратил на штурм всего один год. Думаете, случайность? Нет. В наших коньках начался ощутимый, не всеми специалистами осознанный сдвиг. За тот год, что болел Муратов-старший, на арену вышло юное поколение советских спринтеров: Сафронов, Куликов, Демидов. Они за год догнали Валерия. Догнали по техническим результатам. Но Муратов, безусловно, не сказал своего последнего слова. Он очень обрадовался, что вокруг него выросла «молодая роща» спринтеров.

— Я теперь не один, — сказал Валерий. — Мой опыт плюс их молодость — разве это плохой сплав?

Муратов был полон решимости повести молодых спринтеров в атаку. И на мировые рекорды, и на штурм королевской короны в спринте...

Муратов уже привез из Америки лавровый венок чемпиона мира, когда его фотографии появились на обложках «Огонька» и «Смены». Одну из фотографий увидел ленинградский школьник Александр Сафронов. Присмотрелся. Сухое, не улыбающееся лицо чемпиона мира, казалось, не выражало никаких чувств. Но Сафронов со свойственной ему смелостью высказался вслух:

— Вот какой у нас чемпион мира! Сильный, спокойный. Но ведь он спокоен до поры до времени. Что с ним станет, когда он узнает, что я уже живу на свете и что у меня есть желание примерить корону чемпиона мира? Муратов еще не слышал обо мне, ибо тренируюсь я в скромном обществе «Трудовые резервы», у малоизвестного Павла Павлова, брата прославленного чемпиона пятидесятых годов... Бегаю я пока не столь быстро, чтобы имя мое попало на страницы ведущих газет, проще говоря — «скребусь по первому разряду». Но я люблю бег, люблю скорость. И силу свою приятно чувствовать!

Через пять лет они встретились. Слава прошлого и надежда будущего — Муратов и Сафронов. Муратов к тому моменту еще не потерял шансов стать чемпионом мира в третий раз. Но для этого ему необходимо было не просто выиграть у Сафронова, но нокаутировать молодого соперника. Муратов с первых же шагов предложил бешеный темп. Нет, это вовсе не признак отчаяния. Это вызов бойца, который проверял на зрелость вчерашнего юниора. Сафронов понимал, что Муратова могли спасти скорость, предельный риск и отчаянная решимость. Валерий рвался, темповал, диктовал условия, вызывал огонь на себя...

А Сафронов, словно не замечал рядом с собой могучего «льва». Саша катился и улыбался — ведь у каждо-

го из бегунов своя дорожка. Сафронов катился легко и уверенно, поддерживая скорость, необходимую для победы. А когда до финиша оставалось 200 метров и я закричал Муратову с «тренерской биржи»: «Выход! Выход!» — Сафронов за считанные мгновения догнал Валерия и пронесся мимо него по внутренней дорожке. К золотой медали пронесся. Новый чемпион мира одержал победу убедительную и тактику продемонстрировал зрелую и грамотную. Муратов, естественно, первым поздравил Сафронова и улыбнулся:

— Вашему поколению идти дальше. А мы, старики, свое сделали.

Но говоря это, Муратов, подчеркиваю, улыбался. А это означало, что ветеран сдаваться без боя не намерен. Не тот человек Валерий. Впереди еще много стартов. И не для того Муратов-старший остался в конькобежном спорте на четыре года, чтобы ехать на Олимпиаду в Инсбруке пассажиром, успевшим впрыгнуть в уходящий поезд. Нет, он намерен сменить бронзовую медаль, завоеванную в Саппоро, на медаль более высокого достоинства. Правда, позволит ли ему это сделать Сафронов? Или еще кто-нибудь? Гадать не будем — лучше подождем Олимпиаду...

Вспоминаю, как на III зимней Спартакиаде народов СССР Александр Сафронов никак не мог завоевать золотой медали победителя. Серебро да серебро. Три награды подряд. Один журналист спросил его:

— Когда же станешь чемпионом, Саша?.. Ведь дистанций в запасе не остается. Пора бы! Сафронов прищурил свои красивые, с хитрецей глаза, потрепал помпончик шапочки и сказал:

— Записывайте в блокнот... Прежде чем стать чемпионом, надо узнать, а что это такое — чем-пи-он! Антон Павлович Чехов в начале XX века сердито возражал против употребления слова «чемпион», считая его вычурным и некрасивым. Так утверждают историки.

У меня на этот счет пока нет собственного мнения. Но, если говорить откровенно, позиция второго всегда удобна, у него прекрасный стимул — до-го-нять!

Прошел год. За эти триста шестьдесят пять дней Сафронов не только догнал ушедший вперед авангард мирового спринта, но и вырвался вперед, став мировым рекордсменом на очень трудной, я бы даже сказал — коварной, дистанции — 1000 метров. Потом Сафронов надел корону чемпиона мира — быстреешего на планете...

А ведь всего год назад Саша дебютировал на чемпионате мира в Инсбруке! Тогда к нам, руководителям команды, подбежали иностранные тренеры и заохали: — Вот открытие. А вы приbedнялись...

Нет, мы не приbedнялись и в Сафронова верили давно.

После чемпионата мира Саша стартовал на Спартакиаде народов СССР в Свердловске и завоевал три серебряные медали. Успех исключительный, если вспомнить диапазон выступлений Сафронова — он с одинаковым успехом бежал в Свердловске и спринт, и многоборье, и полуторку.

Несколько лет назад, когда Саша еще учился в школе, к тренеру Павлу Павлову пришла учительница физики и сказала:

— Саша только и думает о коньках... Я его спрашиваю о законе Джоуля-Ленца — он... молчит. Подойду к его парте, а в тетради схемы нарисованы: как лучше входить в поворот с малой, внутренней, дорожки и как рациональнее бежать по внешней...

Полная, самозабвенная, может быть, даже чрезмерная преданность конькам — вот что всегда отличало Сафронова.

Еще один штрих к портрету Сафронова. Мне как-то пришлось один день провести с Сашей. Я заметил, что он все время контролирует свой режим по часам. Пообедал — посмотрел на циферблат. Прошел час после

обеда — выпивает стакан виноградного сока. Пролетел еще один, условно, час — выпивает стакан сока абрикосового... Саша научился познавать себя, слышать себя, свой организм. Он сам из себя делает чемпиона. Да, это фанатизм, да, это самоотдача спорту. Но именно самоотдача всегда и везде помогала рядовым спортсменам становиться чемпионами. На Олимп есть только одна дорога — это когда талант и труд идут рядом. Но я не ошибусь, если скажу, что вырасти в мастера экстра-класса Сафронову помог его тренер — Константин Константинович Кудрявцев.

А потом было 28 марта 1975 года, спринтерский чемпионат Советского Союза на Медео.

Снова истинное наслаждение всем поклонникам коньков доставили наши лидеры: чемпион мира Александр Сафронов и призеры первенства Евгений Куликов и Валерий Муратов. Стартовали они в 18 часов, когда щедрое солнце уже ушло за горы, а со снежных вершин Зайлийского Алатау стала спускаться вечерняя прохлада. И в это время в течение буквально пяти минут трижды был улучшен мировой рекорд, который еще утром все называли феноменальным. Сафронов отлично разогнался, хорошо вписался в поворот и, бурно финишируя, остановил стрелки электронных секундомеров на цифрах 37,76. Он превзошел достижение, принадлежавшее Валерию Муратову на 0,09 секунды.

Не успели стихнуть аплодисменты в адрес нового рекордсмена, а выстрел стартера уже послал в ледовый путь Евгения Куликова. Продемонстрировав мощный волевой бег, Куликов показал 37,20 — результат, не поддающийся описанию. Время Сафронова было улучшено более чем на полсекунды. А сделать это, учитывая скорости 1975 года, было очень трудно: ведь все лидеры были приблизительно равны по своим силам и счет шел на сотые доли секунды...

Итак, Куликов отобрал у Валерия Муратова высшее

достижение. Как ответил на вызов Евгения наш испытанный в турнирных боях ветеран? Его разбег был даже лучше, чем ленинградца. На огромной скорости вошел он во второй поворот... Но счастье ему не улыбнулось. До нового мирового рекорда, установленного минуту назад, Муратову не достало всего 0,02. Сотая, сотая, кто тебя выдумал?..

А после заливки льда мужчины разыграли комплект наград на дистанции 1000 метров. Звание чемпиона страны завоевали Евгений Куликов и Александр Сафронов, показавшие одинаковое время — 1.19,12. А мировой рекордсмен на этой дистанции В. Муратов, неудачно разогнавшись, поскользнулся и улетел за поролоновые маты. Снова неудача. Да, скорости никому легко не даются...

День, когда Сафронов, Куликов и В. Муратов сделали смелый рывок к границам 37 секунд, конечно же, останется в памяти всех болельщиков конькобежного спорта. Наверное, найдутся такие, кто скажет: «Но ведь это было на «Медео» весной, в мартовский день! Просто погода улыбнулась...» Но давайте вспомним: искусственный высокогорный каток работает уже третий сезон, и много раз в марте была такая же хорошая погода и столь же быстрый лед, но наши спортсмены не имели тогда такой отличной физической и технической подготовки. Сегодня же советский спринт стал качественно новым. Три одинаково сильных спортсмена не одиноки. Они ведут за собой большой отряд молодежи, дерзкой и в хорошем смысле слова честолюбивой. Никто никому не хочет уступать даже сотой доли секунды — и в красивой борьбе рождается рекорд за рекордом. Есть ли предел достижениям?

На этот вопрос убедительно ответил Евгений Куликов. На следующий день соревнований в Медео он стартовал на пятисотке в паре с Сафроновым. Разогнался чуть хуже, чем накануне, когда установил рекорд мира.

Очевидно, сказалась нервная усталость после фальстарта. Лицом в лицу сошлись два сильнейших спринтера мира — чемпион и второй призер. Они бежали шаг в шаг, но четкая работа на последнем вираже дала преимущество Куликову — 37,00.

Результат просто сказочный. Еще три года назад, беседуя в Давосе с двукратным олимпийским чемпионом Эрхардом Келлером, я спросил его:

— А возможен ли результат 37,00 в спринте?

Келлер покачал головой:

— Для того чтобы показать 37,00, надо построить специальную дорожку — прямую, как стрела... Человек не способен устоять против центробежной силы на поворотах, его обязательно унесет за бровку...

Три зимы пролетело, и вот Евгений Куликов раздвинул представление о пределах человеческих возможностей, распахнув окно в мир сверхзвуковых скоростей. Теперь на очереди уже 36 секунд...

Пьедестал! Замечательный, счастливый финал! Он — итог многолетнего труда спортсменов и тренеров. Пьедестал! В нем и взволнованность Валерия Муратова, и честолюбие Сафронова, и дерзость Куликова, и неуемная жажда труда Кащея... Хорошее всеобщее беспокойство, то самое, о котором говорил академик Иван Павлов: «Пожелайте себе всяческого беспокойства...»

Пожелали — и вот мучаемся!

И работаем!

И радуемся!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
От автора	25
Глава 1. Разбег	26
Глава 2. Мне везло на добрых людей	34
Глава 3. «Так вот ты какая, Олимпиада!»	59
Глава 4. Всего себя отдать победе	115
Глава 5. Когда тебя считают фаворитом	129
Глава 6. Саппоро, не похожее на Гренобль	166
Глава 7. Двое в феврале	191
Глава 8. Пьедестал	209

Евгений Романович Гришин

ИЛИ — ИЛИ

Заведующая редакцией *З. В. Дворцевая*. Редактор *Т. А. Нечистик*,
Художник *В. М. Блинов*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*.
Технический редактор *Л. В. Голубева*. Корректор *З. Г. Самылкина*.
А 05917. Сдано в производство 4/IX 1975 г. Подписано к печати 17/IV
1976 г. Бумага кн.-журн. № 2. Формат 70×108¹/₃₂. Печ. л. 7. Усл. п. л.
9,8. Уч.-изд. л. 9,53. Тираж 50 000 экз. Издат. № 5015. Цена 28 коп,
Зак. 678. Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 103006. Москва, К-6, Каляев-
ская ул., 27. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Сво-
боды, 97.

